

18+

Пол Престон

ФРАНКИЗМ В ИСПАНИИ

ИСТРЕБЛЕНИЕ
НЕСОГЛАСНЫХ

Современная история массового насилия

Пол Престон

**Франкизм в Испании.
Истребление несогласных**

«Питер (Айлиб)»

2016

УДК 323(460)+94(460)
ББК 63.3(4Исп)6+66.3(4Исп)

Престон П.

Франкизм в Испании. Истребление несогласных / П. Престон — «Питер (Айлиб)», 2016 — (Современная история массового насилия)

ISBN 978-5-4461-4193-7

Сэр Пол Престон — один из ведущих мировых историков, признанный специалист по истории Испании и главный биограф Франсиско Франко. Более 50 лет он изучал гражданскую войну в Испании и франкистскую диктатуру, за свои исследования удостоившись множества престижных международных наград. В этой книге Престон обращается к одной из самых замалчиваемых тем XX века — систематическому уничтожению режимом Франко своих политических противников. Опираясь на архивные документы, свидетельства очевидцев и точные статистические данные, автор раскрывает масштаб государственного террора, ставшего основой диктатуры. Книга получила высокие оценки историков и журналистов. Обозреватель *The Guardian* Джайлс Тремлетт назвал ее первой полной и честной попыткой осмыслить этот ужас, отметив уместность термина «холокост» для описания масштабов насилия. За годы правления Франко около миллиона человек были заключены в тюрьмы по политическим мотивам, тысячи — казнены, и это исследование становится документальным свидетельством мрачной страницы европейской истории. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 323(460)+94(460)
ББК 63.3(4Исп)6+66.3(4Исп)

ISBN 978-5-4461-4193-7

© Престон П., 2016
© Питер (Айлиб), 2016

Содержание

Пролог	7
Часть первая	15
1	15
2	42
3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пол Престон
Франкизм в Испании
Истребление несогласных
Посвящается Габриэль

The Spanish Holocaust © 2016, Paul Preston

© Перевод на русский язык ООО «Прогресс книга», 2026

© Издание на русском языке, оформление ООО «Прогресс книга», 2026

© Серия «Современная история массового насилия», 2026

Пролог

Во время Гражданской войны в Испании около 200 000 мужчин и женщин погибли не на полях сражений, они были либо убиты безо всякого суда и следствия, либо казнены по несправедливому приговору после ненадлежащего судебного разбирательства. Это был результат военного переворота против Второй республики¹ (примечания см. в конце книги. – *Примеч. ред.*), случившегося 17–18 июля 1936 года. Примерно столько же людей погибли во время боестолкновений. Не поддающееся учету число мужчин, женщин и детей погибли в результате бомбардировок и массовой эмиграции, последовавшей за оккупацией территории военными силами Франко. После окончательной победы мятежников в конце марта 1939 года по всей Испании были казнены около 20 000 республиканцев. Еще больше людей умерли от болезней и недоедания в антисанитарных условиях переполненных тюрем и концентрационных лагерей. Другие погибли в условиях рабского труда в рабочих батальонах. Более 500 000 беженцев были вынуждены покинуть страну, и многим из них предстояло умереть от болезней во французских лагерях. Несколько тысяч человек были до смерти замучены в нацистских концлагерях. Цель этой книги – показать, насколько это возможно, что и почему происходило с гражданским населением Испании в тот период. Все произошедшее составляет то, что, по моему мнению, можно с полным основанием назвать испанским холокостом.

Я долго думал над использованием слова «холокост» в названии этой книги. Я испытываю глубокую скорбь и возмущение по поводу целенаправленной попытки нацистов уничтожить европейское еврейство. Я также испытываю глубокую скорбь и возмущение по поводу меньших, но не менее масштабных страданий, выпавших на долю испанского народа во время Гражданской войны 1936–1939 годов и в течение нескольких лет после нее. Мне не удалось подобрать слово, которое более точно отражало бы эти события, чем «холокост». Более того, на мой выбор повлиял тот факт, что те, кто оправдывал истребление невинных испанцев, использовали антисемитскую риторику и часто утверждали, что их нужно было уничтожить, потому что они служили орудием «еврейско-большевистско-масонского» заговора. Тем не менее я использую слово «холокост» не для того, чтобы приравнять то, что произошло в Испании, к тому, что происходило в остальной части континентальной Европы под немецкой оккупацией, а для того, чтобы предложить рассмотреть это в широком сравнительном контексте. Таким образом мы надеемся выявить параллели и связи, которые помогут лучше понять случившееся в Испании во время Гражданской войны и после нее.

По сей день генерал Франко и его режим имеют довольно приличную репутацию в прессе. Это объясняется рядом устойчивых мифов о преимуществах его правления. Наряду с тщательно выстроенной теорией о том, что он был вдохновителем экономического «чуда» в Испании в 1960-х годах и героически спас свою страну от Второй мировой войны, существует множество фальсификаций об истоках его режима. Они базируются на первоначальной лжи о необходимости Гражданской войны для спасения Испании от захвата коммунистами. Успех этой фальсификации привел к тому, что в большинстве работ, посвященных Гражданской войне в Испании, последняя изображалась как противостояние двух более или менее равных сторон. Проблема же невинных жертв среди мирного населения подводится под эту концепцию и тем самым «нормализуется». Более того, антикоммунизм, нежелание верить в то, что офицеры и джентльмены могут быть причастны к преднамеренному массовому убийству мирных граждан, и неприятие антиклерикального насилия в какой-то мере объясняют серьезный пробел в историографии этой войны.

¹ Вторая Испанская Республика (*La Segunda República Española*) – республиканский период после низложения монархии, длившийся с 1931 года до установления диктатуры Франсиско Франко в 1939 г. – *Примеч. ред.*

В литературе, посвященной данному конфликту и его последствиям, относительно мало внимания уделяется тому, в какой степени военные действия мятежников были построены на предварительном плане систематических массовых убийств и последующем режиме государственного террора. То же самое можно сказать и о том, что цепная реакция, подпитывавшая ответные массовые убийства в зоне, контролируемой лоялистами², была запущена, как только планы военных мятежников начали претворяться в жизнь с ночи 17 июля 1936 года. Коллективный террор в обоих тылах, развязанный жестокими преступниками против невинных граждан, оправдывает использование в данном контексте слова «холокост» не только из-за его масштабов, но и потому, что в испанском случае, как и в случае Германии и России, следует ссылаться на его признаки систематического истребления населения.

Были проведены две тыловые репрессии – в зонах контроля республиканцев и мятежников. Несмотря на то что количественно и качественно они сильно отличались друг от друга, каждая из них унесла жизни десятков тысяч людей, большинство из которых не были виновны ни в каких-либо правонарушениях, ни даже в политическом активизме. Лидеры восстания, генералы Мола, Франко и Кейпо де Льяно, рассматривали испанский пролетариат так же, как и марокканский, – как низшую расу, которую необходимо подчинить внезапным, бескомпромиссным насилием. Поэтому они развязали в Испании образцовый террор, отработанный ими в Северной Африке, задействовав Испанский иностранный легион и марокканских наемников колониальных войск – «Регуларес»³.

Их одобрение вопиющей жестокости своих людей отражено в военном дневнике Франко за 1922 год, где с любовью описываются разрушенные марокканские деревни и их обезглавленные защитники. Он с удовольствием рассказывает о том, как его подросток-горнист отрезал ухо пленному⁴. Франко сам командовал 12 легионерами во время рейда, из которого они вернулись с трофеями в виде окровавленных голов 12 представителей племени⁵. Обезглавливание пленных и нанесение им увечий было обычным делом. Когда генерал Мигель Примо де Ривера посетил Марокко в 1926 году, целый батальон Легиона ожидал инспекции с головами, насаженными на штыки⁶. Во время Гражданской войны террор Африканской армии аналогичным образом применялся на материковой части Испании как инструмент хладнокровно задуманного проекта по укреплению будущего авторитарного режима.

Репрессии, проводившиеся военными мятежниками, были тщательно спланированной операцией по уничтожению, по словам руководителя переворота Эмилио Мола, «тех, кто думает не так, как мы, без угрызений совести и колебаний»⁷. Репрессии в зоне контроля республиканцев, напротив, характеризовались горячностью и реактивностью. Вначале это была спонтанная оборонительная реакция на восстание, которую впоследствии обострили приведенные беженцами новости о зверствах военных и бомбардировки мятежников. Трудно представить, как насилие в республиканской зоне могло бы произойти без военного переворота, фактически снявшего все ограничения, принятые в цивилизованном обществе. Разрушение структур правопорядка в результате переворота привело к взрыву как слепой тысячелетней мести (накопленной обиды за угнетение на протяжении веков), так и безрассудной преступно-

² Лоялисты (от фр. *loyal* – «верный», от лат. *legalis* – «законный») – приверженные законному правительству. В Испании 1936–1939 гг. одно из названий лагеря республиканцев. – *Примеч. ред.*

³ Регулярные туземные силы (*Fuerzas Regulares Indígenas*). – *Примеч. ред.*

⁴ Comandante Franco, *Diario de una bandera* (Madrid: Editorial Pueyo, 1922), pp. 129, 177.

⁵ *El Correo Gallego*, 20 April 1922.

⁶ José Martín Blázquez, *I Helped to Build an Army: Civil War Memoirs of a Spanish Staff Officer* (London: Secker & Warburg, 1939), p. 302; Herbert R. Southworth, *Antifalange: estudio crítico de 'Falange en la guerra de España: la Unificación y Hedilla' de Maximiano García Venero* (Paris: Ruedo Ibérico, 1967), pp. xxi – xxii; Guillermo Cabanellas, *La guerra de los mil días: nacimiento, vida y muerte de la II República española*, 2 vols (Buenos Aires: Grijalbo, 1973), II, p. 792.

⁷ Juan de Iturralde (Father Juan José Usabiaga Irazustabarrena), *La guerra de Franco, los vascos y la Iglesia*, 2 vols (San Sebastián: Publicaciones del Clero Vasco, 1978), I, p. 433.

сти тех, кого выпустили из тюрьмы, или тех, кто никогда ранее не осмеливался дать волю своим инстинктам. Кроме того, как и в любой войне, существовала реальная военная необходимость борьбы с врагом изнутри.

Нет сомнений в том, что по мере развития Гражданской войны враждебность противников нарастала, подпитываемая негодованием и желанием отомстить, когда до них доходила информация о творившемся на другой стороне. Тем не менее также очевидно, что с первых же минут в воздухе витала ненависть, которая выплеснулась в североафриканском форпосте Сеуты ночью 17 июля 1936 года или в республиканских казармах Куартель-де-ла-Монтанья в Мадриде 19 июля. В первой части данной книги рассказывается о том, как разжигалась эта вражда. Поляризация стала следствием решимости правых блокировать реформаторские устремления демократического режима Второй республики, установленного в апреле 1931 года. Противодействие реформам привело к еще более радикальной реакции левых. В то же время были разработаны правые теологические и расовые теории, оправдывавшие вмешательство военных и уничтожение левых.

В случае военных мятежников в их планировании и подготовке центральное место занимала программа террора и истребления. Учитывая численное превосходство городских и сельских рабочих классов, они считали, что мгновенное развязывание террора будет иметь решающее значение для их победы. При помощи сил, ожесточенных колониальными войнами в Африке, и поддержке местных землевладельцев этот процесс контролировался на юге генералом Кейпо де Льяно. В значительно отличающихся друг от друга Наварре, Галисии, Старой Кастилии и Леоне – глубоко консервативных районах, где военный переворот почти сразу же увенчался успехом, а сопротивление левых было минимальным, – применение террора под руководством генерала Моля было непропорционально жестоким.

Цели мятежников по истреблению несогласных, если не их военный потенциал, нашли отклик в крайне левых кругах, в частности в анархистском движении, в риторике о необходимости «очищения» коррумпированного общества. В районах, подконтрольных республиканцам, скрытая ненависть, проистекавшая из нищеты, голода и эксплуатации, вылилась в неорганизованный террор, особенно в Барселоне и Мадриде. Объектами насилия неизбежно становились не только военные, причастные к восстанию, но и богачи, банкиры, промышленники и землевладельцы, которые воспринимались как угнетатели. Репрессии, зачастую более жестокие, также были направлены против представителей духовенства, считавшихся пособниками богачей, узаконивающими несправедливость, в то время как Церковь накапливала баснословные богатства. В отличие от систематических репрессий, проводившихся мятежниками в качестве инструмента политики, это беспорядочное насилие совершалось вопреки республиканским властям, а не по их указу. В результате усилий сменявших друг друга республиканских правительств по восстановлению общественного порядка левые репрессии действительно были сдержаны и в основном прекратились к декабрю 1936 года.

Два самых кровавых эпизода Гражданской войны в Испании, тесно связанные между собой, касаются осады Мадрида мятежниками и обороны столицы. Африканская армия Франко, так называемая колонна смерти, оставляла за собой кровавый след, завоевывая города и деревни на пути из Севильи в столицу. Объявив таким образом, что может ожидать Мадрид, если капитуляция не будет немедленной, ответственные за оборону города приняли решение об эвакуации правых заключенных, в частности офицеров, поклявшихся при первой же возможности присоединиться к мятежникам. Реализация этого решения привела к печально известной резне правых в Паракуэльосе на окраине Мадрида.

К концу 1936 года сформировались две разные концепции войны. Республика находилась в обороне как против Франко, так и против внутренних врагов. В числе таких врагов была

не только процветавшая повстанческая пятая колонна⁸, которая занималась шпионажем, саботажем и распространением пораженчества и уныния. Угрозу международному имиджу Республики и ее военным действиям также видели в революционных амбициях анархистского движения, состоявшего из профсоюза *Confederación Nacional de Trabajo (CNT, Национальная конфедерация труда)*⁹ и его активистского крыла *Federación Anarquista Ibérica (FAI, Федерация Анархистов Иберии)*¹⁰. Антисталинская *Partido Obrero de Unificación Marxista (P.O.U.M., Рабочая партия марксистского единства)*¹¹ в равной степени была полна решимости сделать приоритетом революцию. И те и другие стали объектами внимания силовых ведомств, что положило конец бесконтрольным репрессиям первых месяцев. Со стороны мятежников стремительное продвижение Африканских колонн сменилось умышленно затяжной войной Франко на уничтожение в Стране Басков, Сантандере, Астурии, Арагоне и Каталонии. Его военные усилия все больше задумывались как инвестиции в террор, который должен был способствовать установлению его диктатуры. Послевоенная система судебных процессов, казней, тюрем и концентрационных лагерей закрепила эти инвестиции.

Цель заключалась в обеспечении гарантий того, что интересы истеблишмента больше никогда никем не будут оспариваться, как это было в период с 1931 по 1936 год в результате демократических реформ Второй республики. Когда духовенство оправдывало, а военные претворяли в жизнь призыв генерала Моля уничтожить «тех, кто думает не так, как мы», они не участвовали в интеллектуальном или этическом крестовом походе. Предполагалось, что защита интересов истеблишмента требует искоренения «мышления» прогрессивных либеральных и левых элементов. Последние ставили под сомнение центральные догматы правых, которые можно было бы выразить в лозунге главной католической партии, *La Confederación Española de Derechas Autónomas (CEDA, Испанская конфедерация автономных правых)*¹², – «Религия, Отечество, Семья, Порядок, Работа, Собственность», – неприкосновенные составляющие социальной и экономической жизни Испании до 1931 года. «Религия» означала монополию католической церкви на образование и религиозную практику. «Отечество» – отсутствие вызова испанскому централизму со стороны регионального национализма. «Семья» – подчиненное положение женщины и запрет на развод. «Порядок» означал нетерпимость к общественным протестам. «Работа» относилась к обязанностям трудящихся масс. Под «Собственностью» подразумевались привилегии землевладельцев, чье положение должно было оставаться неоспоримым. Иногда в список включалось слово «Иерархия», дабы подчеркнуть незыблемость существующего социального порядка. В районах, занятых мятежниками, непосредственными жертвами обеспечения защиты всех этих постулатов становились не только школьные учителя, масоны, либеральные врачи и адвокаты, представители интеллигенции и лидеры профсоюзов – те, кто мог пропагандировать левые идеи. Убивали и тех, кто мог попасть под влияние их идей: профсоюзных активистов; тех, кто не посещал мессу; тех, кого подозре-

⁸ «Пятая колонна» – общий термин для обозначения сторонников мятежников (националистов, франкистов), оказавшихся в зоне контроля республиканцев. – *Примеч. ред.*

⁹ *Confederación Nacional de Trabajo (CNT, Национальная конфедерация труда)* – анархо-синдикалистское объединение профсоюзов в Испании; возникло в 1910 г. в Барселоне на базе профсоюза «Рабочая солидарность». – *Примеч. ред.*

¹⁰ *Federación Anarquista Ibérica (FAI, Федерация Анархистов Иберии)* – испанская анархистская организация, боевое крыло анархо-синдикалистского профсоюза «Национальная конфедерация труда» (CNT); была основана в 1927 г. в Валенсии с целью не допустить бюрократизации CNT и активного противодействия установившемуся в Испании диктаторскому режиму Мигеля Примо де Риверы. – *Примеч. ред.*

¹¹ *Partido Obrero de Unificación Marxista (P.O.U.M., Рабочая партия марксистского единства)* – левая марксистская партия антисталинского толка, существовавшая в 1930-е гг. в Испании. – *Примеч. ред.*

¹² *La Confederación Española de Derechas Autónomas (CEDA, Испанская конфедерация автономных правых)* – объединение политических партий Испании периода второй республики; была основана 4 марта 1933 г. В основном состояла из правых католических партий, придерживавшихся монархических взглядов и выступавших против антиклерикальной политики левоцентристских республиканцев. – *Примеч. ред.*

вали в голосовании в феврале 1936 года за левую избирательную коалицию, Народный фронт¹³; и женщин, получивших право голоса и право на развод.

Что все это означало с точки зрения количества смертей, до сих пор невозможно сказать с точностью, хотя общие черты ясны. Поэтому в книге часто приводятся ориентировочные цифры, основанные на масштабных исследованиях, проведенных по всей Испании в последние годы многими местными историками. Однако, несмотря на их выдающиеся достижения, представить окончательные данные об общем числе погибших в тылах, особенно в зоне мятежников, все еще невозможно. Цель всегда должна заключаться в том, чтобы основывать количество убитых в обеих зонах на именах погибших. Благодаря усилиям республиканских властей того времени по идентификации тел и дальнейшим расследованиям, проведенным франкистским государством, число убитых или казненных в республиканской зоне известно с относительной точностью. Самая достоверная из последних цифр, определенная крупнейшим экспертом по этому вопросу Хосе Луисом Ледесмой, составляет 49 272 человека. Однако неопределенность относительно масштабов убийств в республиканском Мадриде может привести к увеличению этого числа¹⁴. Даже в тех районах, где были проведены достоверные исследования, из-за новой информации и раскопок общих могил цифры постоянно пересматриваются, хотя и в относительно небольших пределах¹⁵.

Напротив, подсчет числа жертв республиканцев, пострадавших от насилия мятежников, сопряжен со множеством трудностей. В 1965 году франкисты вдруг задумались о невообразимом – о том, что каудильо не бессмертен и что нужно готовиться к будущему. Только в 1985 году испанское правительство начало принимать запоздалые и нерешительные меры по защите национальных архивов. За эти важнейшие двадцать лет были потеряны миллионы документов, включая архивы единственной партии режима Франко – фашистской Фаланги¹⁶, провинциальных полицейских управлений, тюрем и главных франкистских местных органов власти – гражданских губернаторов. Колонны грузовиков вывозили «судебные» отчеты о репрессиях. Помимо намеренного уничтожения архивов, были и «нечаянные» потери, когда некоторые городские советы продавали тонны своих архивов как макулатуру для переработки¹⁷.

Серьезное исследование стало возможным только после смерти Франко в 1975 году. Когда исследователи приступили к работе, они столкнулись не только с умышленным уничтожением франкистскими властями значительной части архивных материалов, но и с тем, что многие смерти были просто зарегистрированы ошибочно либо вовсе не были зарегистрированы. Помимо этого помехой служили сохранявшийся страх свидетелей заявить о себе и препятствование исследованиям, особенно в провинциях Старой Кастилии. Архивные материалы

¹³ Народный фронт (исп. Frente Popular) – союз левых и либеральных партий перед выборами 1936 г. во Второй Испанской республике. – *Примеч. ред.*

¹⁴ Наиболее общепринятая цифра для Мадрида – 8815 человек. См. Santos Juliá *et al.*, *Víctimas de la guerra civil* (Madrid: Ediciones Temas de Hoy, 1999), p. 412; Mirta Núñez Díaz-Balart *et al.*, *La gran represión: los años de plomo del franquismo* (Barcelona: Flor del Viento, 2009), p. 443; и José Luis Ledesma, 'Una retaguardia al rojo: las violencias en la zona republicana', в Francisco Espinosa Maestre, ed., *Violencia roja y azul: España, 1936–1950* (Barcelona: Editorial Crítica, 2010), pp. 247, 409. Сумма 8815 основана на данных о 5107 убитых, приведенных генералом Рафаэлем Касасом де ла Вегой. *El terror: Madrid 1936: investigación histórica y catálogo de víctimas identificadas* (Madrid: Editorial Fénix, 1994), pp. 247, 311–460, к которым без объяснения причин Анхель Давид Мартин Рубио добавил еще 3708 человек, *Paz, piedad, perdón ... y verdad: la represión en la guerra civil: una síntesis definitiva* (Madrid: Editorial Fénix, 1997), p. 316. В той же работе (pp. 317–319, 370, 374) и в *Los mitos de la represión en la guerra civil* (Madrid: Grafite Ediciones, 2005) (p. 82) Мартин Рубио называет количество в 14 898 человек, опять же без объяснений.

¹⁵ Например, см. Jesús Vicente Aguirre González, *Aquí nunca pasó nada: La Rioja 1936* (Logroño: Editorial Ochoa, 2010) p. 8 и Francisco Espinosa Maestre in Núñez Díaz-Balart *et al.*, *La gran represión*, p. 442.

¹⁶ Испанская Фаланга (исп. *Falange Española*) – ультраправая политическая партия в Испании; основана в 1933 году Хосе Антонио Примо де Риверой; при авторитарном режиме Франсиско Франко – правящая и единственная законная партия в стране (1936–1975). – *Примеч. ред.*

¹⁷ Francisco Espinosa Maestre, *La justicia de Queipo: violencia selectiva y terror fascista en la II División en 1936: Sevilla, Huelva, Cádiz, Córdoba, Málaga y Badajoz* (Seville: Centro Andaluz del Libro, 2000), pp. 13–23.

тайнственным образом исчезали, и местные чиновники часто отказывались давать разрешение на ознакомление с гражданскими реестрами¹⁸.

Многим казням, совершенным военными мятежниками, судебные процессы придавали видимость псевдозаконности, хотя фактически они мало чем отличались от внесудебных убийств. Смертные приговоры выносились после процедур, которые длились по несколько минут и в ходе которых обвиняемым не предоставляли слова¹⁹. Смерти тех, кого убивали в рамках так называемых операций по зачистке и карательных операций, имели сомнительнейшее юридическое обоснование в виде регистрации с формулировкой «в связи с введением военного положения». Это должно было узаконить внесудебные казни тех, кто сопротивлялся военному захвату власти. Таким же образом были зарегистрированы сопутствующие смерти многих невинных людей, безоружных и не оказывавших никакого сопротивления. Кроме того, совершались казни тех, кого регистрировали как убитых «без суда и следствия» за укрывательство беглецов, – их расстреливали просто по военному приказу. При этом систематически предпринимались меры по сокрытию происходившего. Заключенных увозили далеко от родных городов, казнили и хоронили в безымянных братских могилах²⁰.

И наконец, значительное число смертей вообще никак не регистрировалось. Так было со многими из тех, кто бежал от Африканских колонн Франко, направлявшихся из Севильи в Мадрид. По мере захвата каждого города или деревни среди убитых оказывались беженцы из других мест. Поскольку они не имели при себе документов, их имена и места рождения были неизвестны. Подсчитать точное число убитых в полях отрядами конных фалангистов и крайне правых монархистов из так называемого карлистского движения²¹, вероятно, не удастся никогда. Точно так же невозможно установить судьбу тысяч беженцев из Западной Андалусии, погибших в эмиграции после падения Малаги в 1937 году, или тех, кто со всей Испании бежал в Барселону, пытаясь найти в ней укрытие, чтобы в 1939 году умереть во время бегства к французской границе, или тех, кто покончил с собой, тщетно ожидая эвакуации из средиземноморских портов.

Тем не менее огромное количество проведенных исследований позволяет утверждать, что в целом репрессии со стороны мятежников были примерно в три раза масштабнее, чем со стороны республиканцев. Наиболее достоверное, но все же предварительное число погибших от рук военных мятежников и их сторонников составляет 130 199 человек. Однако маловероятно, что количество жертв меньше 150 000 человек, и оно вполне может быть больше. Какие-то районы были изучены лишь частично, какие-то – почти не изучены. В ряде районов, которые находились под контролем и республиканцев, и мятежников и по которым известны достаточно точные цифры, разница между числом погибших от рук республиканцев и мятежников просто шокирует. Вот несколько примеров: в Бадахосе было 1437 жертв левых против 8914 жертв мятежников; в Севилье – 447 жертв левых против 12 507 жертв мятежников; в Кадисе – 97 жертв левых против 3071 жертвы мятежников; в Уэльве – 101 жертва левых против 6019 жертв мятежников. В тех местах, где не было республиканского насилия, количество

¹⁸ См. разделы, посвященные Бургос (автор Luis Castro) и Паленсии (автор Jesús Gutiérrez Flores), в Enrique Berzal de la Rosa, ed., *Testimonio de voces olvidadas*, 2 vols (León: Fundación 27 de marzo, 2007), pp. 100–102, 217–218.

¹⁹ Julián Casanova, Francisco Espinosa, Conxita Mir и Francisco Moreno Gómez, *Morir, matar, sobrevivir: la violencia en la dictadura de Franco* (Barcelona: Editorial Crítica, 2002), p. 21.

²⁰ Подробнее о том, как регистрировались случаи смерти, см. главу авторства José María García Márquez в Antonio Leria, Francisco Eslava и José María García Márquez, *La guerra civil en Carmona* (Carmona: Ayuntamiento de Carmona, 2008) pp. 29–48; Julio Prada Rodríguez, 'Golpe de Estado y represión franquista en la provincia de Ourense', в Jesús de Juana и Julio Prada, eds, *Lo que han hecho en Galicia: violencia política, represión y exilio (1936–1939)* (Barcelona: Editorial Crítica, 2007), pp. 120–121.

²¹ Карлисты (исп. *carlistas*) – монархическая политическая партия в Испании, в XIX веке принявшая активное участие в трех гражданских войнах (называемых карлистскими); образовалась после издания Фердинандом VII так называемой прагматической санкции (10 июня 1830 года), в силу которой вопреки господствовавшему с 1713 года салическому закону наследницей престола провозглашалась дочь короля Изабелла, а его брат, дон Карлос Старший, устранялся от престолонаследия. – *Примеч. ред.*

убийств, совершенных мятежниками, почти невероятно: например, в Наварре – 3280, в Лариохе – 1977. В большинстве мест, где репрессии республиканцев были активнее, например в Аликанте, Жироне или Теруэле, разница исчисляется сотнями²². Исключением является Мадрид. Убийства, совершенные в течение всей войны, когда столица находилась под контролем республиканцев, по-видимому, в три раза превышали те, что были совершены после оккупации ее мятежниками. Однако точный подсчет затрудняется тем, что наиболее часто цитируемый показатель послевоенных репрессий в Мадриде, составляющий 2663 человека, основан на изучении казненных и похороненных только на одном кладбище – Альмудена, или Сементерио-дель-Эсте²³.

Тем не менее репрессии в зоне контроля республиканцев до их прекращения правительством Народного фронта были ужасающими, хотя насилие франкистов и превосходило их по своим масштабам. Масштабы и характер репрессий ожидаемо различались: самые высокие показатели были зафиксированы в основном на социалистическом юге Толедо и на территории преобладания анархистов – от юга Сарагосы через Теруэль в западную Таррагону²⁴. В Толедо убили 3152 правых, из которых 10 % составляли представители духовенства (почти половина духовенства провинции)²⁵. В Куэнке погибли 516 человек (из них 36, или 7 %, были священниками – почти четверть духовенства провинции)²⁶. Согласно исчерпывающему исследованию Жозепа Марии Суле-и-Сабате и Жуана Виларройо-и-Фонта, число погибших в республиканской Каталонии составляет 8360 человек. Эта цифра полностью соответствует выводам комиссии, созданной Женералитетом Каталонии (каталонским региональным правительством) в 1937 году. Ее возглавлял судья Бертран де Кинтана и расследовал все случаи смертей в тылу, чтобы инициировать меры против лиц, ответственных за внесудебные казни²⁷. Подобная процедура была бы немыслима в зоне контроля мятежников.

Недавние исследования, проведенные не только в Каталонии, но и в большей части республиканской Испании, решительно опровергли пропагандистские заявления, сделанные мятежниками в то время. 18 июля 1938 года в Бургосе сам Франко сказал, что в Каталонии было убиты 54 000 человек. В той же речи он утверждал, будто 70 000 человек уничтожено в Мадриде и 20 000 – в Валенсии. В тот же день он заявил репортеру, что в общей сложности республиканцы совершили 470 000 убийств²⁸. Чтобы показать всему миру уровень республиканского беззакония, 26 апреля 1940 года он организовал крупное государственное расследование, *Causa General* («Генеральное дело»), «чтобы собрать достоверную информацию» для установления истинных масштабов преступлений, совершенных в республиканской зоне. Поощрялись доносы и преувеличения. Поэтому Франко был крайне разочарован, когда на основании информации, собранной в ходе *Causa General*, выяснилось, что число погибших составляет 85 940 человек. Раздутая и с бесчисленными дублированиями, эта цифра все равно

²² Espinosa Maestre, ed., *Violencia roja y azul*, pp. 77–78; Francisco Espinosa Maestre в Núñez Díaz-Balart et al., *La gran represión*, pp. 440–442.

²³ Mirta Núñez Díaz-Balart и Antonio Rojas Friend, *Consejo de guerra: los fusilamientos en el Madrid de la posguerra (1939–1945)* (Madrid: Compañía Literaria, 1997), pp. 107–114; Fernando Hernández Holgado, *Mujeres encarceladas: la prisión de Ventas: de la República al franquismo, 1931–1941* (Madrid: Marcial Pons, 2003), pp. 227–246.

²⁴ Сравнительный анализ см. в José Luis Ledesma Vera, *Los días de llamas de la revolución: violencia y política en la retaguardia republicana de Zaragoza durante la guerra civil* (Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 2003) pp. 83–84; Ledesma Vera, 'Qué violencia para qué retaguardia, o la República en guerra de 1936', *Ayer. Revista de Historia Contemporánea*, No. 76, 2009, pp. 83–114.

²⁵ José María Ruiz Alonso, *La guerra civil en la provincia de Toledo: Utopía, conflicto y poder en el sur del Tajo (1936–1939)*, 2 vols (Ciudad Real: Almud, Ediciones de Castilla-La Mancha, 2004), I, pp. 283–294.

²⁶ Ana Belén Rodríguez Patiño, *La guerra civil en Cuenca (1936–1939)*, 2 vols (Madrid: Universidad Complutense, 2004), II, pp. 122–132.

²⁷ Josep M. Solé i Sabaté и Joan Villarroya i Font, *La represió a la reraguarda de Catalunya (1936–1939)*, 2 vols (Barcelona: Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 1989), I, pp. 11–12; Josep Benet, 'Pròleg', *ibid.*, pp. vi – vii.

²⁸ Francisco Franco Bahamonde, *Palabras del Caudillo 19 abril 1937 – 7 diciembre 1942* (Madrid: Ediciones de la Vicesecretaría de Educación Popular, 1943), pp. 312, 445.

была настолько ниже заявленной Франко, что на протяжении более четверти века ее не включали в издания, где публиковались обзоры результатов *Causa General*²⁹.

Основная, но недооцененная часть репрессий, проводившихся мятежниками, – систематическое преследование женщин – не поддается статистическому анализу. Убийства, пытки и изнасилования были распространенными видами наказания за гендерное освобождение, которое в республиканский период поддерживали многие (правда, не все) женщины, придерживающиеся либеральных и левых взглядов. Те, кто выходил из тюрьмы живым, страдали от серьезных физических и психологических проблем в течение всей жизни. Тысячи других подвергались изнасилованиям и иным видам сексуального насилия, унижениям в виде бритья головы и публичного осквернения после принудительного употребления касторового масла. У большинства женщин-республиканок также были ужасные экономические и психологические проблемы, связанные с тем, что их мужей, отцов, братьев и сыновей убивали или вынуждали бежать, в результате чего самих женщин часто арестовывали, пытаясь заставить их раскрыть местонахождение своих мужчин. Напротив, несмотря на распространенные предположения о том, что изнасилования монахинь были обычным явлением в республиканской Испании, аналогичных случаев жестокого обращения с женщинами там отмечалось относительно немного. Но это не значит, что его не было. Сексуальные домогательства в отношении 10 и гибель 296 монахинь (это примерно 1,3 % женщин, служащих в монастырях) шокирует, но по масштабам значительно уступает судьбе женщин в зоне мятежников³⁰. Это неудивительно, учитывая, что уважение к женщинам было заложено в республиканскую программу реформ.

Статистическое представление об испанском холокосте не только несовершенно, но и неполно и вряд ли когда-либо будет таковым. Оно также не в состоянии передать весь ужас, который скрывается за цифрами. Нижеследующий рассказ включает в себя множество историй отдельных людей – мужчин, женщин и детей – с обеих сторон. В нем приведены конкретные, но показательные примеры жертв и преступников со всей страны. Таким образом авторы надеются передать страдания, которые причинили согражданам офицеры, восставшие 17 июля 1936 года, своей самонадеянностью и жестокостью. Они развязали ненужную войну, последствия которой до сих пор горько отзываются в Испании.

²⁹ Ramón Salas Larrazábal, *Los fusilados en Navarra en la guerra de 1936* (Madrid: Comisión de Navarros en Madrid y Seville, 1983), p. 13.

³⁰ Antonio Montero Moreno, *Historia de la persecución religiosa en España 1936–1939* (Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 1961), pp. 430–434, 762; Gregorio Rodríguez Fernández, *El hábito y la cruz: religiosas asesinadas en la guerra civil española* (Madrid: EDIBESA, 2006), pp. 594–596.

Часть первая Истоки ненависти и насилия

1

Начало социальной войны (1931–1933 годы)

18 июля 1936 года, узнав о военном восстании в Марокко, один землевладелец-аристократ выстроил рабочих в своем поместье к юго-западу от Саламанки и расстрелял 6 из них в назидание остальным. Гонсало де Агилера-и-Мунро, граф Альба де Йельтес, отставной офицер кавалерии, во время Гражданской войны присоединился к службе прессы и пропаганды повстанческих сил и хвастался своим преступлением перед иностранными гостями³¹.

Хотя его предполагаемое злодеяние было крайне жестоким, стоявшие за ним чувства вполне соответствовали ненависти, которая тлела в испанской сельской местности в течение двадцати лет до военного восстания 1936 года. Холодное и расчетливое насилие Агилеры отражало распространенное среди сельских аристократов убеждение, что безземельные рабочие – недочеловеки. Такое отношение стало обычным явлением среди крупных землевладельцев после серии спорадических восстаний голодных поденщиков в тех регионах Испании, где преобладали *латифундии*³². Произошедшие в 1918–1921 годах, в период ожесточенных социальных противоречий, впоследствии названные *trienio bolchevique*³³, эти восстания были подавлены традиционными защитниками сельской олигархии – Гражданской гвардией³⁴ и армией. До этого существовало шаткое перемирие, в рамках которого жалкая участь безземельных поденщиков (*jornaleros*³⁵ или *braceros*³⁶) иногда облегчалась покровительственными жестами хозяев – они дарили рабочим еду или закрывали глаза на их охоту на кроликов в своих владениях или сбор падалицы. Жестокость бунта возмутила землевладельцев, которые никогда бы не простили неповиновения *braceros*, низшему, по их мнению, виду. Соответственно, патернализму, несколько сглаживавшему постоянную жестокость хозяев по отношению к поденщикам, внезапно пришел конец.

Аграрная олигархия в неравном партнерстве с промышленной и финансовой буржуазией традиционно была доминирующей силой испанского капитализма. Ее монополия на власть стала оспариваться с двух сторон в ходе болезненного и неравномерного процесса индустриализации. Процветание нейтральной Испании во время Первой мировой войны позволило промышленникам и банкирам вступить в борьбу с крупными землевладельцами за политические позиции. Однако, поскольку и тем и другим угрожал воинственный промышленный пролетариат, они вскоре восстановили оборонительный союз. В августе 1917 года слабые революционные амбиции левых были жестоко подавлены армией. После этого, вплоть до 1923 года, когда

³¹ Он рассказал об этом британскому добровольцу Питеру Кемпу и французскому корреспонденту Жану д'Оспиталю: Peter Kemp, *Mine Were of Trouble* (London: Cassell, 1957), p. 50; Herbert Rutledge Southworth, *Guernica! Guernica!: A Study of Journalism, Propaganda and History* (Berkeley: University of California Press, 1977), p. 50.

³² Латифундия – землевладение, занимающее большую площадь. – *Примеч. ред.*

³³ *Trienio bolchevique* (в пер. с исп. «большевистское трехлетие») – ряд восстаний, забастовок, демонстраций и убийств, произошедших в 1918–1921 гг. на юге Испании под влиянием Октябрьской революции 1917 г. в России. – *Примеч. ред.*

³⁴ Гражданская гвардия (исп. *Guardia Civil*) – полицейское военизированное формирование, созданное в 1844 году герцогом Франсиско де Аумада для борьбы с отрядами разбойников, которые появились после войн с Наполеоном и последовавших за ними гражданских войн. – *Примеч. ред.*

³⁵ В пер. с исп. «поденщики; сельскохозяйственные рабочие; батраки». – *Примеч. ред.*

³⁶ В пер. с исп. «батраки». – *Примеч. ред.*

армия снова вмешалась, социальное брожение порой граничило с необъявленной гражданской войной. На юге страны вспыхивали восстания сельскохозяйственных рабочих («большевистское трехлетие»). На севере промышленники Каталонии, Страны Басков и Астурии, попытавшиеся преодолеть послевоенный спад за счет снижения заработной платы и сокращений персонала, столкнулись с жесткими забастовками, а в Барселоне – с витком террористических провокаций и расправ.

В создавшейся атмосфере нестабильности и тревоги некоторые представители среднего класса оказались готовы принять давно распространявшуюся крайне правыми католиками идею о том, что тайный союз евреев, масонов и коммунистического Третьего интернационала замышляет уничтожить христианскую Европу, а главной целью для них является Испания. В католической Испании идея о существовании злобного еврейского заговора с целью уничтожения христианства возникла еще в раннем Средневековье. В XIX веке испанские крайне правые воскресили ее, чтобы дискредитировать либералов, которых они считали ответственными за социальные изменения, наносившие ущерб их интересам. В этой параноидальной фантазии масонов изобразили как орудие евреев (которых практически не было) в зловещем заговоре с целью установления еврейской тирании над христианским миром.

По мере того как XIX век приближался к концу, эти идеи высказывались все более яростно. Они были реакцией на бурные процессы быстрого экономического роста, социальных потрясений, волнений, организуемых регионалистскими партиями, движения за буржуазные реформы и появления профсоюзов и левых партий. Объяснение дестабилизации Испании и сопутствующего разрушения относительной уверенности преимущественно аграрного общества было найдено в глубоко тревожной, но в то же время успокаивающей концепции, которая перекладывала вину на понятного иностранного врага. Утверждалось, что, используя масонов как своих добровольных посредников, евреи контролируют экономику, политику, прессу, литературу и мир развлечений, через которые они пропагандируют безнравственность и ожесточение масс. Подобные взгляды уже давно распространяла *El Siglo Futuro*, ежедневная газета глубоко реакционной *Comuni6n Tradicionalista* (партия «Традиционалистская община»). В 1912 году Хосе Игнасио де Урбиной при поддержке 22 испанских епископов была основана «Национальная антимасонская и антисемитская лига»³⁷. Епископ Альмерии писал, что «все готово к решающей битве, которая должна начаться между детьми света и детьми тьмы, между католицизмом и иудаизмом, между Христом и дьяволом»³⁸. Тот факт, что никаких веских доказательств этой теории никогда не существовало, объяснялся хитростью и невероятной мощью врага, воплощения самого зла.

В Испании, как и в других европейских странах, антисемитизм достиг еще большего накала после 1917 года. Считалось аксиомой, что социализм был создан евреями, а революция в Российской империи финансировалась еврейским капиталом. Эта идея приобрела ложную достоверность из-за еврейского происхождения таких видных большевиков, как Троцкий, Мартов и Дан. Средний и высший классы Испании были напуганы и возмущены многочисленными революционными волнениями, угрожавшими им в период с 1917 по 1923 год. Страхи элиты несколько улеглись в сентябре 1923 года, когда в дело снова вмешалась армия и установилась диктатура генерал-капитана Мигеля Примо де Риверы. Будучи военным губернатором Барселоны, Примо де Ривера дружил с каталонскими текстильными магнатами и понимал, что они ощущают угрозу со стороны своих рабочих-анархистов. Кроме того, являясь выходцем из семьи крупных землевладельцев в Херес-де-ла-Фронтера, он также понимал опасения крупных южных землевладельцев, или *латифундистов*. Таким образом, Примо де Ривера был идеаль-

³⁷ В оригинале у автора: *National Anti-Masonic and Anti-Semitic League*. – Примеч. ред.

³⁸ Gonzalo Álvarez Chillida, *El antisemitismo en España: la imagen del judío (1812–2002)* (Madrid: Marcial Pons, 2002), pp. 201–203, 279.

ным преторианским защитником реакционной коалиции промышленников и землевладельцев, сформировавшейся после 1917 года. Оставаясь у власти, он обеспечивал безопасность среднему и высшему классу. Тем не менее его идеологи упорно работали над созданием представления о том, что в Испании сошлись в смертельной схватке две крайне враждебные социальные, политические и, по сути, моральные группировки. В частности, предвосхищая функцию, которую они также будут выполнять в интересах Франко, эти пропагандисты подчеркивали угрозу, исходившую от евреев, масонов и левых.

Данные идеи фактически делегитимизировали весь спектр левых сил – от либеральных демократов среднего класса, социалистов и региональных националистов до анархистов и коммунистов. Это было сделано путем стирания различий между ними и отрицания их права считаться испанцами. Обличения этих «антииспанцев» распространялись через правую прессу и единственную партию режима – *Unión Patriótica* («Патриотический союз»)³⁹, а также через общественные организации и систему образования. Подобные представления формировались для того, чтобы обеспечить удовлетворение диктатурой как оплотом против мнимой большевистской угрозы. Исходя из идеи, что мир разделен на «национальные союзы и советские союзы», влиятельный правый поэт Хосе Мария Пеман заявил, что «для испанского общества пришло время выбирать между Иисусом и Вараввой». Он утверждал, что массы «либо христианские, либо анархические и разрушительные», а народ разделен между анти-Испанией, состоящей из всего неортодоксального и иностранного, и настоящей Испанией с традиционными религиозными и монархическими ценностями⁴⁰.

Другой высокопоставленный пропагандист режима Примо де Риверы, Хосе Пемартин, связанный, как и его кузен Пеман, с крайне правыми в Севилье, также считал, что Испания находится под ударом международного заговора, возглавляемого масонством, «извечным врагом всех правительств мира, поддерживающих порядок». Левых он обобщенно называл «догматами, заблуждающимися в том, что они считают современными, демократическими и европейскими идеями, всеобщим избирательным правом, суверенным парламентом и т. д.» Пемартин утверждал: «Им недоступно искупление. Они психически больны худшей из тираний – идеократией, или тиранией определенных идей». По его мнению, долгом армии было защищать Испанию от этой угрозы⁴¹.

Несмотря на временный успех в успокоении среднего и правящего классов, диктатура Примо де Риверы не продлилась долго. Его благожелательная попытка смягчить авторитаризм патернализмом непреднамеренно оттолкнула землевладельцев, промышленников, церковные власти и часть элитного офицерского корпуса армии. Самым драматичным было то, что его попытки реформировать процедуры продвижения по службе в армии привели к тому, что армия осталась в стороне, когда 14 апреля 1931 года к власти пришла большая избирательная коалиция социалистов и республиканцев из среднего класса. После ухода диктатора в январе 1930 года одним из первых, кто встал на защиту интересов истеблишмента, был доктор Хосе Мария Альбиньяна, эксцентричный невролог из Валенсии и неистовый поклонник Примо де Риверы.

Автор более двадцати романов и книг, посвященных неврастении, религии, истории и философии медицины и испанской политики, а также ряда умеренно империалистических работ о Мексике, Альбиньяна был убежден в существовании тайного иностранного союза, имевшего своей целью уничтожить Испанию. В феврале 1930 года он распространил десятки

³⁹ *Unión Patriótica* («Патриотический союз») – правящая партия Испании в 1924–1930 гг.; была основана в апреле 1924 г. по указу диктатора М. Примо де Риверы. – *Примеч. ред.*

⁴⁰ José María Pemán, *El hecho y la idea de la Unión Patriótica* (Madrid: Imprenta Artística Sáez Hermanos, 1929), pp. 28–29, 105, 308–309.

⁴¹ José Pemartín, *Los valores históricos en la dictadura española*, 2nd edn (Madrid: Publicaciones de la Junta de Propaganda Patriótica y Ciudadana, 1929), pp. 103, 106–107, 683.

тысяч экземпляров своего *Manifiesto por el Honor de España*. В нем он заявил, что «существует масонский совет, который позорит Испанию в глазах всего мира, возрождая “черную легенду”⁴² и другие гнусности, созданные извечными скрытыми врагами нашей родины. Этот совет, состоящий из бессердечных людей, поддерживается злыми политиками, которые, мстя за нанесенные им самим обиды, отправляются за границу, чтобы изрыгать оскорбления в адрес Испании». Это была отсылка к республиканцам, изгнанным диктатурой. Два месяца спустя он основал свою «исключительно испанскую националистическую партию», чьей целью объявлялось «уничтожение внутренних врагов отечества». Фашистский имидж ей придавали легионеры в синих рубашках, вскидывавшие руки в римском салюте, – «добровольцы-граждане, которые должны действовать прямо, стремительно и оперативно против любой инициативы, посягающей на престиж отечества или умаляющей его»⁴³.

Альбиньяна был лишь одним из первых, кто утверждал, что падение монархии – это первый шаг в еврейско-масонско-большевистском заговоре с целью захвата Испании. Подобные идеи подпитывали крайне правую паранойю, которой сопровождалось установление Второй республики. Переход политической власти к *Partido Socialista Obrero Español (PSOE, Испанская социалистическая рабочая партия, ИСПП)*⁴⁴ и ее союзникам из городского среднего класса, юристам и интеллигенции из различных республиканских партий, вселил ужас в правых Испании. Республиканско-социалистическая коалиция намеревалась использовать внезапно полученную долю государственной власти для реализации широкомасштабной программы по созданию современной Испании путем ликвидации реакционного влияния Церкви, устранения милитаризма и улучшения условий жизни несчастных поденщиков с помощью аграрной реформы.

Эта грандиозная программа неизбежно породила большие ожидания городских и сельских пролетариев, вызвав страх и решительную враждебность Церкви, вооруженных сил, землевладельческой и промышленной олигархии. Переход от ненависти 1917–1923 годов к повсеместному насилию, охватившему Испанию после 1936 года, был долгим и сложным, но весной 1931 года он начал резко ускоряться. Богатые, как всегда, нашли свою первую линию защиты в Гражданской гвардии. Однако, поскольку землевладельцы блокировали попытки реформ, неудовлетворенные ожидания голодных поденщиков можно было сдержать только с помощью усиления жестокости.

Многие правые восприняли установление Республики как доказательство того, что Испания стала вторым фронтом в войне против мировой революции, – это мнение подкреплялось многочисленными столкновениями между представителями правопорядка и рабочими из *CNT*, анархистского профсоюза. Решительные действия министра внутренних дел Мигеля Мауры против крайне левых не удержали карлистскую газету *El Siglo Futuro* от нападков на правительство и утверждений, что прогрессивное республиканское законодательство было заказано из-за рубежа. В июне 1931 года газета заявила, что три самых консервативных министра – премьер-министр Нисето Алькала Самора, Мигель Маура и министр юстиции Фернандо де лос

⁴² Черная легенда (исп. La leyenda negra) – протестантская пропаганда времен Контрреформации, которая стремилась выставить в черном свете испанских Габсбургов как наиболее могущественных и решительных врагов Реформации. В результате католическую Испанию XVI–XVII веков долгое время было принято представлять как царство изнеженности, косности и мракобесия. – *Примеч. ред.*

⁴³ *Manifiesto por el Honor de España* напечатан в José María Albiñana, *Después de la dictadura: los cuervos sobre la tumba*, 2nd edn (Madrid: CIAP, 1930), pp. 252–259. См. также Ismael Saz Campos, *Mussolini contra la II República: hostilidad, conspiraciones, intervención (1931–1936)* (Valencia: Edicions Alfons el Magnànim, 1986), pp. 95–97; Manuel Pastor, *Los orígenes del fascismo en España* (Madrid: Túcar Ediciones, 1975), pp. 38–61; Herbert Rutledge Southworth, *Antifalange: estudio crítico de 'Falange en la guerra de España' de Maximiano García Venero* (Paris: Ediciones Ruedo Ibérico, 1967), pp. 29–30; Julio Gil Pecharromán, *Sobre España inmortal, sólo Dios: José María Albiñana y el Partido Nacionalista Español (1930–1937)* (Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 2000), pp. 44–51.

⁴⁴ *Partido Socialista Obrero Español (PSOE, Испанская социалистическая рабочая партия, ИСПП)* – политическая партия Испании, основанная 2 мая 1879 г. Пабло Иглесиасом. – *Примеч. ред.*

Риос Уррути – были евреями, а сама Республика была создана в результате еврейского заговора. Более умеренная крупнотиражная католическая ежедневная газета *El Debate* называла делос Риоса «раввином». Издательство *Editorial Católica*, которому принадлежала влиятельная сеть газет, включая *El Debate*, вскоре начало публиковать ярые антисемитские и анти-масонские журналы *Gracia y Justicia* и *Los Hijos del Pueblo*. Редактором отвратительно сатирического *Gracia y Justicia* был Мануэль Дельгадо Баррето, бывший соратник генерала Примо де Риверы, друг его сына Хосе Антонио и один из первых спонсоров Фаланги. Еженедельный тираж журнала достигал 200 000 экземпляров⁴⁵.

Республика столкнулась с ожесточенным сопротивлением не только со стороны крайне правых, но и крайне левых. Анархо-синдикалистская *CNT* признала, что многие ее активисты проголосовали за республиканско-социалистическую коалицию на муниципальных выборах 12 апреля и что ее приход вызвал надежды у населения. Как выразился один из лидеров анархистов, они были «как дети в новых туфлях». Однако руководство *CNT*, ожидая, что Республика ничего не изменит, стремилось лишь пропагандировать свои революционные цели и продолжать ожесточенное соперничество с социалистическим *Unión General de Trabajadores (UGT, Всеобщий союз трудящихся)*⁴⁶, который оно считало союзом штрейкбрехеров из-за его сотрудничества с режимом Примо де Риверы. В период массовой безработицы, когда большое количество рабочих-мигрантов вернулось из-за рубежа, а неквалифицированные строители остались без работы из-за завершения масштабных государственных проектов времен диктатуры, ситуация с рынком труда была потенциально взрывоопасной. Этим воспользовались радикальные анархисты из *FAI*, которые утверждали, что республика, как и монархия, является лишь инструментом буржуазии. Короткий «медовый месяц» закончился, когда демонстрации *CNT-FAI* 1 мая были жестоко подавлены силами правопорядка⁴⁷.

В конце мая около тысячи забастовщиков из порта Пасакеса прибыли в Сан-Себастьян с явным намерением разграбить богатые торговые кварталы. Предупрежденный заранее, министр внутренних дел Мигель Маура разместил Гражданскую гвардию на въезде в город. Она отразила нападение ценой восьми убитых и множества раненых. Затем, в начале июля, *CNT* начала общенациональную забастовку в телефонной системе, в основном с целью бросить вызов правительству. Она потерпела поражение из-за жестких действий полиции и штрейкбрехерства рабочих социалистического профсоюза *UGT*, которые отказались присоединиться к *CNT* в бесплодной, по их мнению, борьбе. Генеральный директор службы безопасности, холерный и тучный Анхель Галарса из *Partido Republicano Radical Socialista (PRRS, Радикально-социалистическая республиканская партия)*⁴⁸, приказал расстреливать всех, кто будет замечен в попытке повредить оборудование телефонной компании. Маура и Галарса по понятным причи-

⁴⁵ Juan Tusquets, *Orígenes de la revolución española* (Barcelona: Editorial Vilamala, 1932), pp. 30–44, 137–142; Francisco de Luis, *La masonería contra España* (Burgos: Imprenta Aldecoa, 1935), pp. 153–162; Martin Blinkhorn, *Carlism and Crisis in Spain 1931–1939* (Cambridge: Cambridge University Press, 1975), pp. 46, 179; Álvarez Chillida, *El antisemitismo*, pp. 181, 334–338.

⁴⁶ Unión General de Trabajadores (UGT, Всеобщий союз трудящихся) – профессиональный союз Испании, организованный в 1888 г. в Барселоне Пабло Иглесиасом; изначально имел марксистскую, затем – реформистскую социал-демократическую ориентацию. – *Примеч. ред.*

⁴⁷ Angeles Barrio Alonso, *Anarquismo y anarcosindicalismo en Asturias (1890/1936)* (Madrid: Siglo XXI, 1988), pp. 314–319; Enrique Montañés, *Anarcosindicalismo y cambio político: Zaragoza, 1930–1936* (Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 1989), pp. 47–60; Enric Ucelay Da Cal, *La Catalunya populista: imatge, cultura i política en l'etapa republicana (1931–1939)* (Barcelona: Edicions de La Magrana, 1982), p. 135; Julián Casanova, *De la calle al frente: el anarcosindicalismo en España (1931–1939)* (Barcelona: Editorial Crítica, 1997), pp. 14–17.

⁴⁸ Partido Republicano Radical Socialista (PRRS, Радикально-социалистическая республиканская партия, также Радикально-социалистическая партия – исп. Partido Radical Socialista) – левая либеральная партия, основанная в 1929 г. Марселино Доминго, Альваро де Альборносом и Феликсом Гордоном Ордасом в результате раскола Радикальной республиканской партии Алехандро Лерруса. – *Примеч. ред.*

нам пытались сохранить доверие среднего класса. Но их позиция неизбежно укрепила яростную враждебность *CNT* по отношению как к Республике, так и к *UGT*⁴⁹.

Для республиканско-социалистического кабинета подрывная деятельность *CNT* представляла собой мятеж. По мнению же *CNT*, законные забастовки и демонстрации подавлялись диктаторскими методами, неотличимыми от тех, что использовала монархия. 21 июля 1931 года кабинет министров пришел к выводу о необходимости «срочных и жестких мер». Маура выдвинул предложение о «правовом инструменте репрессий», а министр труда Франсиско Ларго Кабальеро, социалист, предложил декрет о признании забастовок незаконными. Эти два декрета в конечном счете объединили в «Закон о защите Республики» 22 октября. Данный шаг был с энтузиазмом поддержан членами правительства от социалистов не в последнюю очередь потому, что он воспринимался как направленный против их соперников из *CNT*⁵⁰. Это мало что изменило для правых, считавших насильственные общественные беспорядки анархистов характерными для всех левых, в том числе для социалистов, которые их осуждали, и республиканских властей, которые их подавляли.

Для правых было важно, чтобы Гражданская гвардия и армия встали на защиту существующего экономического порядка от анархистов. Традиционно основная часть офицерского корпуса армии считала предотвращение политических и экономических изменений одной из своих первостепенных задач. Теперь же Республика предприняла попытки реформировать армию, приведя ее расходы и настроения в соответствие с изменившимися условиями Испании. Главной составляющей этого проекта была оптимизация сильно разросшегося офицерского корпуса. Больше всего пострадали жесткие и бескомпромиссные колониальные офицеры (так называемые африканисты, или «африканцы») – люди, в результате участия в боевых действиях имевшие возможность стремительного внеочередного повышения по службе в обход регулярных бюрократических процедур. Их противодействие республиканским реформам положило начало процессу, в результате которого жестокость недавней колониальной истории Испании вернулась в метрополию. Суровые и ужасные войны с марокканскими племенами между 1909 и 1925 годами ожесточили их. Кроме того, Марокко породило у них гнетущее чувство, что только они, приверженные делу защиты колонии, были озабочены судьбой отечества. Задолго до 1931 года это переросло в глубокое презрение как к профессиональным политикам, так и к пацифистски настроенным левым массам, которых африканисты считали препятствием на пути к успешному выполнению своей патриотической миссии.

Репрессивная роль армии и Гражданской гвардии в старых социальных конфликтах Испании, особенно в сельской местности, считалась центральной в выполнении этого патриотического долга. Однако в период между 1931 и 1936 годами несколько взаимосвязанных факторов дали военным веские основания для применения насилия против левых. Первым из них стала попытка Республики сломить власть Католической церкви. 13 октября 1931 года военный министр, а затем премьер-министр и президент Мануэль Асанья заявил, что «Испания перестала быть католической»⁵¹. Даже если это было правдой, Испания оставалась страной, где было много благочестивых и искренних католиков. Теперь же антиклерикальное законодательство Республики стало очевидным оправданием яростной враждебности тех, кто уже имел достаточно мотивов для ее уничтожения. Ядовитая риторика о так называемом еврей-

⁴⁹ Miguel Maura, *Así cayó Alfonso XIII*, 1st edn (Mexico City: Imprenta Mañez, 1962), pp. 278–279; Santos Juliá Díaz, *Madrid, 1931–1934: de la fiesta popular a la lucha de clases* (Madrid: Siglo XXI, 1984), pp. 198–207; Casanova, *De la calle al frente*, pp. 21–22; José Manuel Macarro Vera, *La utopía revolucionaria: Sevilla en la segunda República* (Seville: Monte de Piedad y Caja de Ahorros, 1985), p. 124; Eulàlia Vega, *El Trentisme a Catalunya: divergències ideològiques en la CNT (1930–1933)* (Barcelona: Curial Edicions Catalanes, 1980), p. 134.

⁵⁰ Дневниковые записи за 21 июля 1931 года, Manuel Azaña, *Obras completas*, 4 vols (Mexico City: Ediciones Oasis, 1966–1968), IV, pp. 36–37; Eulàlia Vega, *Anarquistas y sindicalistas durante la segunda República: la CNT y los Sindicatos de Oposición en el País Valencià* (Valencia: Edicions Alfons el Magnànim, 1987) pp. 98–101.

⁵¹ Azaña, *Obras completas*, II, pp. 49–58.

ско-масонско-большевистском заговоре была немедленно пущена в ход. Более того, бесосновательный характер некоторых антиклерикальных мер помог привлечь многих рядовых католиков на сторону богатых.

Религиозный вопрос служил питательной средой для второго важнейшего фактора, способствовавшего росту насилия со стороны правых. Это была чрезвычайно успешная пропаганда теорий о том, что левые и либералы не являются ни настоящими испанцами, ни даже людьми и что, как угроза существованию нации, они должны быть истреблены. В книгах, которые продавались десятками тысяч, в ежедневных газетах и еженедельных журналах распространялась мысль о том, что Вторая республика – от иностранцев, имеет злобные намерения и должна быть уничтожена. Эта идея, нашедшая благодатную почву в страхе правых, основывалась на утверждении, что Республика была продуктом заговора, организованного евреями и осуществляемого масонами через левых лакеев. Концепция этого могущественного международного заговора, или *contubernio* (буквально: «непристойное сожительство» – одно из любимых словечек Франко), оправдывала любые средства, необходимые для того, что представлялось как национальное выживание. Интеллигенция и священники, развивавшие эти идеи, смогли объединить ненависть *латифундистов* к безземельным поденщикам, или *jornaleros*, и страх городской буржуазии перед безработными. Землевладелец из Саламанки Гонсало де Агилера-и-Мунро, как и многие военные офицеры и священники, был заядлым читателем подобной литературы⁵².

Еще одним фактором, разжигавшим насилие, была реакция землевладельцев на различные попытки Второй республики провести аграрную реформу. В провинции Саламанка лидеры местной *Bloque Agrario*, партии землевладельцев, Эрнесто Кастаньо и Хосе Ламамие де Клейрак, подстрекали своих членов не платить налоги и не сеять урожай. Такая неуступчивость радикализировала безземельных рабочих⁵³. В районах крупных поместий (*латифундий*) на юге Испании республиканское законодательство, регулировавшее трудовые вопросы в сельской местности, систематически попиралось. Несмотря на декрет от 7 мая 1931 года об обязательном возделывании земли, рабочие, состоявшие в профсоюзах, были «заблокированы» либо тем, что земля оставалась необработанной, либо тем, что им просто отказывали в работе и говорили: «*comed República*» (буквально: «ешь Республику», что означало «пусть Республика кормит вас»). Несмотря на декрет от 1 июля 1931 года о введении восьмичасового рабочего дня в сельском хозяйстве, преобладал шестнадцатичасовой рабочий день от рассвета до заката, причем дополнительные часы не оплачивались. Более того, наемным работникам платили нищенскую зарплату. Хотя на юге страны были десятки тысяч безработных, землевладельцы заявляли, что безработица – это результат деятельности Республики⁵⁴. В Хаэне сбор желудей, обычно предназначенных для свиней, или опавших оливок, поение скота и даже заготовка дров осуждались как «коллективная клептомания»⁵⁵. Голодные крестьяне, пойманные за этими занятиями, жестоко избивались Гражданской гвардией или вооруженными охранниками поместий⁵⁶.

⁵² Arnold Lunn, *Spanish Rehearsal* (London: Hutchinson, 1937), p. 70; Conde de Alba de Yeltes, *Cartas a un sobrino* (n.p., n.d.).

⁵³ Ricardo Robledo and Luis Enrique Espinosa, “‘El campo en pie!’: política y reforma agraria”, в Ricardo Robledo, ed., *Esta salvaje pesadilla: Salamanca en la guerra civil española* (Barcelona: Editorial Crítica, 2007), pp. 23–25.

⁵⁴ Alejandro López López, *El boicot de las derechas a las reformas de la Segunda República: la minoría agraria, el rechazo constitucional y la cuestión de la tierra* (Madrid: Instituto de Estudios Agrarios, 1984), p. 254.

⁵⁵ *La Mañana* (Jaén), 16 января 1934 г.

⁵⁶ *La Mañana* (Jaén), 1 октября 1932 г., 21, 27 января, 3, 18 февраля, 5 апреля 1933 г.; *El Adelanto* (Salamanca), 19 октября 1932 г.; *Región* (Cáceres), 24 февраля 1933 г.; *El Obrero de la Tierra*, 14 января, 4 марта 1933 г., 6, 13, 20 января, 17 февраля 1934 г.; *El Socialista*, 21 января, 20 апреля, 1 июля 1933 г. См. также Paul Preston, *The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction and Revolution in the Second Spanish Republic 1931–1936*, 2nd edn (London: Routledge, 1994), pp. 101–102, 111, 134–135, 140, 148–149, 184–185.

С приходом нового режима ожидания поденщиков возросли, и они уже не были столь пассивными и фаталистично настроенными, как это часто бывало. Поскольку их надежды не оправдались из-за обструкционистской тактики *латифундистов*, отчаяние *jornaleros* можно было сдерживать только путем усиления жестокости со стороны Гражданской гвардии. Сами рядовые гвардейцы часто прибегали к огнестрельному оружию в панике, опасаясь численного превосходства толп разъяренных рабочих. Случаи кражи урожая и дичи с возмущением освещались правой прессой. Против рабочих применялось огнестрельное оружие, а об их гибели с не меньшим возмущением писала левая пресса. В Корраль-де-Альмагере (Тоledo) голодающие *jornaleros* пытались сорвать местный локаут, вторгшись в поместья и начав их обрабатывать. Гражданская гвардия выступила на стороне владельцев, убив 5 рабочих и ранив еще 7. 27 сентября 1931 года, к примеру, в Паласиосрубиос близ Пеньяранда-де-Бракамонте в провинции Саламанка гвардейцы открыли огонь по группе мужчин, женщин и детей, праздновавших успешное завершение забастовки. Это произошло, когда жители деревни начали танцевать перед домом приходского священника. Двое рабочих были убиты сразу, еще двое умерли вскоре после этого⁵⁷. Случай спровоцировал крайнее ожесточение. В июле 1933 года от имени саламанкского отделения федерации земледельцев *UGT (Federación Nacional de Trabajadores de la Tierra)*⁵⁸ редактор его газеты *Tierra y Trabajo* Хосе Андрес-и-Мансо выдвинул частное обвинение против капрала Гражданской гвардии Франсиско Хименеса Куесты по 4 случаям убийства и 3 случаям ранения. Хименеса Куесту успешно защитил в суде лидер авторитарной католической партии *CEDA* Хосе Мария Хиль Роблес. Андрес-и-Мансо был убит фалангистами в конце июля 1936 года⁵⁹.

В Саламанке и других местах регулярно совершались акты насилия в отношении членов профсоюзов и землевладельцев: в Бургосе семидесятилетний старик был забит до смерти прикладами гвардейцев, в Вильянуэва-де-Кордоба сильно пострадал владелец недвижимости. Очень часто эти инциденты, которые не ограничивались югом, но также распространялись на три провинции Арагона, начинались с вторжения в поместья. Группы безземельных рабочих приходили к землевладельцу и просили о работе или иногда выполняли сельскохозяйственные работы, а затем угрожали, требуя оплаты. Чаще всего их прогоняла Гражданская гвардия или нанятые хозяевами вооруженные люди⁶⁰.

По сути, действия землевладельцев были лишь одним из проявлений недвусмысленной враждебности правого крыла по отношению к новому режиму. Они занимали передовую линию обороны против реформаторских устремлений Республики. Не менее ожесточенной была реакция на религиозное и военное законодательство нового режима. Более того, все три вопроса зачастую были связаны между собой, ведь многие военные офицеры происходили из католических семей землевладельцев. Все эти аспекты явились поводом для политических проявлений в нескольких политических группах. Самыми крайними среди них, открыто выступавшими за скорейшее уничтожение Республики, были две монархические организации, карлистская *Comunión Tradicionalista (CT, Традиционалистская община)*⁶¹ и *Acción Española (AE, «Испанское действие»)*⁶², основанное сторонниками недавно покинувшего Испанию короля

⁵⁷ *ABC*, 29, 30 сентября, 3, 4, 7 октября 1931 г.

⁵⁸ *Federación Nacional de Trabajadores de la Tierra (FNTT, Национальная федерация земледельцев)* была образована как федерация *UGT* на конгрессе, состоявшемся 1 июня 1930 г. – *Примеч. ред.*

⁵⁹ *ABC*, 16, 18, 19, 29 июля 1933 г.

⁶⁰ *El Socialista*, 29 сентября, 10, 11 ноября 1931 г.; López López, *El boicot de las derechas*, pp. 255–257; Manuel Tuñón de Lara, *Tres claves de la segunda República* (Madrid: Alianza Editorial, 1985) p. 52; Casanova, *De la calle al frente*, pp. 39–43.

⁶¹ *Comunión Tradicionalista (CT, Традиционалистская община)* – политическая организация карлистского движения, созданная в 1869 г. – *Примеч. ред.*

⁶² *Acción Española (AE, «Испанское действие»)* – культурное и политическое объединение ультраконсервативных и крайне правых интеллектуальных деятелей, которые поддерживали восстановление монархии; было создано в октябре 1931 г. – *Примеч. ред.*

Альфонсо XIII как «школа современной контрреволюционной мысли». Уже через несколько часов после провозглашения Республики заговорщики-монархисты начали собирать деньги, чтобы создать свой журнал для пропаганды законности восстания против Республики, настроить армию на мятеж и основать якобы легальную партию в качестве прикрытия для собраний, сбора средств и заговоров против Республики. Журнал *Acción Española* также распространял идею зловещего союза евреев, масонов и левых. В течение месяца его основатели собрали для планируемого восстания значительные средства. Их первой попыткой стал военный переворот 10 августа 1932 года. Его неудача привела к решимости обеспечить гарантию большего финансирования и полного успеха следующей попытки⁶³.

Несколько более умеренной была легалистская *Acción Nacional* (AN, «Национальное действие»), позже переименованная в *Acción Popular* (AP, «Народное действие»)⁶⁴, которая была готова пытаться защищать интересы правых в рамках республиканской законности. Экстремисты, или «катастрофисты», и «умеренные» придерживались во многом одних и тех же идей. Однако после неудачного военного переворота в августе 1932 года они разошлись в вопросе о целесообразности вооруженного заговора против Республики. *Acción Española* создала свою собственную политическую партию, *Renovación Española* (RE, «Испанское обновление»)⁶⁵, и *Acción Popular* сделала то же самое, объединив ряд единомышленников в *Confederación Española de Derechas Autónomas* (CEDA)⁶⁶. В течение года ряды «катастрофистов» пополнились за счет создания различных фашистских организаций. Всех их объединяло то, что они полностью отрицали демократическую легитимность Республики. Несмотря на легалистский фасад *Acción Popular* и CEDA, их лидеры часто и активно заявляли, что насилие против Республики совершенно оправданно.

Спустя всего три недели после установления нового режима, в то время, когда правительство отличалось в основном своей робостью в социальных вопросах, была основана *Acción Nacional* как «организация социальной защиты». Она являлась детищем Анхеля Эрреры Ории, редактора воинственно католической (и до сих пор монархической) ежедневной газеты *El Debate*. Проницательный политический стратег, Эррера Ория стал мозговым центром политического католицизма в первые годы Второй республики. *Acción Nacional* объединила две правые организации, которые на протяжении предыдущих двадцати лет боролись с усиливавшейся мощью городского и сельского рабочего класса. Ее лидеры были выходцами из *Asociación Católica Nacional de Propagandistas* (ACdP, Национальная католическая ассоциация пропагандистов)⁶⁷, элитной иезуитской организации, в которую входило около 500 видных и талантливых правых католиков, имевших влияние в прессе, судебной системе и профессиональных кругах. Ее поддерживали рядовые члены *Confederación Nacional Católico-Agraria* (CNCA, Национальная католическая аграрная конфедерация)⁶⁸, массовой политической организации, провозгласившей свое «полное подчинение церковным властям». Созданная для противодействия

⁶³ Eugenio Vegas Latapie, *El pensamiento político de Calvo Sotelo* (Madrid: Cultura Española, 1941) pp. 88–92; Eugenio Vegas Latapie, *Escritos políticos* (Madrid: Cultura Española, 1941), pp. 9–12; Eugenio Vegas Latapie, 'Maetzu y Acción Española', *ABC*, 2 ноября 1952 г.; Pedro Carlos González Cuevas, *Acción Española: teología política y nacionalismo autoritario en España* (1913–1936) (Madrid: Editorial Tecnos, 1998), pp. 144–145, 165–168, 171–175.

⁶⁴ Acción Nacional («Национальное действие», позже – Acción Popular, AP, «Народное действие») – католическая политическая партия Испании периода Второй республики; была основана 26 апреля 1931 г. – *Примеч. ред.*

⁶⁵ Renovación Española (RE, «Испанское обновление») – испанская правая монархическая политическая партия, существовавшая во времена Второй Республики; была основана в январе 1933 г. – *Примеч. ред.*

⁶⁶ Preston, *The Coming of the Spanish Civil War*, pp. 61–66; Paul Preston, 'Alfonsist Monarchism and the Coming of the Spanish Civil War', *Journal of Contemporary History*, Vol. 7, Nos. 3/4, 1972.

⁶⁷ Asociación Católica Nacional de Propagandistas (ACNP, Национальная католическая ассоциация пропагандистов) – частная ассоциация испанских католиков, основанная в 1908 г. иезуитским священником Анхелем Айялой. – *Примеч. ред.*

⁶⁸ Confederación Nacional Católico-Agraria (CNCA, Национальная католическая аграрная конфедерация) – консервативная крестьянская организация; действовала в 1917–1940 гг. – *Примеч. ред.*

росту левых организаций, *CNCA* пользовалась авторитетом среди мелкого католического крестьянства на севере и в центре Испании⁶⁹.

В манифесте *Acción Nacional* говорилось, что «передовые отряды советского коммунизма» уже карабкаются по руинам монархии. Он осуждал уважаемых буржуазных политиков Второй республики как слабых и не способных управлять массами. «Это массы, которые отрицают Бога и, как следствие, основные принципы христианской морали; которые провозглашают, вопреки святости семьи, неустойчивость свободной любви; которые заменяют частную собственность, основу и двигатель благосостояния отдельных людей и роста коллективного богатства, всеобщим пролетариатом по приказу государства». Кроме того, угрозой представляло «безумие баскского и каталонского ультранационализма, решившего, несмотря на все свои сладкие речи, разрушить национальное единство». *Acción Nacional* недвусмысленно заявила о своем отрицании всего, за что, по ее утверждению, выступала Республика. С боевым кличем «Религия, Отечество, Семья, Порядок, Работа, Собственность» она провозглашала: «В наше время ведется социальная борьба, которая должна определить, восторжествуют или будут уничтожены эти вечные принципы. По правде говоря, все решится не в одном бою; то, что развязывается в Испании, – это война, и она будет долгой»⁷⁰.

К 1933 году, когда *Acción Popular* превратилась в *CEDA*, ее оценка Республики стала еще менее осмотрительной: «Сброд, всегда безответственный из-за отсутствия ценностей, захватил цитадель власти». Даже в представлении легалистской организации Эрреры Ории Республика была создана, когда «заразное безумие самых заклятых экстремистов зажгло взрывоопасные массы бессердечных, извращенных, мятежных, безумных». Странники Республики объявлялись недочеловеками и, как смертоносные паразиты, должны были быть уничтожены: «Канализационные люки открыли свои шлюзы, и отбросы общества, бьющиеся в конвульсиях и трясущиеся, подобно эпилептикам, затопили улицы и площади»⁷¹. По всей Европе элиты, находившиеся под угрозой исчезновения, мобилизовали поддержку масс, подогревая страх перед левыми, которых они изображали как «чужих», как болезнь, угрожающую нации и требовавшую крестового похода за очищение страны.

Как в то время, так и позднее решимость правых уничтожить Республику оправдывалась реакцией на ее антиклерикализм. Однако, как показала их восторженная поддержка диктатуры Примо де Риверы, правые ненавидели Республику за демократизм задолго до того, как смогли осудить ее за антиклерикализм. Более того, те, кто выступал против Республики по религиозным мотивам, также ссылались на социальные, экономические и политические причины, особенно противодействуя региональной автономии⁷².

Тем не менее религиозный вопрос стал поводом для ожесточенных столкновений – как словесных, так и физических. В воскресенье 10 мая 1931 года учредительное заседание монархической организации *Círculo Monárquico Independiente* на улице Алькала закончилось тем, что из громкоговорителей провокационно зазвучал Королевский гимн. Толпы республиканцев, возвращавшихся с дневного концерта в мадридском парке Буэн-Ретиро, пришли в ярость. Начались беспорядки; были сожжены автомобили и разгромлены офисы монархической газеты

⁶⁹ О АСНП см. A. Sáez Alba, *La otra 'cosa nostra': la Asociación Católica Nacional de Propagandistas* (Paris: Ruedo Ibérico, 1974), pp. ix – xxii; José María García Escudero, *Conversaciones sobre Angel Herrera* (Madrid: Editorial Católica, 1986), pp. 16–20. О *CNCA* см. Antonio Monedero Martín, *La Confederación Nacional Católico-Agraria en 1920: su espíritu, su organización, su porvenir* (Madrid: V. Rico, 1921), p. 22 и Juan José Castillo, *Proprietarios muy pobres: sobre la subordinación política del pequeño campesino* (Madrid, 1979); Tom Buchanan и Martin Conway, eds, *Political Catholicism in Europe 1918–1965* (Oxford: Oxford University Press, 1996), pp. 8–11.

⁷⁰ *El Debate*, 7, 9 мая 1931 г.; José R. Montero, *La CEDA: el catolicismo social y político en la II República*, 2 vols (Madrid: Ediciones de la Revista de Trabajo, 1977), II, pp. 593–594.

⁷¹ José Monge Bernal, *Acción Popular (estudios de biología política)* (Madrid: Imp. Sáez Hermanos, 1936), pp. 114–115, 122.

⁷² Frances Lannon, *Privilege, Persecution, and Prophecy: The Catholic Church in Spain 1875–1975* (Oxford: Clarendon Press, 1987), pp. 188–189.

ABC на соседней улице Серрано. Бурная реакция народа вылилась в печально известные поджоги церквей, которые произошли в Мадриде, Малаге, Севилье, Кадисе и Аликанте с 10 по 12 мая. Это свидетельствовало о том, насколько сильно простые люди отождествляли церковь с монархией и политикой правых. Республиканская пресса утверждала, что эти акции были делом рук провокаторов из профсоюза штрейкбрехеров *Sindicatos Libres*⁷³. Действительно, заявлялось, что в целях дискредитации нового режима молодые монархисты распространяли листовки, подстрекавшие массы к нападению на религиозные сооружения⁷⁴.

Даже если в этом участвовали провокаторы, многие левые были убеждены, что Церковь является неотъемлемой частью реакционной политики в Испании, и в некоторых местах наиболее агрессивные из них совершали физические нападения. Во многих деревнях на юге в священников бросали камни. Для правых личности истинных виновников не имели особого значения. Сожжение церквей подтвердило и оправдало их прежнюю враждебность к Республике. Тем не менее Мигель Маура, министр внутренних дел, с горечью заметил: «Католики Мадрида ни на секунду не задумались о том, что это уместно и что это их долг – выйти на улицу в защиту того, что должно было быть для них священным». Серьезные столкновения происходили во многих городках (*pueblos*), где верующие защищали свои церкви от тех, кто намеревался их осквернить. Позже, в мае, указ временного правительства об отмене обязательного религиозного образования был встречен множеством петиций в знак протеста⁷⁵.

В то время как большая часть Испании оставалась мирной, с первых дней провозглашения Республики в районах *латифундий* на юге и в других местах, где доминировала CNT, царил атмосфера необъявленной гражданской войны. По словам Мигеля Мауры, за пять месяцев – с середины мая 1931 года до его отставки в октябре – ему пришлось иметь дело с 508 революционными забастовками. CNT обвиняла его в том, что его репрессивные меры привели к гибели 108 человек⁷⁶. Наиболее ярко это продемонстрировало кровавое завершение периода волнений анархистов в Севилье. В качестве кульминации серии революционных забастовок профсоюз анархистов объявил 18 июля 1931 года всеобщую забастовку. Она была направлена не только против местных работодателей, но и против местных соперников CNT из социалистического *Unión General Trabajadores (UGT, Всеобщий союз трудящихся (профсоюз))*. Происходили ожесточенные столкновения между анархистами и коммунистами с одной стороны и штрейкбрехерами и Гражданской гвардией – с другой. На заседании кабинета министров 21 июля министр труда, социалист, Франсиско Ларго Кабальеро потребовал от Мигеля Мауры принять меры, чтобы положить конец беспорядкам, которые портили имидж Республики. Когда премьер-министр Нисето Алькала Самора спросил, все ли согласны с необходимостью принятия активных мер против CNT, кабинет ответил единодушным согласием. Маура сказал Асанье, что прикажет артиллерии снести дом, из которого анархисты вели огонь по силам правопорядка⁷⁷.

Тем временем в ночь с 22 на 23 июля 1931 года крайне правым было разрешено принять участие в подавлении забастовок в Севилье. Считая, что сил правопорядка недостаточно для решения проблемы, гражданский губернатор Хосе Бастос Ансарт предложил клубам землевладельцев, *Círculo de Labradores* и *Unión Comercial*, создать военизированную группу под названием *Guardia Cívica*. Это предложение охотно приняли самые видные правые города: Хавьер

⁷³ *Sindicatos Libres* («Свободные профсоюзы») – профсоюз, созданный 10 октября 1919 г. в Барселоне рабочими из карлистского движения. – *Примеч. ред.*

⁷⁴ *La Libertad*, 13 мая 1931 г.; *La Voz*, 14 мая 1931 г.; Maura, *Así cayó Alfonso XIII* (1st edn), pp. 240–255.

⁷⁵ Maura, *Así cayó Alfonso XIII* (1st edn), p. 254; Leandro Álvarez Rey, *La derecha en la II República: Sevilla, 1931–1936* (Seville: Universidad de Seville/Ayuntamiento de Seville, 1993), pp. 188–198.

⁷⁶ Miguel Maura, *Así cayó Alfonso XIII: de una dictadura a otra*, 2nd edn от Joaquín Romero Maura (Madrid: Marcial Pons Historia, 2007) p. 365.

⁷⁷ Maura, *Así cayó Alfonso XIII* (1st edn), pp. 278–287; дневниковая запись за 21 июля, Azaña, *Obras completas*, IV, pp. 37–38.

Парладе Ибарра, Педро Париас Гонсалес, отставной подполковник кавалерии и крупный землевладелец, и Хосе Гарсия Карранса, известный тореадор, выступавший под именем Пепе эль Альгабеньо. Оружие было собрано, и *Guardia Cívica* возглавил жестокий «африканец», капитан Мануэль Диас Криадо, известный как Бычьи яйца (*Criadillas*). Ночью 22 июля в парке Марии Луизы они расстреляли 4 человек. На следующий день кафе для рабочих в квартале Ла-Макарена *Casa Cornelio* было, как и обещал Асанье Маура, разрушено артиллерийским огнем. В других частях провинции, а именно в трех небольших городах к югу от столицы – Кория-дель-Рио, Утрере и Дос-Эрманас, – забастовки были подавлены Гражданской гвардией с исключительной жестокостью. В Дос-Эрманас, после того как в телефонную станцию бросили несколько камней, из Севильи прибыл целый грузовик с гвардейцами. Когда местный рынок был в самом разгаре, они открыли огонь, ранив нескольких человек, двое из которых позже скончались. В общей сложности в столкновениях в провинции погибли 17 человек⁷⁸.

Асанья сразу же заявил, что события в парке «похожи на использование *ley de fugas*» (закона о попытке к бегству – отговорки, будто заключенных расстреляли при попытке к бегству), и обвинил Мауру, заметив, что «он сначала стреляет, а потом целится». На реакцию Асаньи повлиял тот факт, что Маура незадолго до этого ударил его за обвинение в разглашении секретов кабинета министров прессе. Через две недели он узнал, что хладнокровное применение *ley de fugas* не было связано с Маурой, а было осуществлено *Guardia Cívica* по приказу Диаса Криадо⁷⁹. Убийства в парке Марии Луизы и обстрел *Casa Cornelio* стали первыми в цепочке событий, приведших к жестокости 1936 года. Диас Криадо и *Guardia Cívica* сыграют важную роль как в неудавшемся военном перевороте в августе 1932 года, так и в событиях 1936 года.

Произошедшее в Севилье и телефонная забастовка были признаками столкновений между силами правопорядка и *CNT* по всем городам Испании. В Барселоне, помимо телефонной забастовки, в августе началась забастовка в металлургической промышленности, в ходе которой 40 000 рабочих прекратили работу. Активистская *FAI* все чаще выступала за восстание с целью замены буржуазной республики либертарным коммунизмом. Вооруженные уличные столкновения, направленные против полиции и Гражданской гвардии, должны были стать основой того, что видный лидер *FAI* Хуан Гарсия Оливер назвал «революционной разминкой». Это неизбежно привело к кровавым столкновениям с силами правопорядка и с более умеренной социалистической *UGT*. В последовавшем насилии в Барселоне, Севилье, Валенсии, Сарагосе и Мадриде, хотя оно и было направлено против правительства, правые обвинили Республику⁸⁰.

Беспокойство, вызванное таким образом среди средних классов, усилилось среди католиков антиклерикальной политикой Республики. Мало кто делал различие между яростным иконоборчеством анархистов и стремлением республиканско-социалистической коалиции ограничить влияние Церкви сугубо религиозной сферой. Враждебность правых к Республике

⁷⁸ Macarro Vera, *La utopía revolucionaria*, pp. 147–160; Eduardo de Guzmán, *Sevilla la trágica: Ocho días que estremecieron a España* (Madrid: Ediciones Minuesa, 1931), pp. 21, 51–52; Francisco Espinosa Maestre, *La justicia de Queipo: violencia selectiva y terror fascista en la II División en 1936: Sevilla, Huelva, Cádiz, Córdoba, Málaga y Badajoz* (Seville: Centro Andaluz del Libro, 2000), pp. 32–37; Carlos Enrique Bayo и Cipriano Damiano, ‘Toreros fascistas: matadores de obreros’, *Interviú*, No. 103, 3–9 мая 1978, pp. 40–45; Juan-Simeón Vidarte, *Las Cortes Constituyentes de 1931–1933* (Barcelona: Grijalbo, 1976), pp. 76–78; Manuel Tuñón de Lara, *Luchas obreras y campesinas en la Andalucía del siglo XX* (Madrid: Siglo XXI, 1978), pp. 190–203; Dr. Pedro Vallina, *Mis memorias* (Madrid and Seville: Libre Pensamiento/Centro Andaluz del Libro, 2000) pp. 247–256.

⁷⁹ Azaña, дневниковые записи за 24 июля, 9 августа 1931 г., *Obras completas*, IV, pp. 43–45, 73. Рассказ Мауры о стычке с Асаньей был убран из первого издания его мемуаров. Он появился во втором издании от Joaquín Romero Maura: Maura, *Así cayó Alfonso XIII*, pp. 366–367.

⁸⁰ Casanova, *De la calle al frente*, pp. 49–52; Juan García Oliver, *El eco de los pasos* (Barcelona: Ruedo Ibérico, 1978) pp. 115–136; Macarro Vera, *La utopía revolucionaria*, p. 124; Vega, *El Trentisme a Catalunya*, pp. 68–72, 132–136; Vega, *Anarquistas y sindicalistas*, pp. 57–59, 85–97; Juliá Díaz, *Madrid, 1931–1934*, pp. 172–190; Chris Ealham, *Class, Culture and Conflict in Barcelona 1898–1937* (London: Routledge/ Cañada Blanch Studies, 2004), pp. 90–101.

проявилась во всей своей полноте при поддержке духовенства во время парламентских дебатов по поводу предложенной Конституции Республики. Конституция отделяла Церковь от государства и разрешала гражданские браки и разводы; сокращала государственную поддержку духовенства и ликвидировала, по крайней мере на бумаге, религиозную монополию на образование. Эти реформы были осуждены католической прессой и с кафедр проповедников как безбожная, тираническая и атеистическая попытка разрушить семью⁸¹. Реакция одного священника из Кастильон-де-ла-Плана была не редкостью. В одной из проповедей он сказал своим прихожанам: «На республиканцев нужно плевать и никогда с ними не разговаривать. Мы должны быть готовы к гражданской войне, прежде чем смиримся с разделением Церкви и государства. Нерелигиозные школы не воспитывают людей – они воспитывают дикарей»⁸².

Воспринятое правыми как результат ненависти, разжигавшейся масонами, антиклерикальное законодательство Республики было в лучшем случае неосторожным, а в худшем – безответственным. Республиканцы считали, что для создания эгалитарного общества власть церковной системы образования должна быть заменена на внеконфессиональные школы. Однако многие их меры можно было легко обойти. Школы, управлявшиеся духовными лицами, продолжали работать как прежде – менялись только названия, а священнослужители носили мирскую одежду. Многие такие школы, особенно иезуитские, как правило, были доступны только детям богатых. Середины не было. Защита Церковью собственности и ее безразличие к социальным проблемам неизбежно привели ее к объединению с крайне правыми⁸³.

Значительная враждебность населения к планам Республики по изменению социального, экономического и религиозного уклада возникла в ходе так называемой ревизионистской кампании против Конституции. Ожесточенное сопротивление со стороны правых Конституции, принятой 13 октября, было спровоцировано планами по продвижению региональной автономии Каталонии и проведению аграрной реформы⁸⁴. Тем не менее гнев католиков вызвали именно легализация разводов и роспуск религиозных орденов, что рассматривалось как злобные масонские происки⁸⁵. Во время дебатов 13 октября 1931 года Хосе Мария Хиль Роблес, парламентский лидер *Acción Popular*, заявил республиканско-социалистическому большинству в парламенте, кортесе: «Сегодня, выступая против Конституции, католическая Испания занимает свою позицию. Вы понесете ответственность за духовную войну, которая будет развязана в стране». Пять дней спустя на арене для боя быков в городе Ледесма Хиль Роблес призвал к крестовому походу против Республики⁸⁶.

В рамках этой кампании группа баскских традиционалистов создала Ассоциацию родственников и друзей религиозных деятелей. Ассоциация получила значительную поддержку в Саламанке и Вальядолиде – городах, отличившихся жестокостью репрессий во время Гражданской войны. Она издавала антиреспубликанский бюллетень *Defensa* и множество антиреспубликанских памфлетов. Также Ассоциация основала резко антимасонский и антисемитский еженедельный журнал *Los Hijos del Pueblo* под редакцией Франсиско де Луиса, который со временем возглавил *El Debate*, сменив Анхеля Эрреру Ориу. Де Луис был ярким сторонником теории о том, что Испанская республика являлась игрушкой международного еврейско-масонско-большевистского заговора⁸⁷. Другим ведущим автором *Los Hijos del Pueblo* был интеграллист-иезуит отец Энрике Эррера Ория, брат Анхеля. Большой тираж журнала во мно-

⁸¹ *El Debate*, 18, 19 августа 1931 г.; Lannon, *Privilege, Persecution, and Prophecy*, p. 181.

⁸² López López, *El boicot de las derechas*, pp. 252–253.

⁸³ Lannon, *Privilege, Persecution, and Prophecy*, pp. 181–185; Álvarez Rey, *La derecha*, pp. 203–206.

⁸⁴ José María Gil Robles, *No fue posible la paz* (Barcelona: Ariel, 1968), pp. 55–56.

⁸⁵ *ABC*, 10 октября 1931 г.

⁸⁶ *Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes* [далее DSCC], 13 октября 1931 г.; Mary Vincent, *Catholicism in the Second Spanish Republic: Religion and Politics in Salamanca 1930–1936* (Oxford: Clarendon Press, 1996) pp. 180–181.

⁸⁷ Tusquets, *Orígenes*, pp. 30–44, 137–142; Blinkhorn, *Carlism*, pp. 46, 179; Álvarez Chillida, *El antisemitismo*, pp. 181, 334–338.

гом обуславливался популярностью ее злобных сатирических карикатур на видных политиков-республиканцев. Изображая их евреями и масонами, а значит, частью международного заговора против католической Испании, журнал распространял среди своих читателей идею о том, что этот грязный иностранный заговор должен быть уничтожен⁸⁸.

Идея о том, что левые и либералы – не настоящие испанцы и поэтому должны быть уничтожены, быстро укоренилась в правых кругах. В начале ноября 1931 года лидер монархистов Антонио Гойкоэчеа заявил перед ликующей публикой в Мадриде, что между социализмом и нацией состоится битва не на жизнь, а на смерть⁸⁹. 8 ноября карлист Хоакин Беунса, выступая перед аудиторией в 22 000 человек в Паленсии, громкогласно заявил: «Мужчины мы или нет? Те, кто не готов отдать всего себя в это время бесстыдных преследований, не заслуживают называться католиками. Мы должны быть готовы защищать себя всеми средствами, и я не говорю о законных средствах, потому что для самообороны хороши все средства». Обозвав кортесы зоопарком, он продолжил: «Нами управляет шайка масонов. И я говорю, что против них все методы правомерны – как законные, так и незаконные». На том же собрании Хиль Роблес заявил, что решение о преследовании церкви правительством было принято «в масонских ложах»⁹⁰.

Подстрекательство к насилию против Республики и ее сторонников не ограничивалось крайне правыми. Речи католика-легалиста Хиля Роблеса были не менее воинственными и провокационными, чем речи монархистов, карлистов и, позднее, фалангистов. В Молина-де-Сегура (провинция Мурсия) в Новый 1932 год он заявил: «В 1932 году мы должны навязать свою волю силой нашей правоты, а если она окажется недостаточной, то и другими силами. Трусость правых позволила выползшим из выгребных ям беззакония распорядиться судьбой отечества»⁹¹. Непримириемость более умеренных групп испанских правых проявилась в инаугурационном манифесте *Juventud de Acción Popular*⁹², провозгласившем: «Мы – люди права... Мы будем уважать законные приказы власти, но не будем терпеть навязывания безответственного сброда. У нас всегда хватит смелости добиться уважения к себе. Мы объявляем войну коммунизму и масонству». В глазах правых «коммунизм» включал в себя социалистическую партию, а масонство представляло собой различные республиканские либеральные партии и их региональные варианты – левых республиканцев⁹³.

Оправдание враждебности к Республике можно было легко найти в попытках последней секуляризовать общество. Недовольство вызвало то, что муниципальным властям запретили делать финансовые пожертвования на нужды Церкви или ее праздники. В январе 1932 года церковные кладбища перешли под муниципальную юрисдикцию. Государство теперь признавало только зарегистрированные браки, поэтому те, кто венчался в церкви, также должны были посетить ЗАГС. Церемонии погребения не должны были носить религиозного характера, если только покойный, достигший двадцатилетнего возраста, не оставил конкретных указаний об обратном, что было сопряжено со сложной бюрократической процедурой для родственников⁹⁴.

В мае 1932 года во время празднования Дня Святого Петра в Бурбагене (Теруэль) на городской площади играл духовой оркестр, тем самым намеренно вступая в противоречие с

⁸⁸ Vincent, *Catholicism*, pp. 183–184; Agustín Martínez de las Heras, 'El discurso antimasonico de *Los Hijos del Pueblo*', в José Antonio Ferrer Benimeli, ed., *La masonería en la España del siglo XX*, 2 vols (Toledo: Universidad de Castilla-La Mancha, 1996), II, pp. 713–750.

⁸⁹ *El Debate*, 1, 3 ноября 1931 г.; *El Socialista*, 2 ноября 1931 г.

⁹⁰ *ABC*, 10 ноября 1931 г.; *El Debate*, 10, 12 ноября 1931 г.; *El Socialista*, 2 ноября 1931 г.; Gil Robles, *No fue posible*, pp. 70–71.

⁹¹ *La Época*, 2 января 1932 г.

⁹² *Juventud de Acción Popular* (JAP) – радикальное молодежное крыло CEDA; изначально организация была создана как отделение *Acción Popular* в 1933 г. – *Примеч. ред.*

⁹³ *La Época*, 24 февраля 1932 г.; Monge Bernal, *Acción Popular*, pp. 223–225.

⁹⁴ Vincent, *Catholicism*, p. 186.

религиозной музыкой, исполнявшейся в церкви в честь этого святого. В Либросе (Теруэль) во время мессы в честь Пресвятой Девы Марии дель Пилар у приходской церкви были организованы танцы⁹⁵. В Севилье страх перед нападением заставил более сорока традиционных братств (*cofradías*) отказаться от участия в шествии на Страстной неделе. Их членами были преимущественно активисты *Acción Popular* и карлистской *Comunión Tradicionalista*, и их жест популяризировал среди правых католиков фразу «Севилья – мученица», несмотря на то что республиканские власти приложили все усилия, чтобы процессии состоялись. Громкие жалобы исходили от тех же самых людей, которые также занимали видное место в организациях работодателей и землевладельцев. В итоге на шествие вышла только одна *cofradía*, подвергшаяся оскорблениям и забрасыванию камнями. Несколько дней спустя, 7 апреля 1932 года, была сожжена церковь Сан-Хулиан⁹⁶.

Некоторые местные муниципалитеты убрали распятия из школ и религиозные статуи из государственных больниц, а также запретили звонить в колокола. Такие меры выходили за рамки политики официального правительства, согласно которой для проведения публичных церемоний требовалось разрешение муниципалитета. Все это, воспринятое как преследование, заставило рядовых католиков видеть в Республике своего врага. Во многих деревнях провинции Саламанка устраивались уличные протесты, а детей не пускали в школу до тех пор, пока туда не возвращали распятия. Простые католики были возмущены, когда в конце сентября 1932 года в Бехаре запретили звонить в церковные колокола во время мессы, свадеб или похорон. В других местах многие левые *alcaldes* (мэры) ввели местный налог на колокольный звон⁹⁷. В Талавера-де-ла-Рейна (Толедо) мэр ввел штрафы для женщин, носивших распятия. В социально конфликтной провинции Бадахос многочисленные инциденты, такие как запрет похоронных процессий, разжигали ненависть. Мэр Фуэнте-де-Кантос ввел налог на колокольный звон в размере 200 песет за первые пять минут и по 2 песеты за каждую последующую минуту. Во Фрехеналь-де-ла-Сьерра колокольный звон полностью запретили, а за католические погребения взимался налог. В нескольких деревнях были сожжены церкви. В Вильяфранка-де-лос-Баррос социалистическое большинство городского совета в апреле 1932 года проголосовало за удаление статуи Священного Сердца с главной площади⁹⁸.

Конфликтами на религиозной почве тут же воспользовались правые. Шествия превратились в демонстрации, паломничества – в марши протеста, а воскресные проповеди – в собрания, которые часто вызывали антиклерикальную реакцию, иногда с применением насилия⁹⁹. От риторики о преследованиях и страданиях до пропаганды насилия против республиканских реформ, изображавшихся как результат зловещего иностранного еврейско-масонско-большевистского заговора, был всего один шаг¹⁰⁰. Позже Хиль Роблес признался, что намеренно подталкивал свою аудиторию к конфликту с властями. В апреле 1937 года, когда *Acción Popular* распускалась и включалась Франко в его новое однопартийное государство, Хиль Роблес с гордостью заявил, что резервы массовой воинственности правых сил, которые он накопил во времена Республики, сделали возможной победу правых в Гражданской войне. Он считал этот

⁹⁵ María Pilar Salomón Chéliz, *Anticlericalismo en Aragón: protesta popular y movilización política (1900–1939)* (Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 2002), pp. 287–288.

⁹⁶ Álvarez Rey, *La derecha*, pp. 215–235.

⁹⁷ Vincent, *Catholicism*, p. 185; José María Lama, *Una biografía frente al olvido: José González Barrero, Alcalde de Zafra en la II República* (Badajoz: Diputación de Badajoz, 2000), p. 46.

⁹⁸ José Luis Gutiérrez Casalá, *La segunda República en Badajoz* (Badajoz: Universitas Editorial, 1998), pp. 128–129; Amparo Cabeza de Vaca, *Bajo cielos de plomo: unas memorias y el diario de Rafael Salazar Alonso* (Madrid: Editorial Actas, 2009), p. 30.

⁹⁹ Rafael Cruz, *En el nombre del pueblo: República, rebelión y guerra en la España de 1936* (Madrid: Siglo XXI de España Editores, 2006), pp. 51–58.

¹⁰⁰ ABC, 16 июня 1932 г.

«великолепный урожай» плодом своих собственных пропагандистских усилий и все еще гордился этим достижением, когда опубликовал свои мемуары в 1968 году¹⁰¹.

Риторика Хилия Роблеса в период Второй республики отражала чувства и страхи его самых влиятельных сторонников – крупных землевладельцев, или *латифундистов*. Их возмущение тем, что безземельные рабочие осмелились принять участие в революционных восстаниях 1918–1921 годов, демонстрировало их чувство социального, культурного и почти расистского превосходства над теми, кто работал в их поместьях. Объявление республиканско-социалистической коалиции о своем намерении улучшить повседневную участь несчастных поденщиков означало серьезный вызов самой структуре сельской иерархии. Враждебность землевладельцев к новому режиму выразилась прежде всего в их решимости блокировать республиканские реформы любыми средствами, включая безудержное насилие. Наиболее ярко ненависть *латифундистов* к своим *braceros* проявилась в первые месяцы Гражданской войны, когда они с энтузиазмом сотрудничали с Африканскими колоннами Франко, распространявшими волну террора по юго-западу Испании.

Попытки Республики упорядочить офицерский корпус вызвали враждебность многих офицеров, но особенно «африканцев». Генерал Хосе Санхурхо, генеральный директор Гражданской гвардии и выдающийся ветеран-«африканец», одним из первых публично отождествил покоренные племена Марокко с испанскими левыми – перенос расовых предрассудков, которые способствовали дикости, проявленной Африканской армией в годы Гражданской войны. Санхурхо выпалил это после совершенного в отдаленной бедной деревне Кастильбланко в Бадахосе насилия, когда жители деревни убили 4 гвардейцев в порыве коллективной ярости из-за систематических притеснений. Социалистический профсоюз рабочих-земледельцев, *Federación Nacional de Trabajadores de la Tierra (FNTT)*, объявил сорокавосьмичасовую забастовку в провинции в знак протеста против постоянных нарушений землевладельцами социального законодательства Республики. 31 декабря 1931 года в Кастильбланко гвардейцы, подстрекаемые мэром, открыли огонь по мирной демонстрации забастовщиков: 2 человека были ранены, 1 – убит. Потрясенные, разъяренные жители деревни напали на 4 гвардейцев и забили их до смерти. Для левых события в Кастильбланко были результатом долгой истории ужасающих экономических лишений в этом районе¹⁰².

Санхурхо очень разозлился, потому что из-за обязанности ехать в Кастильбланко ему пришлось пропустить большой светский свадебный банкет в Сарагосе¹⁰³. 2 января 1932 года, когда он прибыл в деревню, где теперь находился внушительный отряд гвардейцев, дежурный офицер указал на сотню заключенных или около того со словами: «Вот убийцы, посмотрите на их лица!» Санхурхо взорвался: «Но разве вы их еще не убили?» С заключенными обращались крайне жестоко. В течение семи дней и ночей их держали раздетыми до пояса и при минусовой температуре заставляли стоять с поднятыми руками. Если они падали, их били прикладами. Несколько человек умерли от пневмонии. Выступая перед журналистами на похоронах убитых гвардейцев, Санхурхо сравнил рабочих Кастильбланко с мавританскими племенами, с которыми он сражался в Марокко, и сказал: «В одном из уголков провинции Бадахос у племени рифийцев есть база». Он лживо заявил, что после колониальной катастрофы в битве при

¹⁰¹ Письмо Хилия Роблеса Лусиано де ла Кальсаде от 25 апреля 1937 г., *Sur* (Málaga), 28 апреля 1937 г.; Gil Robles, *No fue posible*, pp. 67–76. Cf. José Gutiérrez Ravé, *Gil Robles, caudillo frustrado* (Madrid: ERSA, 1967), pp. 198–199.

¹⁰² Manuel Albar, 'Sobre unos sucesos: el verdadero culpable', *El Socialista*, 2 января 1932 г. Описание Кастильбланко см. Vidarte, *Las Cortes Constituyentes*, pp. 306–309; Luis Jiménez Asúa, Juan-Simeón Vidarte, Antonio Rodríguez Sastre и Anselmo Trejo, *Castilblanco* (Madrid: Editorial España, 1933). Откровенно по этому поводу высказалась Маргарита Нелькен, см. Paul Preston, *Doves of War: Four Women of Spain* (London: HarperCollins, 2002), pp. 297–407.

¹⁰³ César González-Ruano и Emilio R. Tarduchy, *Sanjurjo (una vida española del novecientos)* (Madrid: Acción Española, 1933), p. 177; Vidarte, *Las Cortes Constituyentes*, pp. 600–601; Jesús Vicente Chamorro, *Año nuevo, año viejo en Castilblanco* (Madrid: Ediciones Albia, 1985), p. 80.

Анвале в июле 1921 года, когда погибли 9000 солдат, «даже в Монте-Аруит, когда рухнуло командование Мелильи, трупы христиан не были изуродованы с такой дикостью»¹⁰⁴.

Эти предрассудки повторялись в национальной и местной прессе журналистами, которые никогда не были в Кастильбланко. Монархическая ежедневная газета *ABC* отмечала, что «наименее цивилизованные представители племени Риф не были хуже»¹⁰⁵. Правые журналисты описывали безземельных рабочих Эстремадуры как «этих рифийцев без Рифа» и называли их «берберами, дикарями, кровожадными дикарями и марксистскими ордами». В целом сообщения местных газет о Кастильбланко отражали воинственно-расистские настроения сельской элиты. Жители Кастильбланко, а в более широком смысле и весь сельский пролетариат представлялись как низшая раса, ужасные примеры расового вырождения. Их часто называли недочеловеками и ненормальными. Красочные преувеличенные описания потворствовали древним страхам уважаемых классов: так, утверждение о том, что женщина танцевала на трупах, напоминало о шабаше ведьм¹⁰⁶. Частое явное заключение сводилось к тому, что сельский пролетариат должен был быть принужден к порядку так же, как и колониальный враг в Марокко, и звучали призывы усилить Гражданскую гвардию современными моторизованными подразделениями¹⁰⁷.

В течение недели после инцидента в Кастильбланко в результате кровавой мести Гражданской гвардии погибли 18 человек. Через три дня после Кастильбланко гвардейцы убили 2 и ранили 3 человек в Саламеа-де-ла-Серена (Бадахос). Два дня спустя 1 забастовщик был застрелен в Кальсада-де-Калатрава и 1 – в Пуэртольяно (обе – деревни в провинции Сьюдад-Реаль); 2 забастовщика были убиты и 11 – ранены в Эпиле (Сарагоса); и еще 2 забастовщика были убиты и 15 ранены в Хересе (в Валенсии), причем 9 из них – тяжело. 5 января 1932 года произошла самая шокирующая из этих акций, когда 28 гвардейцев открыли огонь по мирной демонстрации в Арнедо, небольшом городке в северной кастильской провинции Логроньо.

Одним из основных источников трудоустройства в Арнедо была обувная фабрика, принадлежавшая Фаустино Муро, человеку крайне правых убеждений. В конце 1931 года он уволил нескольких своих рабочих за то, что они не проголосовали за монархистов на апрельских выборах, а других – за принадлежность к *UGT*. Дело передали в местный арбитражный комитет, который вынес решение в пользу рабочих, но Муро отказался вернуть им работу. Вследствие этого перед зданием аюнтамьенто (мэрии) состоялся митинг протеста. Без видимого повода Гражданская гвардия открыла огонь, застрелив рабочего, беременную мать двадцати шести лет, ее двухлетнего сына и еще 3 женщин, находившихся рядом. Пулевые ранения получили еще 50 горожан, среди которых было много женщин и детей, в том числе младенцев. В течение следующих нескольких дней еще 5 человек умерли от ран. Также многим пострадавшим, среди которых был пятилетний мальчик и вдова с шестью детьми, пришлось ампутировать конечности¹⁰⁸. В первые месяцы Гражданской войны жители Арнедо пострадали еще

¹⁰⁴ *ABC*, 1, 2, 3, 5 января 1932 г.; *El Debate*, 2 января 1932 г.; *La Nación*, 4, 5 января 1932 г.; *El Sol*, 3 января 1932 г.; *La Voz Extremeña*, 5 января 1932 г.; González-Ruano и Tarduchy, *Sanjurjo*, pp. 180–181. Также см. Francisco Espinosa Maestre, *La columna de la muerte: el avance del ejército franquista de Sevilla a Badajoz* (Barcelona: Editorial Crítica, 2003), p. 498.

¹⁰⁵ *ABC*, 2 января 1932 г.

¹⁰⁶ Francisco Valdés, 'Márgenes. El Afincado', *La Voz Extremeña* (Badajoz), 10 января 1932 г.; 'La tragedia de Castilblanco', *El Faro de Extremadura* (Plasencia), 9 января 1932 г.; 'La tragedia de Castilblanco' в *La Opinión* (Trujillo), 7 января 1932 г.; 'Aún quedan tribus', *El Pueblo Manchego* (Ciudad Real), 4 января 1932 г.

¹⁰⁷ 'La guerra contra la Guardia Civil', *ABC*, 2 января 1932 г.; *El Imparcial*, 2 января 1932 г.

¹⁰⁸ *El Socialista*, 6 января 1932 г.; *La Rioja*, 6, 8, 9, 10, 12 января 1932 г.; *El Debate*, 6 января 1932 г.; Carlos Gil Andrés, *La República en la Plaza: los sucesos de Arnedo de 1932* (Logroño: Instituto de Estudios Riojanos, 2003), pp. 24–33, 43–49; Edward E. Malefakis, *Agrarian Reform and Peasant Revolution in Spain: Origins of the Civil War* (New Haven: Yale University Press, 1970), pp. 310–311.

больше. С конца июля по начало октября 1936 года были убиты 46 человек, включая тех, кого ранили в 1932 году¹⁰⁹.

В своем дневнике Асанья отметил, что общественное мнение Испании теперь разделилось на тех, кто ненавидел Гражданскую гвардию, и тех, кто почитал ее как последнего защитника общественного порядка¹¹⁰. После событий в Арнедо Санхурхо заявил, что Гражданская гвардия стояла между Испанией и насаждением советского коммунизма и что жертвы принадлежали к невежественному сброду, обманутому злобными агитаторами¹¹¹. Его слова после Кастильбланко и мести Гражданской гвардии наглядно продемонстрировали, как жестокость и дикость марокканских войн были перенесены в Испанию и использованы против рабочего класса. Санхурхо, однако, был не первым, кто заметил эту связь. Лидер астурийских шахтеров Мануэль Льянеса после подавления всеобщей революционной забастовки 1917 года писал об «африканской ненависти», с которой колонны военных убивали и избивали рабочих, разрушали и грабили их дома¹¹².

К несчастью для республиканско-социалистической коалиции, для все большего числа испанцев из среднего класса перегибы армии и Гражданской гвардии оправдывались перегибами *CNT*. 18 января 1932 года произошло восстание шахтеров, которые захватили город Фигольс в самой северной части провинции Барселона. Движение охватило всю территорию северной Каталонии. *CNT* немедленно объявила забастовку солидарности. Единственным местом за пределами Каталонии, где наблюдался сколько-нибудь значительный отклик, была Севилья. Там *CNT* при поддержке коммунистической партии объявила всеобщую забастовку 25 и 26 января. Она продолжалась два дня, а работу государственных служб обеспечивала Гражданская гвардия. Сопутствовавшее этому насилие убедило социалистов в том, что в анархистском движении действовали провокаторы, стремившиеся показать, что правительство не способно поддерживать порядок. 21 января в кортесах Асанья также высказал мысль о том, что крайне правые манипулируют анархистами. Он заявил, что те, кто захватывает фабрики, штурмует мэрии, вырывает железнодорожные пути, перерезает телефонные линии и нападает на силы правопорядка, будут рассматриваться как мятежники. В ответ он послал армию, применил Закон о защите Республики, приостановил работу прессы анархистов и депортировал лидеров забастовки из Каталонии и Севильи. Враждебность *CNT* к Республике и *UGT* неизбежно перерастала в фактическую войну¹¹³.

В течение нескольких месяцев после событий в Арнедо произошли и другие инциденты со смертельным исходом, связанные с Гражданской гвардией. В рамках празднования 1 мая 1932 года в деревне Сальвалеон в Бадахосе в соседнем поместье проводилось собрание членов *FNTT* из других городов и деревень провинции. После выступлений нескольких видных социалистов, включая депутатов местного парламента Педро Рубио Эредию и Николаса де Пабло, хор рабочих из деревни Баркаррота исполнил «Интернационал» и «Марсельезу». Толпа разошлась, многие отправились на танцы в Сальвалеон. После этого, перед возвращением в Баркарроту, хор пришел спеть у дома мэра Сальвалеона, социалиста Хуана Васкеса, известного как Дядя Хуан Любитель Кур (*Tío Juan el de los pollos*). Эта ночная демонстрация разгневала местного командира Гражданской гвардии, который открыл огонь, убив 2 мужчин и 1 женщину, а также ранив еще нескольких человек. Оправдывая свои действия, командир позже заявил, что выстрелы были произведены из толпы. Последовали аресты, в том числе депутата Николаса де

¹⁰⁹ Gil Andrés, *La República en la Plaza*, pp. 257–272; Jesús Vicente Aguirre González, *Aquí nunca pasó nada: La Rioja 1936* (Logroño: Editorial Ochoa, 2007), pp. 271–289.

¹¹⁰ Azaña, *Obras completas*, IV, pp. 294–297.

¹¹¹ Gil Andrés, *La República en la Plaza*, pp. 210–211.

¹¹² Manuel Llana, *Escritos y discursos* (Oviedo: Fundación José Barreiros, 1985), pp. 206–214.

¹¹³ Vega, *El Trentisme a Catalunya*, pp. 149–154; Macarro Vera, *La utopía revolucionaria*, pp. 198–202; Azaña, *Obras completas*, II, pp. 139–142; Casanova, *De la calle al frente*, p. 55.

Пабло и Дяди Хуана, мэра Сальвалеона. Педро Рубио был убит в июне 1935 года, Николас де Пабло – в конце августа 1936 года, а Хуан Васкес – в октябре 1936 года в Льерене¹¹⁴.

В январе 1932 года Санхурхо был отстранен от командования Гражданской гвардией и назначен генеральным директором корпуса карабинеров (пограничников). Он, как и многие другие, полагал, что его наказали за позицию, занятую после событий в Кастильбланко¹¹⁵. В результате Санхурхо стал объектом восторгов со стороны крайне правых. В конце концов в августе 1932 года он возглавил неудавшийся военный переворот. Он оказался успешным только в Севилье, где его с энтузиазмом поддержали местные правые. Во время так называемой санхурхады (переворота под командованием Санхурхо) заговорщики арестовали самых видных республиканцев в Севилье, включая мэра города Хосе Гонсалеса Фернандеса де Лабандеру. Узнав о попытке переворота 10 августа, Лабандера немедленно отправился в ратушу и приказал всем членам городского совета, руководителям партий и профсоюзов собраться. Он уже создал Комитет общественного спасения (*Comité de Salvación Pública*), когда прибыл майор Элеутерио Санчес Рубио Давила, посланный Санхурхо для вступления в должность мэра. Лабандера отказался, и озадаченный Санчес Рубио Давила удалился. Вскоре он вернулся с отрядом республиканской полиции по борьбе с беспорядками Штурмовой гвардией, и арестовал Лабандеру, который, когда его уводили, выкрикнул: «Последний указ мэра – объявление всеобщей забастовки всех государственных служб!» Объявление забастовки практически гарантировало провал переворота и спасло ему жизнь, но местные правые отомстили ему после начала Гражданской войны. Лабандера был расстрелян 10 августа 1936 года.

Среди гражданских лиц, участвовавших в перевороте, было много задействованных в *Guardia Cívica*, ответственной за события в парке Марии Луизы в июле 1931 года. Нет никаких признаков того, что неудача 1932 года обескуражила их. Более того, некоторые из них, а также участвовавшие офицеры сыграли заметную роль в событиях лета 1936 года¹¹⁶. 25 августа Санхурхо судили за государственную измену в Военной секции Верховного суда. У исполняющего обязанности председателя суда Мариано Гомеса Гонсалеса не было другого выбора, кроме как вынести смертный приговор, но он рекомендовал помилование со смягчением наказания до изгнания из армии¹¹⁷. Плутарко Элиас Кальес, президент Мексики, направил Асанье послание: «Если вы хотите избежать массового кровопролития и сохранить Республике жизнь, расстреляйте Санхурхо». В кабинете министров Асанья успешно аргументировал решение Мариано Гомеса. Никого не расстреляли, а Санхурхо и другие были заключены в тюрьму и в конце концов освобождены¹¹⁸.

Несмотря на громкие протесты по поводу якобы чрезмерных сроков заключения, правые были достаточно ободрены относительно мягкими мерами наказания, чтобы усилить подготовку к новой успешной попытке переворота¹¹⁹. Тюремный режим вряд ли мог быть более мяг-

¹¹⁴ Согласно Gutiérrez Casala, *La segunda República en Badajoz*, p. 153, после обращения Маргариты Нелькен толпа собралась напасть на казармы Гражданской гвардии в Сальвалеоне и кто-то из этой толпы выстрелил. Но на самом деле Маргариты Нелькен там не было, а выстрелы, согласно местной версии событий, производились только Гражданской гвардией. Я благодарен Франсиско Эспиносе Маэстре, передавшему мне рассказ очевидца Франсиско Марина Торрадо, местного мирового судьи (*juetz de paz*), который отрицал, что из толпы раздавались какие-либо выстрелы. См. также 'Los sucesos de Salvaleón', *El Obrero de la Tierra*, 14 мая 1932 г.; José Ignacio Rodríguez Hermosell, *Movimiento obrero en Barcarrota: José Sosa Hormigó, diputado campesino* (Badajoz: Asamblea de Extremadura, 2005), pp. 412.

¹¹⁵ Azaña, дневниковая запись за 8 января 1932 г., *Obras completas*, IV, pp. 299–301.

¹¹⁶ Espinosa Maestre, *La justicia de Queipo*, pp. 33, 77–79; Antonio L. Oliveros, *Asturias en el resurgimiento español (apuntes históricos y biográficos)* (Madrid: Imprenta Juan Bravo, 1935), p. 276.

¹¹⁷ Pedro-Pablo Miralles Sangro, 'Al servicio de la Justicia y de la República': Mariano Gómez (1883–1951), *Presidente del Tribunal Supremo* (Madrid: Editorial Dilex, 2010), pp. 78–84; Pascual Marzal Rodríguez, *Una historia sin justicia: cátedra, política y magistratura en la vida de Mariano Gómez* (Valencia: Universitat de València, 2009), pp. 153–157.

¹¹⁸ Julio Alvarez del Vayo, *The Last Optimist* (London: Putnam, 1950), p. 228; Manuel Azaña, *Diarios, 1932–1933: 'Los cuadernos robados'* (Barcelona: Grijalbo-Mondadori, 1997), pp. 41–46.

¹¹⁹ Joaquín del Moral, *Lo del '10 de agosto' y la justicia* (Madrid: C.I.A.P., 1933), pp. 99–108.

ким. Человеком, который должен был возглавить переворот Санхурхо в Кадисе, был полковник Хосе Энрике Варела, самый титулованный военный офицер. Хотя он не предпринимал активных действий, за участие в заговоре его арестовали и посадили в ту же тюрьму, где содержались главные участники переворота – карлисты Мануэль Дельгадо Брэкембери и Луис Редондо Гарсия, лидер городской группы карлистского ополчения, или «Рекете»¹²⁰. Они, а также посетивший его лидер карлистов Мануэль Фаль Конде, увлекли Варелу своими идеями организованного народного насилия против режима. Варела полностью перешел на сторону карлистов после того, как его вместе с Редондо перевели в тюрьму в Гвадалахаре¹²¹.

К сожалению, левые стали слишком самоуверенными, рассматривая «санхурхаду» как эквивалент путча Каппа-Лютвица в марте 1920 года в Берлине¹²². Поскольку Санхурхо, как и Капп, потерпел поражение в результате всеобщей забастовки, многие считали, что поражение «санхурхады» укрепило Республику, как неудача Каппа укрепила Веймарскую республику. Ничего не было сделано для реорганизации виновных подразделений. Напротив, правые многое почерпнули из фиаско Санхурхо, особенно то, что переворот не может быть успешным без сотрудничества с Гражданской гвардией и что республиканские муниципальные власти и профсоюзных лидеров нужно немедленно заставить замолчать.

Прежде всего, правые заговорщики (как гражданские, так и военные), пришли к выводу, что они никогда больше не должны допускать ошибку, связанную с недостаточной подготовкой. В конце сентября 1932 года Эухенио Вегас Латапье, маркиз де Элиседа из крайне правой группы *Acción Española* и капитан Хорхе Вигон из Генерального штаба создали заговорщический комитет, чтобы начать подготовку к будущему успешному перевороту. Теологическая, моральная и политическая законность восстания против Республики обсуждалась в монархическом журнале *Acción Española*. Группа действовала из дома летчика-монархиста и повесы Хуана Антонио Ансальдо в Биаррице. Сторонники правых собирали значительные суммы на покупку оружия и финансирование политической дестабилизации, за которую платили неназванным членам *CNT-FAI*. Кроме того, ежемесячно внушительная сумма тратилась на услуги инспектора полиции Сантьяго Мартина Багенаса. Он был близким соратником генерала Эмилио Мола, который возглавлял Главное управление безопасности в последние месяцы монархии. Теперь Мартина Багенаса наняли для осуществления разведки для заговорщиков, а он, в свою очередь, нанял еще одного приближенного Мола, еще более коррумпированного полицейского Хулиана Маурисио Карлавилью. Также одной из главных задач нового комитета было создание подрывных ячеек в самой армии, что было поручено подполковнику Генерального штаба Валентину Галарсе Моранте¹²³.

Галарса Моранте был замешан в «санхурхаде», но доказать против него ничего не удалось. Асанья считал его одним из самых опасных военных заговорщиков из-за его знаний, приобретенных за годы вмешательства в дела Военного министерства¹²⁴. Галарса стал связующим звеном между заговорщиками-монархистами и подпольной ассоциацией военных офицеров, *Unión Militar Española (UME, Испанский военный союз)*¹²⁵, созданной в конце 1933 года

¹²⁰ «Рекете» (от фр. *requeté* – «сигнал псовой охоты») – молодежная военизированная организация крайне правого абсолютистского традиционалистского движения сторонников восстановления в Испании неограниченной монархии во главе с потомком дона Карлоса. – *Примеч. ред.*

¹²¹ José María Pemán, *Un soldado en la historia: vida del Capitán General Varela* (Cádiz: Escelicer, 1954), pp. 111–120, 126–130; General Francisco Javier Mariñas, *General Varela (de soldado a general)* (Barcelona: Editorial AHR, 1956), pp. 56–64.

¹²² Путч Каппа-Лютвица (нем. *Kapp-Lüttwitz-Putsch*) – вооруженный мятеж, организованный армейскими кругами и консервативными политиками в марте 1920 года против демократического правительства веймарской Германии с целью установления военной диктатуры; провалился через 150 часов после начала. – *Примеч. ред.*

¹²³ Juan Antonio Ansaldo, *¿Para qué...? (de Alfonso XIII a Juan III)* (Buenos Aires: Editorial Vasca Ekin, 1951), pp. 47–51.

¹²⁴ Azaña, дневниковая запись за 29 августа 1932 г., *Diarios, 1932–1933*, p. 53.

¹²⁵ *Unión Militar Española (UME, Испанский военный союз)* – тайная анти-республиканская организация испанских офицеров. Был создан в 1933 г., играл важнейшую роль в подготовке попытки государственного переворота в 1936 г., положившей

полковником в отставке Эмилио Родригесом Тардучи, близким другом генерала Санхурхо и одним из первых членов фашистской партии «Испанская фаланга» (далее – Фаланга). Члены *UME* сыграли решающую роль в военном мятеже 1936 года¹²⁶. Тардучи вскоре сменил капитан Генерального штаба Бартоломе Барба Эрнандес, «африканец», друг Франко, назначившего его членом своего преподавательского состава в Главной военной академии в Сарагосе¹²⁷.

Поражение Санхурхо ничуть не ослабило социальную ненависть на юге, а поведение Гражданской гвардии во многом усугубило ее. В конце 1932 года недалеко от Фуэнте-де-Кантос на юге Бадахоса гвардейцы разогнали митинг левых в близлежащих полях, а лидера местного профсоюза Хулиана Аларкона задержали. Чтобы преподать ему урок, они закопали его по шею и оставили так, пока его товарищи не вернулись и не откопали его¹²⁸.

В середине декабря 1932 года в Кастельяр-де-Сантьяго в провинции Сьюдад-Реаль Гражданская гвардия бездействовала, пока местные землевладельцы и их слуги бесчинствовали. Основным источником занятости местных жителей являлся сбор урожая оливок. Крупных хозяйств было немного, а мелкие фермеры, выращивавшие оливки, не могли платить своим работникам достойную зарплату и предпочитали нанимать рабочих из других провинций или женщин, которым традиционно платили меньше. После протестов местного социалистического общества рабочих *Casa del Pueblo*¹²⁹ с землевладельцами было заключено соглашение о том, что они не будут привлекать женщин и сторонних рабочих, пока местные мужчины остаются без работы. Однако, подстрекаемые Ассоциацией владельцев сельских поместий, влиятельной группой аристократов, местные фермеры объединились для противостояния тому, что было воспринято как дерзость рабочих, и проигнорировали соглашение. Мэр, находясь под давлением землевладельцев, ничего не сделал для обеспечения выполнения договоренностей и просто попытался отстраниться от конфликта, уехав в город Вальдепеньяс.

12 декабря его машину остановила группа безработных поденщиков, которые пытались заставить его вернуться и выполнить свою работу. Кто-то из машины выстрелил, попав в Аурелио Франко, секретаря *Casa del Pueblo*, и началась драка. Рабочие бросались камнями и ранили мэра. Затем землевладельцы и их вооруженная охрана устроили погромы в домах рабочих, круша мебель и угрожая их женам и детям. Аурелио Франко и еще 2 члена профсоюза вытащили из их домов и расстреляли на глазах у их семей. Гражданская гвардия была свидетелем всего этого, но не вмешалась. Газета *FNNT, El Obrero de la Tierra*, отметила, что произошедшее в Кастельяр-де-Сантьяго «отражает крайнюю форму варварства обеспеченного класса, считающего, будто ему принадлежат жизни людей и их средства к существованию. Потеряв всякий контроль, местные боссы показали истинную природу класса, который они представляют, превратив это место в уголок Африки». В провинции была объявлена всеобщая забастовка. Тем не менее местные землевладельцы продолжали игнорировать трудовые соглашения, и никто из кастельярского отряда Гражданской гвардии не понес наказания за неисполнение служебных обязанностей¹³⁰.

начало Гражданской войне. – *Примеч. ред.*

¹²⁶ Antonio Cacho Zabalza, *La Unión Militar Española* (Alicante: Egasa, 1940), pp. 14–16; Vicente Guarnier, *Cataluña en la guerra de España* (Madrid, 1975), pp. 64–66; Stanley G. Payne, *Politics and the Military in Modern Spain* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1967), pp. 293–294.

¹²⁷ Carlos Blanco Escolá, *La Academia General Militar de Zaragoza (1928–1931)* (Barcelona: Editorial Labor, 1989), p. 71.

¹²⁸ Cayetano Ibarra, *La otra mitad de la historia que nos contaron: Fuente de Cantos, República y guerra 1931–1939* (Badajoz: Diputación de Badajoz, 2005), pp. 187–188.

¹²⁹ Исп. «Народный дом». Изначально местные отделения политических организаций социалистического толка, а также профсоюзов, используемые для собраний, распространения информации, культурных мероприятий. Название переняли от *Maison du peuple*, так во время Французской революции назывались центры рабочих. – *Примеч. ред.*

¹³⁰ *El Obrero de la Tierra*, 17, 24 декабря 1932 г.; María Paz Ladrón de Guevara, *Reforma agraria y conflicto campesino en la provincia de Ciudad Real (1931–1936)* (Ciudad Real: Diputación Provincial de Ciudad Real, 1993), pp. 97–115.

Еще одним свидетельством поддержки со стороны Гражданской гвардии работодателей, упорно блокировавших республиканское социальное законодательство, стали события, которые превзошли случившееся в Кастельяр-де-Сантьяго менее чем через месяц. 8 января 1933 года анархистское движение, в котором теперь доминировала экстремистская *FAI*, начало плохо подготовленное восстание. Оно было легко подавлено на большей части территории Испании, но репрессии в деревушке Касас-Вьехас (Кадис) были особенно жестокими. Поскольку лучшие земли вокруг деревни использовались для разведения боевых быков, жители сталкивались с круглогодичной безработицей, голодом и повсеместным распространением туберкулеза. Писатель Рамон Сендер отмечал, что бедняки сходили с ума от голода, как бродячие собаки. Когда декларация *FAI* о либертарном коммунизме дошла до местного центра рабочих, жители деревни нерешительно подчинились. Полагая, что весь Кадис последовал революционному призыву, они не ожидали кровопролития и наивно пригласили местных землевладельцев и Гражданскую гвардию присоединиться к новому коллективному предприятию. К их недоумению, гвардейцы в ответ на их предложение открыли огонь. Многие покинули деревню, но некоторые укрылись в хижине семидесятилетнего Курро Круса по прозвищу Шестипалый (*Seisdedos*). Вместе с Шестипалым в хижине находились два его сына, двоюродный брат, дочь с зятем, невестка и двое внуков. Они и еще несколько жителей деревни были вооружены только ружьями, заряженными дробью. Прибыла рота Штурмовой гвардии под командованием капитана Мануэля Рохаса Фейхеспана. Во время ночной осады несколько человек погибли от пулеметных пуль, пробивших глинобитные стены лачуги. В конце концов Рохас приказал гвардейцам поджечь хижину. Тех, кто пытался бежать, расстреливали. Еще 12 жителей деревни были хладнокровно казнены¹³¹.

Немедленная реакция правой прессы была благосклонной: она, как обычно, аплодировала репрессиям Гражданской гвардии в отношении сельского пролетариата¹³². Однако, поняв, что на этом можно заработать политический капитал, правые группы принялись лить крокодиловы слезы и вторить возмущению анархистов. Еще до того, как стали известны подробности расправы, все три министра-социалиста, особенно умеренный Индалесио Прието, выразили Асанье свою поддержку в подавлении восстания анархистов¹³³. Однако, несмотря на свою враждебность к анархистам, социалисты не могли одобрить необоснованную жестокость, проявленную силами правопорядка. Что еще хуже, ответственные за это офицеры лгали, что действовали по приказу. Их полностью поддержал будущий лидер *Unión Militar Española*. Капитан Барба Эрнандес был на дежурстве ночью 8 января 1933 года. Когда разразился скандал, он защищал своего друга капитана Рохаса Фейхеспана, утверждая, будто Асанья лично отдал приказ «стрелять им в живот». Подхваченная правой прессой, эта фальсификация нанесла огромный ущерб республиканско-социалистической коалиции¹³⁴. Трагедия Касас-Вьехас и ее последствия заставили лидеров социалистов осознать цену участия в правительстве. Они увидели, что защита буржуазной Республики от анархистов подрывает их авторитет среди социалистических масс.

¹³¹ Ramón Sender, *Viaje a la aldea del crimen* (Madrid: Pueyo, 1934), pp. 33–42, 70–130; Francisco Guerra, *Casas Viejas: apuntes de la tragedia* (Jerez: Establecimiento Tipográfico 'El Martillo', 1933); Eduardo de Guzmán, *La tragedia de Casas Viejas, 1933: quince crónicas de guerra, 1936* (Madrid: Ediciones Vosa, 2007), pp. 15–48; Gérald Brey и Jacques Maurice, *Historia y leyenda de Casas Viejas* (Bilbao: Editorial Zero/ZYX, 1976), pp. 65–75; Jerome R. Mintz, *The Anarchists of Casas Viejas* (Chicago: University of Chicago Press, 1982), pp. 189–225; Antonio Ramos Espejo, *Después de Casas Viejas* (Barcelona: Argos Vergara, 1984), pp. 11–25.

¹³² *El Debate*, 15 января 1932 г.

¹³³ Manuel Azaña, дневниковая запись за 13 января 1933 г., *Diarios, 1932–1933*, p. 136.

¹³⁴ *DSCC*, 3, 23, 24 февраля, 2, 3 марта 1933 г.; *El Debate*, 24 февраля 1933 г. О Бар-бе Эрнандесе и Касас-Вьехас см. *DSC*, 16 марта 1933 г.; Azaña, *Obras completas*, IV, pp. 469–471; Guillermo Cabanellas, *La guerra de los mil días: nacimiento, vida y muerte de la II República española*, 2 vols (Buenos Aires: Grijalbo, 1973), I, pp. 274, 494–496; Gabriel Jackson, *The Spanish Republic and the Civil War* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), p. 514.

Во время кампании по проведению повторных муниципальных выборов 23 апреля 1933 года произошли новые случаи насилия. Выборы должны были состояться в двадцати одном городе провинции Бадахос, и самым важным из них был Орначос. В тот день мэр города Сафра Хосе Гонсалес Барреро возглавлял демонстрацию в Орначосе, в которой приняли участие 300 социалистов и коммунистов. В толпе развевались красные флаги, звучали революционные песни. Сначала – по приказу гражданского губернатора – гвардейцы отступили. Однако местные правые, участвовавшие в выборах как антимакистская коалиция, обратились к Рафаэлю Саласару Алонсо, одному из депутатов-радикалов от провинции, который в тот день находился в Орначосе. Поскольку в городе не было телефонной линии, Саласар Алонсо поехал в соседний город Вильяфранка-де-лос-Баррос, откуда позвонил министру внутренних дел и потребовал, чтобы Гражданской гвардии дали разрешение открыть огонь. По его собственному утверждению, он все еще находился в Вильяфранка-де-лос-Баррос, когда это произошло. Согласно другим источникам, Саласар Алонсо на самом деле был в Орначосе, когда, после того как полетели камни и раздался выстрел, гвардейцы начали стрелять по толпе. В результате были убиты 4 мужчин и 1 женщина, 14 человек получили ранения. 40 рабочих арестовали, нескольких из них сильно избили¹³⁵. Было широко распространено мнение, что Саласар Алонсо был ответственным за действия Гражданской гвардии в Орначосе в тот день¹³⁶.

Агрессивный и склонный к провокациям Саласар Алонсо был человеком, подверженным крайним проявлениям увлеченности. До 1931 года он придерживался решительно антиклерикальных республиканских взглядов, но, попав под влияние сельской аристократии Бадахоса, резко изменился. В результате он с рвением новообращенного отдался службе реакционным интересам и сыграл важную роль в зарождении насилия на юге Испании. По словам Педро Вальины, знаменитого врача-анархиста, Саласар Алонсо отличался чрезвычайным честолюбием и использовал антиклерикализм как способ занять видное место внутри *Partido Republicano Radical (PRR, Радикальная республиканская партия)*¹³⁷. Он родился и вырос в Мадриде. В Сируэле (Бадахос), в родном городе своего отца, женился на дочери богатого землевладельца. В начале своей карьеры он придерживался радикальных взглядов, но, получив место в парламенте, быстро стал правым. Во время своего короткого визита в Вильяфранка-де-лос-Баррос 23 апреля 1933 года Саласар Алонсо познакомился с Ампаро, женой другого, еще более богатого землевладельца, который был на много лет старше ее. Саласар Алонсо бросил собственную жену и детей и начал встречаться с Ампаро, которая стала навещать его в Мадриде. Строгий и идеалистичный доктор Вальина считал Саласара Алонсо «одним из самых бесстыдных и циничных людей», известных ему. Даже глава *PRR*, коррумпированный Алехандро Леррус, с тоской замечал: «Саласар Алонсо часто посещал дворцы, в которых я никогда не бывал, кроме как по служебным делам»¹³⁸. В конце концов, как из-за прелюбодейного характера его отношений с Ампаро, так и несмотря на него, Саласар Алонсо оставил масонство и превратился в благочестивого католика¹³⁹.

¹³⁵ Rafael Salazar Alonso, *Bajo el signo de la revolución* (Madrid: Librería de San Martín, 1935), pp. 36–37; Lama, *José González Barrero*, pp. 46–48. Согласно Gutiérrez Casala, *La segunda República en Badajoz*, p. 176, Саласар Алонсо был в Орначосе в момент трагедии.

¹³⁶ *Diario de las Sesiones de Cortes* [далее DSC], 25 января 1934 г. Также см. Margarita Nelken, *Por qué hicimos la revolución* (Barcelona: Ediciones Sociales Internacionales, 1936), p. 96.

¹³⁷ Partido Republicano Radical (PRR, Радикальная республиканская партия) – либеральная центристская партия, основанная в 1908 г. Алехандро Леррусом в Сантандере (Кантабрия) в результате раскола партии Республиканский союз Николаса Сальмерона. Основатель и лидер партии Алехандро Леррус был противоречивой фигурой, известной своей коррупцией и демагогической риторикой. – *Примеч. ред.*

¹³⁸ Niceto Alcalá Zamora, *Memorias* (Barcelona: Planeta, 1977), p. 283; DSC, 25 января 1934 г.; Nelken, *Por qué hicimos la revolución*, p. 87; Vallina, *Mis memorias*, pp. 226–227; Alejandro Lerroux, *La pequeña historia: apuntes para la historia grande vividos y redactados por el autor* (Buenos Aires: Editorial Cimera, 1945), pp. 149, 245.

¹³⁹ Его любовные письма к женщине, названной просто Ампаро, были изъяты из его дома в начале Гражданской войны и переизданы в CNT 13 января 1937 г. Дочь Ампаро Мунильи Монтеро де Эспиноса и Франсиско Ампаро Кабеса де Вака из

На протяжении весны и лета 1933 года факт того, что социальное законодательство Республики просто игнорировалось, становился все более очевидным. В государственные биржи труда и арбитражные комитеты, известные как «смешанные жюри», никто не обращался, а работа предлагалась только тем, кто готов был выйти из профсоюза (буквально: «кто рвал свой профсоюзный билет»). Земля не обрабатывалась. Участились случаи расстрелов рабочих землевладельцами. В середине июня состоялось заседание национального комитета *UGT*, на котором рассматривался вопрос о переходе в анархистские и коммунистические организации членов, разочарованных усилиями социалистов по поддержанию дисциплины в условиях провокаций¹⁴⁰.

Рабочие – особенно в сельской местности – были вынуждены проявлять все бóльшую агрессию из-за отказа работодателей соблюдать социальное законодательство. Пока социалисты присутствовали в правительстве и могли предложить перспективу реформ, профсоюзы реагировали на призывы к дисциплине и терпению. Однако в течение некоторого времени Алькала Самора искал возможности отстранить от власти республиканско-социалистическую коалицию. Отчасти это объяснялось напряженностью его отношений с социалистами и личными трениями с Мануэлем Асаньей. В начале сентября, несмотря на то что парламент проголосовал за Асанью, президент предложил сформировать правительство коррумпированному лидеру *PRR* Алехандро Леррису. Не имея возможности предстать перед парламентом без неминуемого поражения, Алькала Самора управлял страной при закрытых кортесах. Землевладельцы быстро пришли в восторг от сдержанной позиции нового министра сельского хозяйства Рамона Феседа Греса (регистратора собственности по профессии) и министра труда Рикардо Сампера (радикала из Валенсии). Новый министр внутренних дел Мануэль Рико Авелья назначил нескольких реакционных гражданских губернаторов, которые позволяли более или менее игнорировать большинство социальных законов Республики. В ущерб местным рабочим в южные провинции завозили дешевую рабочую силу из Галисии. За нарушения закона не наказывали¹⁴¹. Угасавшая вера социалистов в буржуазную демократию была неизбежно еще больше подорвана.

Об ужасающих условиях жизни южных селян рассказала известная писательница и драматург, социалист Мария Лехаррага, посетив одну из деревень в Ла-Манче. По прибытии она обнаружила, что местные социалисты не смогли найти зал для ее собрания. В результате напряженных переговоров они убедили местного фермера разрешить им воспользоваться его скотным двором. После того как свиньи и куры были отогнаны, при свете одной лишь шипящей ацетиленовой лампы началось собрание. В первом ряду сидели несколько несчастных женщин, у каждой из которых на коленях было по одному или несколько детей:

с бесформенными головами, соединенными с костлявыми тельцами тонкими, как палки, шеями, раздутыми животами, маленькими ножками, скрученными в невероятные фигуры, как у тряпичной куклы, и ртами, жадно глотавшими воздух за неимением лучшей пищи. Это Испания, которую мы застали, когда родилась Республика. За худыми и преждевременно постаревшими женщинами – кто может сказать, сколько лет женщине из кастильской или андалусской деревни: двадцать пять или двести с лишним? –

Вильяфранка-де-лос-Баррос упоминает о дружбе своих родителей с Саласаром Алонсо в своих мемуарах (книге, пропитанной крайним снобизмом и классовой ненавистью), но категорически отрицает, что ее мать была любовницей Саласара – Amargo Cabeza de Vaca, *Bajo cielos de plomo: unas memorias y el diario de Rafael Salazar Alonso* (Madrid: Editorial Actas, 2009), pp. 32, 39, 88.

¹⁴⁰ *BUGT*, август – сентябрь 1933 г.; *El Obrero de la Tierra*, 12, 20 августа, 9 сентября 1933 г.; *El Debate*, 22, 23, 29 августа 1933 г.

¹⁴¹ *El Debate*, 19 сентября 1933 г.; *El Obrero de la Tierra*, 16, 23, 30 сентября 1933 г.; *BUGT*, ноябрь 1933 г.; Mario López Martínez, *Orden público y luchas agrarias en Andalucía* (Madrid: Ediciones Libertarias/Ayuntamiento de Córdoba, 1995), p. 319.

стояли мужчины, самые старые из которых из слабости опирались на стену позади¹⁴².

В первые два года существования Республики левые были потрясены упорством сопротивления тому, что они считали основополагающим гуманитарным законодательством. Однако после выборов в ноябре 1933 года заложенные в этот период хрупкие основы социально прогрессивной Республики безжалостно разрушили правые, которые использовали свою победу для восстановления репрессивных социальных отношений, существовавших до 1931 года. То, что правые получили такую возможность, вызвало большую горечь у представителей социалистического движения. Во многом это была их собственная вина, поскольку они совершили элементарную ошибку, отказавшись от предвыборного союза с левыми республиканскими силами и потому не сумев воспользоваться преимуществами избирательной системы. В результате они пришли к выводу, что выборы были недействительными. Социалисты получили 1 627 472 голоса, почти наверняка больше, чем могла бы получить любая другая партия, участвовавшая в выборах самостоятельно. Благодаря этим голосам они получили 58 мест в парламенте, в то время как *PRR*, набравшая всего 806 340 голосов, получила 104 места. Согласно подсчетам секретариата *PSOE*, объединенные правые получили в общей сложности 212 мест при 3 345 504 голосах, а разобщенные левые – 99 мест при 3 375 432 голосах¹⁴³. То, что правые получили место в парламенте менее чем за 16 000 голосов, в то время как места левых «стоили» более 34 000 голосов, конечно, неприятно, но это не отменяет того факта, что главным фактором, определившим результаты, была тактическая ошибка самой партии, не сумевшей воспользоваться системой, которая благоприятствовала коалициям.

Тем не менее у социалистов имелись и другие, более существенные причины не признавать результаты выборов. Они были убеждены, что их лишили мест в парламенте в результате грубых нарушений при проведении выборов на юге страны. В деревнях, где один или два человека являлись единственными работодателями, было относительно легко получить голоса, пообещав работу или пригрозив увольнением. Голоса многих рабочих, находившихся на грани голодной смерти, можно было выменять на еду или одеяло. В Альмендралехо (Бадахос) местный аристократ покупал голоса за хлеб, оливковое масло и чоризо. Во многих деревнях Гранады и Бадахоса тех, кто посещал собрания левых, избивали охранники помещичьих хозяйств, а Гражданская гвардия стояла в стороне. Новые гражданские губернаторы, назначенные радикалами, допускали, чтобы «общественный порядок» контролировали вооруженные бандиты, состоявшие на службе у землевладельцев. Иногда при активном содействии Гражданской гвардии, а иногда просто при ее благожелательном нейтралитете им удавалось запугивать левых. В провинции Гранада Фернандо де лос Риос и другие кандидаты столкнулись с насильственным срывом своей предвыборной кампании. В Уэскаре де лос Риоса встретил ружейный огонь, а в Моклине правые забросали его машину камнями. В Херес-дель-Маркесадо местные касики наняли головорезов, которых вооружили и напоили. Де лос Риос был вынужден отказаться от запланированного собрания, когда его предупредили, что они готовят покушение на его жизнь. В отдаленной деревне Кастриль, неподалеку от Уэскара, собрание, на котором выступали Мария Лехаррага и де лос Риос, сорвали простым способом – загнали в толпу несколько ослов, нагруженных бревнами. В Гуадиксе их слова заглушались настойчивым звоном колоколов соседней церкви. В провинции Кордова, в Бухалансе, Гражданская гвардия сорвала предвыборную агитацию левых. В Монтемайоре, Энцинас-Реалес, Пуэнте-Хениль и Вильянуэва-дель-Рей гвардейцы помешали кандидатам от социалистов и коммунистов выступить с предвыборной речью. Накануне выборов на лидера умеренных социалистов Мануэля

¹⁴² María Martínez Sierra, *Una mujer por los caminos de España*, 2nd edn (Madrid: Editorial Castalia, 1989), pp. 81–86.

¹⁴³ Juan-Simeón Vidarte, *El bienio negro y la insurrección de Asturias* (Barcelona: Grijalbo, 1978), pp. 109–110; Francisco Largo Caballero, *Discursos a los trabajadores* (Madrid: Gráfica Socialista, 1934) Apéndice, pp. 163–166.

Кордеро было совершено покушение. В Кинтанилья-де-Абахо (Вальядолид) местные рабочие вышли на демонстрацию против митинга фашистов. Гражданская гвардия обыскала их, а когда один из них сказал, что его единственное оружие – это руки, гвардейцы сломали их ему прикладами¹⁴⁴.

В силу масштабов безработицы в провинции Бадахос, составлявшей почти 40 %, и, как следствие, положения почти на грани голодной смерти многих ее жителей, избирательной кампании неизбежно сопутствовало насилие. За сравнительно короткое время депутат от социалистов Маргарита Нелькен, горячо выражавшая свою глубокую озабоченность судьбами рабочих-земледельцев и их семей, завоевала подлинную популярность. В результате она стала объектом ненависти правых. Ее эмоциональные выступления на собраниях по всей провинции вызывали громкие аплодисменты. Местные власти часто приостанавливали эти собрания, а если они продолжались, то их прерывали выкрики с мест. Главный оппонент Нелькен, радикальный защитник интересов местных землевладельцев Рафаэль Саласар Алонсо, приправлял свои нападки на нее оскорблениями сексуального характера. Местного бандита, известного как Боканегра, выпустили из тюрьмы, предположительно, по приказу Саласара Алонсо, чтобы он избивал ее, другого кандидата от социалистов Хуана-Симеона Видарте и доктора Педро Вальину, чрезвычайно популярного врача-анархиста. Видарте также стал жертвой двух покушений в этой провинции. В Орначуэлосе (Кордова) Гражданская гвардия выстроила деревенских женщин под дулами пистолетов, запретив им голосовать. В Саламеа-де-ла-Серена (Бадахос) местные правые с криками «Да здравствует фашизм!» («¡Viva el Fascio!») открыли огонь по местному *Casa del Pueblo*, убив 1 рабочего¹⁴⁵.

На следующий день после выборов Маргарита Нелькен отправила телеграмму в Министерство труда, протестуя против того, что группа бандитов во главе с радикальным мэром Альхусена в Бадахосе открыла огонь по рабочим (тогда 1 человек был убит, 2 – тяжело ранены, еще несколько пострадали)¹⁴⁶. Сама Маргарита подверглась вооруженному нападению после выступления в *Casa del Pueblo* в Альхусене. На избирательных участках гвардейцы заставляли рабочих менять свои бюллетени на те, в которых уже были отметки в пользу правых кандидатов. Правые приложили значительные усилия по фальсификации результатов выборов: покупали голоса за еду и/или одеяла, запугивали избирателей, завозили грузовики, полные своих сторонников, для проведения повторных голосований, а также «теряли» ящики с бюллетенями из тех мест, где, как было известно, левые составляли большинство. В итоге *PSOE* получила только три места, выделенные блоку меньшинства в провинции – Маргарите Нелькен, а также социалистам Педро Рубио Эредии и Хуану-Симеону Видарте¹⁴⁷.

На юге страны стеклянные избирательные урны и грозное присутствие головорезов, нанятых касиками (*caciques*¹⁴⁸), сделали тайное голосование неактуальным. В некоторых провинциях (в частности, в Бадахосе, Малаге и Кордове) перевес правых был настолько мал, что нарушения при проведении выборов не могли повлиять на результаты. В Гранаде в девяти

¹⁴⁴ Antonio Ramos Oliveira, *Politics, Economics and Men of Modern Spain* (London: Victor Gollancz, 1946), pp. 489–491; Nelken, *Por qué hicimos la revolución*, pp. 67–69; Martínez Sierra, *Una mujer*, pp. 133–140; Antonina Rodrigo, *María Lejárraga: una mujer en la sombra* (Madrid: Ediciones Vosa, 1994), pp. 266–267; López Martínez, *Orden público y luchas agrarias*, pp. 320–324; Francisco Moreno Gómez, *La República y la guerra civil en Córdoba* (Córdoba: Ayuntamiento de Córdoba, 1982), p. 230; *El Obrero de la Tierra*, 31 марта 1934 г.

¹⁴⁵ *El Socialista*, 28, 30 октября 1933 г.; Gutiérrez Casala, *La segunda República en Badajoz*, pp. 153, 169, 187, 190; Nelken, *Por qué hicimos la revolución*, pp. 69, 96; Vidarte, *El bienio negro*, pp. 32–35. О его деятельности в Бадахосе см. Vallina, *Mis memorias*, pp. 260–262.

¹⁴⁶ Нелькен – Пи-Суньеру, 21 ноября 1933 г., Arxiu Carles Pi Sunyer, Barcelona.

¹⁴⁷ Margarita Nelken, 'Las Actas de Badajoz: con el fango hasta la boca', *El Socialista*, 30 ноября 1933 г.; Nelken, *Por qué hicimos la revolución*, pp. 69–70; Vidarte, *El bienio negro*, pp. 151–152; Gutiérrez Casala, *La segunda República en Badajoz*, pp. 193–199.

¹⁴⁸ Люди, напрямую влияющие на принятие политических решений на местах благодаря своим связям, власти и широкой сети зависимых от них чиновников. Так же испанские колонисты называли идейских вождей в Америке. – *Примеч. ред.*

городах большинство правых составило неправдоподобные 100 %, в двух – 99 % и еще в двадцати одном – от 84 до 97 %. После выборов министр юстиции подал в отставку в знак протеста против степени их фальсификации¹⁴⁹. По всему югу землевладельцы вернулись к полуфеодальным отношениям зависимости, которые были нормой до 1931 года.

¹⁴⁹ Ramos Oliveira, *Politics, Economics*, p. 490; López Martínez, *Orden publico y luchas agrarias*, pp. 326–329.

2

Теоретики истребления

«Африканцы» и гвардейцы были самыми жестокими выразителями враждебности правого крыла по отношению ко Второй республике и ее сторонникам из рабочего класса. В этой кровавой ненависти к левым, которую пропагандировали многочисленные политики, журналы и газеты, их поддерживали и оправдывали. В частности, несколько влиятельных лиц объявили истребление представителей левых сил патриотическим долгом. С помощью пресловутой теории еврейско-масонско-большевистского заговора они намекали на расовую неполноценность своих левых и либеральных врагов. Внесение в начале 1933 года на рассмотрение законопроекта о запрете школ, управляемых религиозными орденами, послужило удобным провоцирующим фактором. 30 января на массовом собрании в кинотеатре *Monumental Cinema* в Мадриде землевладелец-карлист Хосе Ламамие де Клейрак, депутат парламента от Саламанки, осудил этот законопроект как сатанинский заговор масонов с целью уничтожения Католической церкви¹⁵⁰. Закон был принят 18 мая. В ответ на это 4 июня Кандид Касануэва, тоже депутат от Саламанки, сказал Женской ассоциации гражданского образования: «Вы обязаны каждый день вливать в сердца своих детей по капле ненависти к “Закону о религиозных орденах” и его авторам. Горе вам, если вы не будете этого делать!»¹⁵¹ На следующий день Хиль Роблес заявил, что «масонство, которое принесло в Испанию “Закон о религиозных орденах”, – дело рук иностранцев, так же как секты и Интернационалы»¹⁵².

Идея злобного еврейского заговора с целью уничтожения христианского мира получила в Испании современную интерпретацию благодаря распространению с 1932 года одного из самых влиятельных антисемитских произведений – «Протоколов сионских мудрецов». Опубликованное в России в 1903 году и основанное на немецких и французских произведениях 1860-х годов, это фантастическое сочинение содержало концепцию о том, что тайное еврейское правительство, Мудрецы Сиона, замышляло уничтожение христианства и установление мирового господства евреев¹⁵³. Первый перевод «Протоколов» на испанский язык был опубликован в Лейпциге в 1930 году. Другой перевод выпустило в Барселоне в 1932 году иезуитское издательство, которое затем опубликовало его в одном из своих журналов. Более широкое распространение и одобрение «Протоколы» получили благодаря чрезвычайно популярной работе каталонского священника Хуана Тускетса Террата (1901–1998), автора бестселлера *Orígenes de la revolución española* («Истоки испанской революции»). Тускетс родился 31 марта 1901 года в Барселоне в богатой семье банкиров. Его отец был потомком еврейских банкиров, убежденным каталонским националистом и другом плутократа Франсеска Камбо. Мать происходила из сказочно богатой семьи из Эль-Мила¹⁵⁴, покровителей Гауди. Среднее образование Тускетс Террат получил в иезуитской школе, затем учился в Лувенском университете и Папском университете в Таррагоне, где написал докторскую диссертацию. Он был рукоположен в 1926 году, и вскоре его начали считать одной из самых больших надежд каталонской философии. Извест-

¹⁵⁰ ABC, 31 января 1933 г. Многие родственники Ламамие де Клейрака, включая его брата (иезуита) и сына, были священниками и монахами – см. Antonio Pérez de Olaguer, *Piedras vivas: biografía del Capellán Requeté José María Lamamié de Clairac y Alonso* (San Sebastián: Editorial Española, 1939), pp. xvi – xviii, 30–33.

¹⁵¹ Antonio Rodríguez de las Heras, *Filiberto Villalobos, su obra social y política 1900–1936* (Salamanca: Centro de Estudios Salmantinos, 1985), p. 193.

¹⁵² ABC, 6 июня 1933 г.

¹⁵³ О происхождении «Протоколов» см. Norman Cohn, *Warrant for Genocide: The Myth of Jewish World Conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion* (Harmondsworth: Pelican Books, 1970).

¹⁵⁴ Эль-Мила (кат. *El Milà*) – муниципалитет в Каталонии, входит в провинцию Таррагона в составе автономного сообщества Каталония. – *Примеч. ред.*

ный своей набожностью и огромной культурой, он стал преподавателем в семинарии Барселоны, в которой ему поручили написать книгу о теософском движении скандальной спиритуалистки мадам Елены Блаватской. После успеха этой книги у него появился навязчивый интерес к тайным обществам¹⁵⁵.

Несмотря на свое отдаленное еврейское происхождение, а может быть, и благодаря ему, к моменту установления Второй республики исследование Тускетсом тайных обществ переросло в яростный антисемитизм и еще более яростную ненависть к масонству. Еще больше отвергая свои корни, он резко выступил против каталонского национализма и приобрел дурную славу, ложно обвинив каталонского лидера Франсеска Масию в принадлежности к масонству¹⁵⁶. Работая с другим священником, Жоакимом Гиу Бонастре, он создал сеть, как он выражался, своих «верных и бесстрашных осведомителей». Вопреки показному благочестию, Тускетс не гнушался шпионажем и даже кражами со взломом. Одна из главных лож масонов в Барселоне находилась на улице Каррер д'Авинья рядом с аптекой. Поскольку за аптекой жила тетя Тускетса, он и отец Гиу могли следить за масонами из ее квартиры. Однажды они ворвались в другую ложу, устроили там пожар и, воспользовавшись возникшей неразберихой, украли ряд документов. На основе этих «исследований» Тускетс писал резко антимасонские статьи, которые регулярно публиковал в карлистской газете *El Correo Catalán*, а также создал свою чрезвычайно успешную работу *Orígenes de la revolución española*. Эта книга была примечательна как популяризацией идеи о том, что Республика являлась плодом еврейско-масонского заговора, так и указанием имен тех, кого автор считал самыми зловными его участниками. Позднее Тускетс утверждал, будто в отместку за его труды масоны дважды пытались убить его. Из его рассказа следует, что они не очень-то и старались. В первом случае он избежал смерти, просто сев в такси. Во втором случае, по его словам, его спас эскорт, предоставленный анархо-синдикалистской газетой *Solidaridad Obrera*. Эта предполагаемая доброжелательность анархистов была крайне неправдоподобной в силу их яростного антиклерикализма¹⁵⁷.

Тускетс использовал «Протоколы» в качестве «документального» подтверждения своего главного тезиса о том, что евреи стремились уничтожить христианскую цивилизацию. Их орудиями служили масоны и социалисты, которые делали свою грязную работу с помощью революции, экономических катастроф, нечестивой и порнографической пропаганды и неограниченного либерализма. Он осуждал Вторую республику как масонский проект и обличал президента, набожного католика Нисето Алькалу Самору, называя его евреем и масоном¹⁵⁸. Посыл был ясен: Испания и католическая церковь могли быть спасены только путем уничтожения евреев, масонов и социалистов – другими словами, всей левой части спектра политических сил. Книга *Orígenes de la revolución española* продавалась огромными тиражами и вызвала шумную полемику, которая сделала идеи Тускетса еще более популярными. Его концепция о том,

¹⁵⁵ О Тускетсе см. Antoni Mora, 'Joan Tusquets, en els 90 anys d'un home d'estudi i de combat', Institut d'Estudis Tarraconenses Ramon Berenguer IV, *Anuari 1990–1991 de la Societat d'Estudis d'Història Ecclesiàstica Moderna i Contemporània de Catalunya* (Tarragona: Diputació de Tarragona, 1992), pp. 231–242; José Antonio Ferrer Benimeli, *El contubernio judeo-masónico-comunista: del Satanismo al escándalo del P-2* (Madrid: Ediciones Istmo, 1982), pp. 191–197; Jordi Canal, 'Las campañas antisectarias de Juan Tusquets (1927–1939): una aproximación a los orígenes del contubernio judeo-masónico-comunista en España', в José Antonio Ferrer Benimeli, ed., *La masonería en la España del siglo XX*, 2 vols (Toledo: Universidad de Castilla-La Mancha, 1996), II, pp. 1193–1214; Javier Domínguez Arribas, 'Juan Tusquets y sus ediciones antisectarias (1936–1939)', в José Antonio Ferrer Benimeli, ed., *La masonería española en la época de Sagasta*, 2 vols (Zaragoza: Gobierno de Aragón, 2007), II, pp. 1157–1196.

¹⁵⁶ Об обвинениях Тускетса против Масии см. Juan Tusquets, *Orígenes de la revolución española* (Barcelona: Editorial Vilamala, 1932), pp. 150–151; Juan Tusquets, *Masones y pacifistas* (Burgos: Ediciones Antisectarias, 1939), pp. 104–105; Hilari Raguier, *La Unió Democràtica de Catalunya i el seu temps (1931–1939)* (Barcelona: Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 1976), pp. 279–280; Arxiu Vidal i Barraquer, *Església i Estat durant la Segona República espanyola 1931/1936*, 4 vols in 8 parts (Monestir de Montserrat: Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 1971–1990), II, pp. 386, 638, III, p. 935.

¹⁵⁷ О краже со взломом и предполагаемых покушениях см. Mora, 'Joan Tusquets', pp. 234–235.

¹⁵⁸ Tusquets, *Orígenes*, pp. 101, 137. Алькала Самора, протестуя против обвинений, писал архиепископу Видалю-и-Барракеру 26 марта 1932 г., Arxiu Vidal i Barraquer, *Església i Estat*, II, pp. 644–646.

что Республика – это диктатура в руках «иудейского масонства», получила дальнейшее распространение благодаря его многочисленным статьям в *El Correo Catalán* и невероятно успешной серии из пятнадцати книг (*Las Sectas*), в которых он нападал на масонство, коммунизм и иудаизм.

Второй том *Las Sectas* включал полный перевод «Протоколов», а также повторял выпады Тускетса в адрес Масии. В разделе под названием «Их планы на Испанию» утверждалось, что посягательство евреев на Испанию проявлялось как в преследовании Республикой религии, так и в движении за аграрную реформу путем перераспределения крупных поместий¹⁵⁹. Ставший известным благодаря своим сочинениям, в конце 1933 года Тускетс был приглашен Международной антимасонской ассоциацией посетить недавно созданный концентрационный лагерь в Дахау. Как он отметил, «они сделали это, чтобы показать, что мы должны делать в Испании». Дахау предназначался для различных групп людей, которых нацисты хотели изолировать: политических заключенных (масонов, коммунистов, социалистов и противников режима из числа либералов, католиков и монархистов) и тех, кого они считали асоциальными или девиантными (гомосексуалов¹⁶⁰, цыган, бродяг). Несмотря на свои благосклонные отзывы в то время, Тускетс более чем через пятьдесят лет заявит, что был потрясен увиденным. Разумеется, этот визит никак не повлиял на поток и степень ожесточенности его антисемитских и антимасонских публикаций¹⁶¹.

Тускетс будет иметь огромное влияние на испанских правых в целом и на генерала Франко в частности, с энтузиазмом поглощавшего его антимасонские и антисемитские тирады. Он выпустил бюллетень о масонстве, который был распространен среди высокопоставленных военных деятелей. Самый влиятельный соратник Франко, муж младшей сестры его жены Рамон Серрано Суньер позже высоко оценит вклад Тускетса в «создание атмосферы, которая привела к национальному восстанию»¹⁶². Однако Тускетс не просто разрабатывал идеи, оправдывавшие насилие. Он был вовлечен в военный заговор против Республики через свои связи с каталонскими карлистами. Вместе с Жоакимом Гиу он участвовал в заговорщических собраниях *Unión Militar Española*, обладавшего большим влиянием в Барселоне. В конце мая 1936 года он обратился к личному секретарю каталонского миллионера Франсеска Камбо с просьбой о финансовой помощи для готовившегося государственного переворота. Хотя Камбо, будучи другом отца Тускетса, написал ему письмо и поздравил с успехом *Orígenes de la revolución española*, денег на переворот он не дал¹⁶³. С начала 1930-х годов Тускетс и Жоахим Гиу усердно составляли списки евреев и масонов. Их поиск врагов распространился на общества нудистов, вегетарианцев, спиритуалистов и фанатов эсперанто.

Когда Тускетс наконец стал сотрудничать с Франко в Бургосе во время Гражданской войны, его списки предполагаемых масонов стали важной частью организационной системы репрессий¹⁶⁴.

¹⁵⁹ *Los poderes ocultos en España: los Protocolos y su aplicación a España – infiltraciones masónicas en el catalanismo – ¿El señor Macià es masón?* (Barcelona: Editorial Vilamala, Biblioteca Las Sectas, 1932) pp. 35–46; Tusquets, *Orígenes*, pp. 35–36, 41, 99, 126–127; Jordi Canal, 'Las campañas antisectarias', pp. 1201–1207.

¹⁶⁰ Здесь и далее информация о гомосексуалах дана не в целях пропаганды, а безоценочно, в контексте того или иного исторического факта. Движение ЛГБТ в РФ признано экстремистским, его деятельность запрещена. – *Примеч. ред.*

¹⁶¹ Joan Subirà, *Capellans en temps de Franco* (Barcelona: Editorial Mediterrània, 1996) p. 25; беседа с Люисом Бонадой, *Avui*, 28 февраля 1990 г.

¹⁶² Ignasi Riera, *Los catalanes de Franco* (Barcelona: Plaza y Janés, 1998), pp. 126–127; Ramón Serrano Suñer, 'Prólogo', в Tusquets, *Masonería y pacifistas*, p. 7.

¹⁶³ José del Castillo и Santiago Álvarez, *Barcelona: objetivo cubierto* (Barcelona: Editorial Timón, 1958), p. 146; Hilari Raguier, *Salvador Rial, vicari del cardenal de la pau* (Barcelona: Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 1993), p. 40; Joaquín María de Nadal, *Seis años con don Francisco Cambó (1930–1936): memorias de un secretario político* (Barcelona: Editorial Alpha, 1957), p. 265.

¹⁶⁴ Tusquets, *Orígenes*, pp. 51–57, 95–96, 122–126, 170, 177, 207–215. О составлении списков см. также 'Declaración del testigo Francesc Casanova a la Causa General, Provincia de Barcelona, 8 June 1942', Barcelona, Pieza No. 2, Legajo 1630, Archivo Histórico Nacional (AHN).

«*Протоколы*» получили одобрение также от основателя ультраправого монархического теоретического журнала *Acción Española*, маркиза де Кинтанара. На мероприятии, устроенном в его честь в отеле Ritz, Кинтанар утверждал, что катастрофа падения монархии произошла потому, что «великий всемирный еврейско-масонский заговор заразил автократические монархии вирусом демократии, чтобы победить их, превратив в либеральные монархии»¹⁶⁵. Хулиан Кортес Каванильяс, еще один член группы давления *Acción Española*, привел «*Протоколы*» в качестве доказательства, что через масонских посредников евреи (он их называл злыми отпрысками Израилевыми) контролировали полчища анархистов, социалистов и коммунистов. Присутствие в новом республиканско-социалистическом правительстве масонов, социалистов и людей, которых считали евреями, служило явным подтверждением того, что альянс Маркса и Ротшильда создал свой плацдарм в Испании¹⁶⁶. С полной серьезностью рассматривая французское издание «*Протоколов*» как эмпирическую истину, маркиз де Элиседа намекнул, сделав завуалированную отсылку к Маргарите Нелькен, что события в Кастиль-Бланко были организованы евреями¹⁶⁷.

Другими влиятельными авторами *Acción Española* были светский богослов Марсиаль Солана и отец Анисето де Кастро Альбарран, старший каноник кафедрального собора Саламанки. Они, а также отец Пабло Леон Мурсьего, подготовили теологические обоснования насильственного свержения Республики. Они утверждали, что сопротивляться тирании – долг католиков. Солана ссылаясь на Фому Аквинского для обоснования идеи о том, что тираном является любое деспотичное или несправедливое правительство. Поскольку власть в конечном счете принадлежит Богу, антиклерикальная конституция однозначно делала Республику тиранической¹⁶⁸. В 1932 году Кастро Альбарран, в то время ректор Иезуитского университета в Комильясе, написал книгу о праве на восстание. Хотя ее не публиковали до 1934 года, в журнале *Acción Española* был размещен отрывок, который усиливал призывы Соланы к восстанию и нападал на легализм конкретно *El Debate*. Благодаря своим статьям и проповедям Кастро Альбарран стал главным теологическим апологетом военного восстания. Позже он обобщил свои взгляды в книге *Guerra santa* («Священная война»), вышедшей в 1938 году¹⁶⁹. Он, Солана и другие утверждали, что насилие против Республики являлось оправданным, поскольку это был «священный мятеж против тирании, анархии и безбожия, внушавшихся Москвой». В 1932 году отец Антонио де Пильдайн Сапьяин, депутат от Гипускоа и каноник кафедрального собора Витории, заявил в кортесах, что католическая доктрина допускает вооруженное сопротивление несправедливым законам. Аналогичные аргументы занимали центральное место в противоречивой книге, опубликованной в 1933 году отцом Хосе Сирерой-и-Пратом¹⁷⁰.

Труды Кастро Альбаррана и Сиреры привели в ужас более умеренных духовных лиц, таких как кардинал Эустакио Илундайн Эстебан из Севильи и кардинал Видаль-и-Барракер из Таррагоны. Видаль был огорчен высокомерием, с каким Кастро Альбарран выдавал за католическую доктрину партизанские идеи, противоречившие политике Ватикана по сосуществованию с Республикой. Он обратился с протестом к кардиналу Пачелли, папскому государственному секретарю, который приказал снять с книги *nihil obstat* (печать церковного одобрения)

¹⁶⁵ *Acción Española*, Vol. II, No. 10, 1 мая 1932 г., p. 422.

¹⁶⁶ Julián Cortés Cavanillas, *La caída de Alfonso XIII: causas y episodios de una revolución*, 7th edn (Madrid: Librería de San Martín, 1933) pp. 25, 33–34.

¹⁶⁷ *Acción Española*, Vol. II, No. 10, 1 мая 1932 г., pp. 434–438.

¹⁶⁸ 'La resistencia a la tiranía', *Acción Española*, Vol. VI, No. 34, 1933, pp. 352–371; No. 35, 1933, pp. 442–461; No. 36, 1933, pp. 580–590; No. 37, 1933, pp. 1–8.

¹⁶⁹ 'La sumisión al Poder ilegítimo', *Acción Española*, 1933, pp. 205–228; Aniceto de Castro Albarrán, *El derecho a la rebeldía* (Madrid: Cultura Española, 1934); Aniceto de Castro Albarrán, *Guerra santa: el sentido católico del Movimiento Nacional Español* (Burgos: Editorial Española, 1938), pp. 77–84.

¹⁷⁰ José Cirera y Prat, *El criterio legitimista frente al confusionismo actual* (Barcelona: La Hormiga de Oro, 1933); Frances Lannon, *Privilege, Persecution and Prophecy: The Catholic Church in Spain 1875–1975* (Oxford: Clarendon Press, 1987), p. 187.

и попытался изъять ее из обращения. Книгу опубликовали в карлистской прессе, а недавно назначенный примас всей Испании, архиепископ Толедо Исидро Гома, выразил свое одобрение членам *Acción Española*¹⁷¹. Предшественник Гомы в Толедо, кардинал Педро Сегура-и-Саенс, сосланный в Рим, был представлен карлистской газетой *El Siglo Futuro* как образец католической непримиримости по отношению к Республике. Позднее он активно поощрял карлистское руководство, когда их вооруженное ополчение, или «Рекете», готовилось к восстанию против Республики¹⁷².

Генерал Франко был подписчиком *Acción Española* и твердо уверовал в существование «еврейско-масонско-большевистского» заговора (из словаря Франко – *contubernio*). Примечательно, что среди многих других высокопоставленных военных, разделявших подобные взгляды, был генерал Эмилио Мола, будущий руководитель военного переворота 1936 года. Высокий, носивший очки Мола производил впечатление ученого-монаха, однако у него была биография опытного ветерана африканских войн. Он родился на Кубе в 1887 году, у капитана Гражданской гвардии, сторонника суровой дисциплины, и во время африканских войн добился военной известности, служа в «Регуларес» (*Regulares Indígenas* – наемники, набранные из местных жителей). Его мемуары о Марокко, изобилующие описаниями разможенных черепов и вздутых кишок, свидетельствуют о том, что опыт службы в Африке сделал его крайне жестоким¹⁷³. В феврале 1930 года, после падения диктатуры, Мола был назначен генеральным директором службы безопасности. Он быстро освоил эту работу. Вплоть до падения монархии четырнадцать месяцев спустя он усердно занимался подавлением подрывной деятельности рабочих и студентов так же, как подавил восстание племен в Марокко¹⁷⁴. Для этого он создал подразделение по борьбе с беспорядками, отлично подготовленное физически и хорошо вооруженное, и сложную систему шпионажа. Этот так называемый *Sección de Investigación Comunista* (Коммунистический отдел расследований) использовал полицейских под прикрытием, чтобы внедряться в оппозиционные группы и затем действовать в роли агентов-provokаторов. Эта сеть все еще в значительной степени функционировала в 1936 году, когда Мола привлек ее к подготовке военного восстания¹⁷⁵.

Мола переоценивал опасность маленькой испанской коммунистической партии, которую считал орудием злобных еврейско-масонских происков. Как результат, он чрезмерно доверял лихорадочным донесениям своих агентов, в частности Сантьяго Мартина Багенаса и подлого и одержимого Хулиана Маурисио Карлавильи дель Баррио. На взгляды Молы на евреев, коммунистов и масонов также повлияла информация, полученная от русской воинской организации Белой эмиграции, Русского Обще-Воинского Союза (РОВС)¹⁷⁶, базировавшейся в Париже. Впоследствии, даже когда он уже не был генеральным директором службы безопасности, Мола продолжал поддерживать тесный контакт с руководителем РОВС генерал-лейтенантом Евгением Карловичем Миллером. Миллер, как и нацистский расовый теоретик Альфред Розен-

¹⁷¹ Видаль-и-Барракер – Пачелли, 6 декабря 1933 г., Arxiu Vidal i Barraquer, *Esglesia i Estat durant la Segona República espanyola 1931/1936*, IV, parts 1–2, pp. 167–171; Ramón Comas, *Isidro Gomá: Francesc Vidal i Barraquer: dos visiones antagónicas de la Iglesia española de 1939* (Salamanca: Ediciones Sigueme, 1977), pp. 89–94; Ramón Muntanyola, *Vidal i Barraquer: cardenal de la pau*, 2nd edn (Barcelona: Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 1976), pp. 318–319; Mary Vincent, *Catholicism in the Second Spanish Republic: Religion and Politics in Salamanca 1930–1936* (Oxford: Clarendon Press, 1996), pp. 217, 248–249.

¹⁷² Santiago Martínez Sánchez, *Los papeles perdidos del cardenal Segura, 1880–1957* (Pamplona: Ediciones Universidad de Navarra, 2004), pp. 289–296.

¹⁷³ Emilio Mola Vidal, *Obras completas* (Valladolid: Librería Santarén, 1940), pp. 197–198, 200.

¹⁷⁴ Carlos Blanco Escolá, *General Mola: el ególatra que provocó la guerra civil* (Madrid: La Esfera de los Libros, 2002), pp. 61–64.

¹⁷⁵ Там же, pp. 79–81, 187–188.

¹⁷⁶ Русский общевоинский союз (РОВС; официально – Русский Обще-Воинский Союз) – многочисленная русская воинская организация Белой эмиграции; создана 1 сентября 1924 г. Главнокомандующим Русской армии генерал-лейтенантом бароном П. Врангелем. РОВС объединял военные организации и воинские союзы во всех странах Русского Зарубежья. – *Примеч. ред.*

берг, был прибалтийским немцем. Причины их ненависти к коммунизму заключались в том, что в результате большевистской революции они потеряли свои семьи, имущество, средства к существованию и родину. Считая, что евреи являлись организаторами революции, они были полны решимости помешать им сделать то же самое в Западной Европе¹⁷⁷.

После установления Республики, убежденный, что его арестуют за деятельность в защиту монархии, Мола скрылся. Затем 21 апреля 1931 года он сдался военному министру Мануэлю Асанье. За четыре дня до этого генерал Дамасо Беренгер был арестован за свою роль в марокканских войнах, как премьер-министр, а затем как военный министр во время краткого судебного разбирательства и казни 2 прореспубликанских мятежников капитанов Фермина Галана и Анхеля Гарсии Эрнандеса. Аресты Мола и Беренгера укрепили уверенность правых в мстительности Республики¹⁷⁸. В глазах «африканцев» Беренгер подвергался преследованиям за участие в войне, в которой они рисковали своими жизнями, и за соблюдение военных уставов при осуществлении военного трибунала над мятежниками Галаном и Гарсией Эрнандесом. Точно так же они считали Мола героем африканской войны, который, будучи генеральным директором службы безопасности, всего лишь выполнял свою работу по борьбе с подрывной деятельностью. «Африканцы» были разгневаны тем, что преследовались те, кем они восхищались, в то время как те, кто замыслил против диктатора, вознаграждались. Аресты дали таким «африканцам», как Мануэль Годед, Хоакин Фанхуль, Мола и Франко, оправдание их инстинктивной враждебности к Республике. Они считали офицеров, получивших преференции от Республики, лакеями евреев и масонов, слабаками, потворствовавшими толпе.

В ожидании суда за применение чрезмерной силы против студенческой демонстрации 25 марта Мола был заключен в «сырую и дурно пахнущую камеру» военной тюрьмы¹⁷⁹. 5 августа Асанья добился замены его содержания там на домашний арест, но, что неудивительно, видя, что те, кого он недавно обезвреживал, теперь занимают руководящие посты, Мола питал неистовую враждебность к Республике и личную ненависть к Асанье. Параноидальные отчеты Карлавильи и досье, предоставленные РОВС, убедили его в том, что победу демократического режима организовали евреи и масоны. В конце 1931 года в первом томе своих мемуаров он писал об угрозе масонства: «Когда, выполняя свои обязанности, я расследовал вмешательство масонских лож в политику Испании, я осознал огромную силу, имевшуюся в их распоряжении, причем не в виде самих лож, а в виде могущественных фигур, которые управляли ими из-за границы, – евреев». *Acción Española* отметил появление книги восторженной девятистраничной рецензией Эухенио Вегаса Латапье, одного из основателей журнала и яркого сторонника насилия против Республики¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Jorge Vigón, *General Mola (el conspirador)* (Barcelona: Editorial AHR, 1957), pp. 57–58, 63–64; V. Félix Maíz, *Mola, aquel hombre* (Barcelona: Planeta, 1976), pp. 25–28, 43–44, 84–86, 238. Евгений Миллер был деспотичным генерал-губернатором и главнокомандующим Белой армии в Северной области (Архангельской) во время Гражданской войны в России, а также начальником штаба Белой армии в Париже с 1922 по 1924 г. В дальнейшем являлся одной из ключевых фигур среди военных эмигрантов в межвоенный период. Миллер был похищен НКВД в Париже в 1937 г. и расстрелян в Москве в мае 1939 г. по приказу Лаврентия Берии. См. Vladislav I. Goldin и John W. Long, 'Resistance and Retribution: The Life and Fate of General E. K. Miller', *Revolutionary Russia*, Vol. 12, No. 2, 1999, pp. 19–40; Paul Robinson, *The White Russian Army in Exile 1920–1941* (Oxford: Clarendon Press, 2002), pp. 174–177, 208–210, 224–225, 236; Marina Gorboff, *La Russie fantôme: l'émigration russe de 1920 à 1950* (Lausanne: Éditions L'Âge d'Homme, 1995), pp. 135–136, 151–158; John J. Stepan, *The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile 1925–1945* (London: Hamish Hamilton, 1978), pp. 18–23. Я благодарен доктору Джонатану Смелу за его помощь в выяснении связей с белоэмигрантами.

¹⁷⁸ Vigón, *General Mola*, pp. 75–76; Carolyn P. Boyd, "Responsibilities" and the Second Republic, 1931–1936', в Martin Blinkhorn, ed., *Spain in Conflict 1931–1939: Democracy and its Enemies* (London, 1986), pp. 14–39.

¹⁷⁹ Mola, *Obras*, pp. 879–880; José María Iribarren, *Mola: datos para una biografía y para la historia del alzamiento nacional* (Zaragoza: Librería General, 1938), pp. 39–40; Manuel Azaña, *Obras completas*, 4 vols (Mexico City: Ediciones Oasis, 1966–1968), I, p. 64.

¹⁸⁰ *Lo que yo supe: memorias de mi paso por la Dirección General de Seguridad* – написано в 1931 г., но не опубликовано до января 1933 г. – Mola, *Obras*, p. 347. Личная неприязнь Мола к Асанье была подчеркнута в эфире Радио Кастилья в Бургосе 15 августа 1936 г., когда он назвал его чудовищным дегенератом – Mola, *Obras*, p. 1178. Рецензию Вегаса Латапие см. в *Acción*

К тому времени, когда Мола приступил к написанию второго тома своих мемуаров, он стал более откровенным в своих нападках на масонов и евреев. Сам он объяснял это тем, что, помимо отчетов генерала Миллера, он прочитал работы отца Тускетса и «*Протоколы сионских мудрецов*». Так, Мола писал, что приход Республики был следствием ненависти евреев и масонов к Испании:

Какие рациональные мотивы существуют, чтобы объяснить, почему мы, испанцы, вызываем ненависть у выходцев из Израиля? В основном три: зависть, которую вызывает у них любая раса, имеющая собственное отечество; наша религия, к которой они испытывают неиссякаемое отвращение, поскольку винят ее в том, что они разбросаны по всему миру; память об их изгнании, которое произошло не по прихоти короля, как часто утверждают, а потому, что этого потребовал народ. Таковы три вершины масонского треугольника испанских лож¹⁸¹.

В декабре 1933 года Мола написал заключение к своей крайне полемической книге *El pasado, Azaña y el porvenir* («Прошлое, Асанья и будущее»), в которой он коснулся широко распространенной враждебности военных к Республике в целом и к Асанье в частности. Оскорбленный тем, что он считал непатриотичным антимилицаризмом левых, Мола объяснял это различными причинами, в основном тем, что:

загнивающие нации являются излюбленными жертвами паразитических международных организаций, используемых, в свою очередь, великими державами, извлекающими выгоду из ситуации в слабых странах, где такие организации имеют наибольший успех, подобно тому, как нездоровые организмы являются наиболее благоприятной средой для распространения болезнетворных микробов. Примечательно, что все подобные организации находятся под контролем евреев, если не под их непосредственным руководством... Евреев не волнует уничтожение одной нации, или десяти, или всего мира, потому что они, обладая исключительной способностью извлекать пользу из величайших катастроф, просто завершают свою программу. То, что произошло в России, является актуальным примером, который очень волнует Гитлера. Канцлер Германии – фанатичный националист – убежден, что его народ не сможет подняться, пока евреи и паразитические организации, которые они контролируют или находятся под их влиянием, остаются в народе. Вот почему он безжалостно преследует их¹⁸².

Угрюмый и застенчивый Мола ранее не пользовался популярностью. Благодаря этому бестселлеру он стал объектом восхищения среди самых реакционных военных и гражданских лиц¹⁸³.

С 1927 года Мола и Франко были заядлыми читателями женевского антикоммунистического журнала *Bulletin de l'Entente Internationale contre la Troisième Internationale* («Бюллетень Международного союза против Третьего Интернационала»). В бытность Мола генеральным директором службы безопасности его агенты сочиняли преувеличенные отчеты о предполагаемой угрозе со стороны Коминтерна (Третьего Интернационала). Мола передавал эти сомнительные отчеты в *Entente Internationale* в Женеву, где их включали в журнал и отправляли

Española, VI, 31, 1933.

¹⁸¹ Mola, *Tempestad, calma, intriga y crisis*, переиздано в *Obras*, pp. 574–575.

¹⁸² Mola, *Obras*, pp. 1166–1167.

¹⁸³ Blanco Escolá, *General Mola*, pp. 12–13. О его личности см. Guillermo Cabanellas, *La guerra de los mil días: nacimiento, vida y muerte de la II República española*, 2 vols (Buenos Aires: Grijalbo, 1973), I, p. 303.

обратно в Испанию Франко и другим военным-подписчикам в качестве неопровержимых фактов. *Entente Internationale* был основан швейцарским правым Теодором Обером и белым русским эмигрантом Жоржем Лодыженским. Лодыженский придавал своим публикациям яростный антисемитский и антибольшевистский характер и восхвалял достижения фашизма и военных диктатур как оплота борьбы с коммунизмом. Пользуясь тесными контактами с «Антикоминтерном»¹⁸⁴, организацией, управлявшейся из Министерства пропаганды Йозефа Геббельса, *Entente Internationale* умело выбирал влиятельных людей и снабжал их сообщениями, в которых якобы раскрывались планы предстоящих коммунистических наступлений. Материалы *Entente Internationale*, которые читали Франко, Мола и другие военные, изображали Вторую республику как троянского коня для коммунистов и масонов, намеревавшихся натравить безбожные орды Москвы на Испанию и все ее великие традиции¹⁸⁵. Для испанских крайне правых и многих их союзников за рубежом Вторая республика являлась форпостом Мудрецов Сиона¹⁸⁶.

Один из самых видных лидеров испанского фашистского движения, Онесимо Редондо Ортега, горячо верил в «*Протоколы*». Редондо учился в Германии и был близок к иезуитам. Большое влияние на него оказал отец Энрике Эррера Ория, брат редактора *El Debate* Анхеля Эрреры Ория. Отец Эррера поддерживал Онесимо в убеждении, что коммунисты, масоны и иудеи сговорились уничтожить религию и отечество, и рекомендовал ему прочитать пропитанный ненавистью антиеврейский и антимасонский трактат Леона Понсена *Las fuerzas secretas de la Revolución. F...M... – Judaismo*, где «F...M...» означало, конечно же, «масонство» (*Freemasonry*). Таким образом, узнав о «*Протоколах*», Онесимо перевел и опубликовал сокращенный текст в своей газете *Libertad* в Вальядолиде, версию, позже переизданную с примечаниями, явно связывавшими ее общие обвинения с конкретными обстоятельствами Второй республики¹⁸⁷.

Ультраправая пресса в целом рассматривала «*Протоколы*» как серьезное социологическое исследование. Поскольку в Испании было мало евреев, «еврейский вопрос» едва ли имел место там. Однако испанский «антисемитизм без евреев» был связан не с реальными евреями, а с абстракцией мнимой международной угрозы. Антисемитизм занимал центральное место в интегралистском католицизме и восходил к предательству Иудой Искариотом Иисуса Христа, а также к средневековым мифам и страхам, связанным с ритуальными убийствами евреями детей. Теперь же страх перед революцией придал ему особую современную актуальность. Представление о том, что все, кто принадлежал к левым партиям, были прихвостнями евреев, подкреплялось ссылками на левых и евреев, бежавших от нацизма и нашедших убежище во Второй республике. По мнению карлистской прессы, немногие прибывшие евреи являлись авангардом мировой революции и намеревались отравить испанское общество порнографией и проституцией¹⁸⁸. Выступая против урбанизма и индустриализма, либерализма и капитализма,

¹⁸⁴ «Антикоминтерн» – организация, зарегистрированная осенью 1933 г. и подчинявшаяся Э. Тауберту, занимавшему высокий пост в Министерстве пропаганды Й. Геббельса. Деятельность организации была крайне секретной; она занималась антибольшевистской пропагандой и объединением антибольшевистских и антикоммунистических сил по всему миру. – *Примеч. ред.*

¹⁸⁵ Herbert Rutledge Southworth, *Conspiracy and the Spanish Civil War: The Brainwashing of Francisco Franco* (London: Routledge/Cañada Blanch Studies, 2002), pp. 128–191; Brian Crozier, *Franco: A Biographical History* (London: Eyre & Spottiswoode, 1967), p. 92; George Hills, *Franco: The Man and his Nation* (New York: Macmillan, 1967), p. 157; Luis Suárez Fernández, *Francisco Franco y su tiempo*, 8 vols (Madrid: Fundación Nacional Francisco Franco, 1984), I, pp. 197–198. О многочисленных русских белоэмигрантах в Швейцарии см. Cohn, *Warrant for Genocide*, pp. 243–255.

¹⁸⁶ Cohn, *Warrant for Genocide*, p. 268.

¹⁸⁷ Enrique Herrera Oriá, *Los cautivos de Vizcaya: memorias del P. Enrique Herrera Oriá, S. J., preso durante cuatro meses y medio en la cárcel de Bilbao y condenado a ocho años y un día de prisión* (Bilbao: Aldus S.A., 1938), pp. 12–13; *Protocolos de los Sabios de Sión* (Valladolid: Libertad/Afrodisio Aguado, 1934); Onésimo Redondo, 'El autor y el precursor de los "Protocolos"', 'El precursor de los "Protocolos"', *Obras completas: edición cronológica II* (Madrid: Publicaciones Españolas, 1955), pp. 201–204, 223–226.

¹⁸⁸ Cohn, *Warrant for Genocide*, p. 326; Vincent, *Catholicism*, pp. 217–219; Gonzalez Álvarez Chillida, *El antisemitismo: la imagen*

всех идеологий, связанных с евреями и масонами, карлисты стремились уничтожить Республику путем вооруженного мятежа и установить своего рода идиллическую сельскую теократию¹⁸⁹.

Консервативные представители интеллигенции утверждали, что евреи поработили испанский рабочий класс с помощью различных диверсионных приемов. Одним из предполагаемых последствий этого порабощения было то, что испанские рабочие сами приобрели восточные качества. Радикальные правые Испании стали считать рабочий класс пронизанным еврейским и мусульманским коварством и варварством. Самым радикальным сторонником этой точки зрения был идеолог карлистов конца XIX века Хуан Васкес де Мелья. По его мнению, еврейский капитал финансировал либеральные революции и теперь стоял за коммунистической революцией, чтобы в союзе с мусульманскими ордами уничтожить христианскую цивилизацию и навязать миру еврейскую тиранию. Даже король Альфонсо XIII считал восстание племен Рифа «началом всеобщего восстания всего мусульманского мира, подстрекаемого Москвой и международным еврейством»¹⁹⁰. Идеологи карлистов воспринимали данные идеи всерьез, утверждая, что «четыре всадника Апокалипсиса – иудаизм, коммунизм, масонство и смерть» – уже контролируют Великобританию, Францию и Австралию и что Испания вскоре также окажется под их властью¹⁹¹.

Книги Васкеса де Мельи и других карлистских идеологов с жадностью поглощал полковник Хосе Энрике Варела во время своего тюремного заключения после «санхурхады». Сравнивая успех переворота Примо де Риверы в 1923 году и провал Санхурхо в 1932 году, энергичный и бесстрашный Варела был убежден, что для успешного военного восстания необходима значительная поддержка гражданского населения. Он считал, что ее можно найти в карлистском ополчении «Рекете». Хотя он сопротивлялся призывам возглавить исключительно карлистское восстание, поскольку для этого требовался кто-то более высокопоставленный, например Франко, Варела взялся превратить «Рекете» в боеспособную гражданскую армию. Так как он все еще находился под полицейским наблюдением, во время своих поездок в северный тыл карлистов, Наварру, он пользовался псевдонимом «Дон Пепе». Ежедневной подготовкой руководил национальный инспектор «Рекете», подполковник в отставке Рикардо де Рада, который также занимался подготовкой ополчения Фаланги¹⁹². Аналогично в 1934 году другой из участвовавших в «санхурхаде» офицеров, капитан Гражданской гвардии Лисардо Доваль, обучал военизированные отряды *Juventud de Acción Popular* (молодежное движение католической партии Хилия Роблеса, *CEDA*).

Карлисты, теологи и «африканцы» были в числе тех, кто своими сочинениями и речами создавал атмосферу социальной и расовой ненависти. Среди них был и Онесимо Редондо. Хотя его нельзя назвать фигурой национального масштаба, он заслуживает внимания и как один из основателей испанского фашизма, и потому, что во многом благодаря его идеям его родной город Вальядолид пережил больше политического насилия, чем другие провинциальные столицы Кастилии. Будучи молодым юристом, Онесимо Редондо состоял в *Acción Nacional* (так первоначально называлась *Acción Popular*), католической политической группе, основанной 26 апреля 1931 года Анхелем Эррерой Орией и поддерживавшейся главным образом кастиль-

del juicio (1812–2002) (Madrid: Marcial Pons, 2002), pp. 302–303, 324–325; Martin Blinkhorn, *Carlism and Crisis in Spain 1931–1939* (Cambridge: Cambridge University Press, 1975), p. 179.

¹⁸⁹ Martin Blinkhorn, 'Right-wing Utopianism and Harsh Reality: Carlism, the Republic and the "Crusade"', в Martin Blinkhorn, ed., *Spain in Conflict 1931–1939: Democracy and its Enemies* (London: Sage Publications, 1986), pp. 183–205.

¹⁹⁰ Álvarez Chillida, *El antisemitismo*, pp. 286–288.

¹⁹¹ Blinkhorn, *Carlism*, pp. 180–181.

¹⁹² José María Pemán, *Un soldado en la historia: vida del Capitán General Varela* (Cádiz: Escelicer, 1954), pp. 126–135; Antonio Lizarza Iribarren, *Memorias de la conspiración*, 4th edn (Pamplona: Editorial Gómez, 1969), pp. 32–33, 49–51.

скими фермерами. В начале мая он создал местное отделение этой группы в Вальядолиде и возглавил ее пропагандистскую кампанию в преддверии парламентских выборов.

13 июня Онесимо выпустил первый номер полумесячной, а затем еженедельной анти-республиканской газеты *Libertad*. После того как 28 июня республиканско-социалистическая коалиция получила подавляющее большинство голосов, Онесимо отверг демократию, порвал с *Acción Nacional* и в августе основал фашистскую партию *Juntas Castellanas de Actuación Hispánica* («Кастильские испаноязычные группы активистов») ¹⁹³.

10 августа в *Libertad* он опубликовал пламенное воззвание, в котором выразил свою приверженность традиционным сельским ценностям Старой Кастилии, социальной справедливости и насилию. Он написал: «Исторический момент, мои юные соотечественники, обязывает нас взять в руки оружие. Давайте узнаем, как использовать его, чтобы защищать то, что принадлежит нам, а не служить политикам». Для него «национализм – это движение борьбы, он должен включать в себя агрессивные, насильственные действия на службе защиты Испании от внутренних предателей» ¹⁹⁴. Несомненно, Онесимо Редондо и *Juntas* внесли значительную долю жестокой конфронтации в город, ранее отличавшийся спокойствием своих трудовых отношений ¹⁹⁵. Онесимо призвал «несколько сотен молодых воинов в каждой провинции, дисциплинированных идеалистов, рвать в клочья этот грязный фантом красной угрозы». Его рекруты вооружались для уличных боев с преимущественно социалистическим рабочим классом Вальядолида. Онесимо писал о необходимости «культивировать дух жестокости, военного конфликта». Собрания *Juntas* проводились фактически втайне. В течение следующих нескольких лет его рвение к насилию становилось все более явным ¹⁹⁶.

Недостаточное количество членов *Juntas* вынудило Онесимо искать связи с группами единомышленников. В результате его взгляд упал на первую открыто фашистскую группу в Испании, крошечную *La Conquista del Estado* («Завоевание государства»), которую возглавлял Рамиро Ледесма Рамос ¹⁹⁷. Родом из Саморы, Ледесма работал в почтовом отделении в Мадриде. Будучи увлеченным приверженцем немецкой философии, он основал свою группу в феврале 1931 года в убогой комнатухе в одном из мадридских офисных зданий. Электричества там не было, а из мебели стоял только стол. Десять участников подписали составленный Ледесмой манифест под названием «Завоевание государства». 14 марта начала издаваться одноименная газета. Несмотря на равнодушие общественности и преследования полиции, она просуществовала год ¹⁹⁸. В первом номере *Libertad* Онесимо Редондо положительно отозвался о газете Ледесмы Рамоса: «Мы одобряем боевой пыл и рвение *La Conquista del Estado*, но нам не хватает антисемитской активности, которая необходима этому движению, чтобы оно было эффективным и шло в верном направлении» ¹⁹⁹. Хотя Редондо перевел *Mein Kampf* Гитлера, его

¹⁹³ José Monge y Bernal, *Acción Popular (Estudios de biología política)* (Madrid: Imp. Saez Hermanos, 1936) pp. 126–132; Javier Jiménez Campo, *El fascismo en la crisis de la Segunda República española* (Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas, 1979), pp. 129–130; José R. Montero, *La CEDA: el catolicismo social y político en la II República*, 2 vols (Madrid: Ediciones de la Revista de Trabajo, 1977), I, pp. 98, 385; José Luis Mínguez Goyanes, *Onésimo Redondo 1905–1936: precursor sindicalista* (Madrid: Editorial San Martín, 1990), pp. 24–30.

¹⁹⁴ Аноним (Javier Martínez de Bedoya), *Onésimo Redondo Caudillo de Castilla* (Valladolid: Ediciones Libertad, 1937), pp. 19–22; Onésimo Redondo, *El Estado Nacional* (Barcelona: Ediciones FE, 1939), pp. 42–43.

¹⁹⁵ Ángel de Prado Moura, *El movimiento obrero en Valladolid durante la Segunda República* (Valladolid: Junta de Castilla y León, 1985), p. 135.

¹⁹⁶ Аноним, *Onésimo Redondo Caudillo*, p. 30.

¹⁹⁷ Там же, pp. 22–27; Tomás Borrás, *Ramiro Ledesma Ramos* (Madrid: Editora Nacional, 1971), p. 284; Mínguez Goyanes, *Onésimo Redondo*, p. 36.

¹⁹⁸ Ramiro Ledesma Ramos, *¿Fascismo en España?*, 2nd edn (Barcelona: Ediciones Ariel, 1968), pp. 77–81; Borrás, *Ramiro Ledesma Ramos*, pp. 216, 248–250; Herbert Rutledge Southworth, 'The Falange: An Analysis of Spain's Fascist Heritage', в Paul Preston, ed., *Spain in Crisis: The Evolution and Decline of the Franco Regime* (Hassocks: Harvester Press, 1976), p. 6; Ferran Gallego, *Ramiro Ledesma Ramos y el fascismo español* (Madrid: Síntesis, 2005), pp. 62–115, 138–177.

¹⁹⁹ Аноним, *Onésimo Redondo Caudillo*, p. 9.

антисемитизм больше опирался на политику кастильской королевы XV века Изабеллы Католички, чем на нацизм. Антисемитизм был постоянной темой в его работах. Например, в конце 1931 года он назвал школы совместного обучения, введенные Второй республикой, примером «действий евреев против свободных наций: преступления против здоровья народа, за которое предатели должны поплатиться своими головами»²⁰⁰.

В октябре 1931 года Онесимо встретился с Ледесмой Рамосом в Мадриде. В течение следующих нескольких недель, на нескольких встречах в Мадриде и Вальядолиде, они договорились о свободном слиянии двух своих групп в *Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista* (*JONS*, Союзы национал-синдикалистского наступления). Созданная 30 ноября 1931 года, *JONS* переняла красно-черные цвета анархо-синдикалистской *CNT* и сделала своим символом эмблему католических королей – ярмо и стрелы. Она была антидемократической и империалистической, объявляла Гибралтар, Марокко и Алжир принадлежащими Испании и стремилась к «уничтожению, роспуску антинациональных, марксистских партий». Для этого требовалось сформировать «национал-синдикалистское ополчение», «чтобы противопоставить красному насилию националистическое насилие». Ледесма Рамос утверждал, что политическое насилие законно, и выступал за создание вооруженных отрядов по образцу итальянских фашистских сквадр²⁰¹ для подготовки к восстанию или государственному перевороту²⁰². На практике отряды *JONS* нападали на левых студентов, а в июне 1933 года разграбили мадридское отделение Ассоциации друзей СССР²⁰³.

В Вальядолиде Онесимо уделял все больше времени превращению сорока с лишним своих последователей в воинов того, что он теперь называл «организованным антикоммунистическим ополчением». Вскоре они будут вовлечены в кровавые столкновения с левыми студентами и рабочими в Вальядолидском университете и на улицах города. Для ополчения закупились пистолеты, много времени уходило на обучение. Уже весной 1932 года Онесимо Редондо писал о грядущей гражданской войне: «Война приближается; насилие неизбежно. Нет смысла отвергать ее. Глупо убегать от войны, когда они собираются воевать с нами. Главное – готовиться к победе, а чтобы победить, нужно перехватить инициативу и перейти в наступление». 3 мая 1932 года на главной площади Вальядолида произошло ожесточенное столкновение боевиков Онесимо с левыми, после которого более 20 человек были госпитализированы. Самого Онесимо приговорили к двум месяцам тюрьмы за перегибы в *Libertad*²⁰⁴.

Тюремное заключение несколько не умерило пыл Онесимо Редондо. Его статья, опубликованная в фашистском ежемесячнике *JONS* в мае 1933 года, демонстрировала усиливавшуюся озлобленность его мыслей и повторяла отождествление Санхурхо испанского рабочего класса с арабами:

Марксизм с его мусульманскими утопиями, с правдой его диктаторского железа и с безжалостным властолюбием его магнатов-садистов внезапно возобновляет падение Культуры и свобод, как современное вторжение сарацинов... Эта несомненная опасность – африканизации во имя прогресса

²⁰⁰ Eduardo Álvarez Puga, *Historia de la Falange* (Barcelona: Dopesa, 1969), p. 25.

²⁰¹ Сквадры (итал. ед. ч. *squadra* – «команда») – в Италии в 1921–1922 гг. фашистские боевые отряды чернорубашечников, осуществлявшие террор и насилие (убийства антифашистов, поджоги, запугивания, унижения); в январе 1923 г., после захвата власти фашистами (октябрь 1922 г.), сквадры были преобразованы в так называемую Добровольную милицию национальной безопасности. – *Примеч. ред.*

²⁰² Roberto Lanzas (Ramiro Ledesma Ramos), 'La violencia política y las insurrecciones', *JONS*, No. 3, 1933, дублирована в *JONS Antología* (Barcelona: Editora Nacional, 1939), pp. 81–91.

²⁰³ Ramiro Ledesma Ramos, 'El "caso" Valladolid', *La Patria Libre*, No. 6, 1935, дублирована в Ramiro Ledesma Ramos, *Escritos políticos 1935–1936* (Madrid: Herederos de Ramiro Ledesma Ramos, 1988), pp. 255–257; José María Sánchez Diana, *Ramiro Ledesma Ramos: biografía política* (Madrid: Editora Nacional, 1975), pp. 125–126; Mínguez Goyanes, *Onésimo Redondo*, p. 40; Аноним, *Onésimo Redondo Caudillo*, pp. 34–35.

²⁰⁴ Аноним, *Onésimo Redondo Caudillo*, pp. 40–47, 51–57; Mínguez Goyanes, *Onésimo Redondo*, pp. 42, 170–173.

– отчетливо видна в Испании. Мы можем категорически заявить, что наши марксисты – самые африканские из всей Европы... Исторически мы являемся зоной трения между цивилизованным и африканским, между арийским и семитским... По этой причине поколения, которые строили отечество, которые освободили нас от роли извечного продолжения Темного континента, подняли свои мечи против атак с юга и никогда не вкладывали их в ножны... Великая Изабелла приказала испанцам всегда следить за Африкой, побеждать ее и никогда больше не подвергаться нападению с ее стороны. Был ли Пиренейский полуостров полностью деафриканизирован?

Нет ли угрозы нового вида африканского господства здесь, где так много корней мавританского духа сохранилось в характере расы, идущей в авангарде Европы? Мы беспристрастно задаем этот важный вопрос и сразу же отвечаем на него, подчеркнув очевидную опасность новой африканизации:

«марксизм». Во всем мире существует еврейский, или семитский, заговор против западной цивилизации, но в Испании он может более тонко и быстро соединиться с семитским элементом – с африканским элементом. Его можно увидеть во всей его первобытной свежести в наших южных провинциях, где мавританская кровь живет в недрах расы... Последователь испанского марксизма, особенно андалусский, вскоре берет зажигательный факел, врывается в поместья и фермы, движимый бандитским подсознанием, поощряемый мадридскими семитами; он хочет хлеба, не зарабатывая его, он хочет бездельничать и быть богатым, получать удовольствия и мстить... и окончательной победой марксизма будет реафриканизация Испании, победа объединенных семитских элементов – евреев и мавров, аристократов и плебеев, которые этнически и духовно выжили на полуострове и в Европе»²⁰⁵.

Связывая марксизм как изобретение евреев и его предполагаемую угрозу «реафриканизации» Испании, Редондо отождествлял две архетипические группы «других» Испании – евреев и мавров – с Республикой. Его вывод, разделявшийся многими правыми, заключался в том, что для предотвращения подчинения Испании современным врагам была необходима новая Реконкиста. Его взгляды на легитимность насилия были схожи со взглядами крайне правых католиков, представленными в трудах Кастро Альбаррана²⁰⁶.

Антисемитизм встречался у большинства испанских правых. В одних случаях это были смутные чувства, порожденные традиционным негодованием католиков по поводу судьбы Иисуса Христа, в других – кровожадное оправдание насилия над левыми. Любопытно, что ожесточенность Онесимо Редондо представляла собой нечто вроде исключения в зарождавшемся фашистском движении в Испании. Ледесма Рамос считал, что антисемитизм актуален только для Германии²⁰⁷. Лидер фалангистов Хосе Антонио Примо де Ривера практически не интересовался «еврейской проблемой», кроме случаев, когда речь шла о еврейско-марксистском влиянии на рабочий класс. Тем не менее фалангистская газета *Arriba* утверждала, что «иудейско-масонский Интернационал является создателем двух великих зол, постигших человечество: капитализма и марксизма». Хосе Антонио Примо де Ривера разделял с другими пра-

²⁰⁵ Onésimo Redondo, 'El regreso de la barbarie', *JONS Antología*, pp. 154–159.

²⁰⁶ Eduardo González Calleja, 'La violencia y sus discursos: los límites de la "fascistización" de la derecha española durante el régimen de la II República', *Ayer. Revista de Historia Contemporánea*, No. 71, 2008, pp. 89–90; Eduardo González Calleja, 'Aproximación a las subculturas violentas de las derechas españolas antirrepublicanas españolas (1931–1936)', *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*, No. 2, 2003, pp. 107–142; Eduardo González Calleja, 'The symbolism of violence during the Second Republic in Spain, 1931–1936', в Chris Ealham и Michael Richards, eds, *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War, 1936–1939* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005), pp. 23–44, 227–230.

²⁰⁷ Ledesma Ramos, *Escritos políticos*, pp. 44–46; Ledesma Ramos, *¿Fascismo*, p. 302.

выми убеждение о правомерности насилия в отношении Республики, которая, по его мнению, находилась под влиянием евреев и масонов²⁰⁸. Он одобрял нападения фалангистов на принадлежащие евреям универмаги SEPÚ весной 1935 года²⁰⁹.

Отождествление рабочего класса с иностранными врагами основывалось на запутанной логике, согласно которой большевизм являлся еврейским изобретением и евреи были неотличимы от мусульман, а значит, левые стремились подчинить Испанию господству африканцев. Таким образом, враждебность к испанскому рабочему классу выставляли как правомерный акт испанского патриотизма. По мнению другого члена *Acción Española*, бывшего либерала, ставшего ультраправым, Рамиро де Маэсту, испанская нация была выкована в борьбе с евреями (наглыми ростовщиками) и маврами (дикарями, лишенными цивилизации)²¹⁰. В одной из своих статей лидер монархистов Хосе Кальво Сотело четко сформулировал расистский аспект антилевого дискурса, назвав лидера социалистов Франсиско Ларго Кабальеро «марокканским Лениным»²¹¹. Хосе Антонио Примо де Ривера также поддерживал эту ассоциацию левых с маврами. В своих размышлениях во время тюремного заключения в 1936 году он интерпретировал всю историю Испании как бесконечную борьбу между готами и берберами. Дух первых жил в монархических, аристократических, религиозных и военных ценностях, а дух вторых – в сельском пролетариате. Он считал Вторую республику «новым берберским вторжением», означавшим уничтожение европейской Испании²¹².

Хиль Роблес, хотя и не так открыто, как Санхурхо или Онесимо Редондо, также выражал мнение, что насилие против левых было законным по причине расовой неполноценности последних. Частое использование им слова «реконкиста» связывало враждебность к левым в 1930-е годы с центральной эпопеей испанского национализма – борьбой за освобождение Испании от ислама в период с 722 по 1492 год. Во время своей предвыборной кампании перед выборами в ноябре 1933 года, 15 октября в *Monumental Cinema* в Мадриде, он заявил: «Мы должны отвоевать Испанию... Мы должны дать Испании подлинное единство, новый дух, тоталитарное государственное устройство... Для меня сегодня существует только одна тактика: развернуть антимарксистский фронт, и чем шире, тем лучше. Сейчас необходимо безжалостно громить социализм». В этот момент Антонио Гойкоэчеа, лидера крайне правой группы *Acción Española*, пригласили встать и удостоили бурной овации. Затем Хиль Роблес продолжил свою речь на языке, неотличимом от языка правых заговорщиков:

Мы должны основать новое государство, очистить отечество от иудействующих масонов... Мы должны перейти к новому государству, а это сопряжено с обязанностями и жертвами. Какая разница, если нам придется проливать кровь!.. Нам нужна полная власть, и именно этого мы требуем... Для достижения этого идеала мы не собираемся тратить время на архаичные формы. Демократия – не цель, а средство для того, чтобы отвоевать новое государство. Когда придет время, парламент либо подчинится, либо мы его ликвидируем²¹³.

²⁰⁸ Sancho Dávila и Julián Pemartín, *Hacia la historia de la Falange: primera contribución de Sevilla* (Jerez: Jerez Industrial, 1938), pp. 24–27.

²⁰⁹ *Arriba*, 18 апреля, 2 мая 1935 г.; Álvarez Chillida, *Antisemitismo*, pp. 342–343; José Antonio Primo de Rivera, *Obras*, 4th edn (Madrid: Sección Feminina de FET y de las JONS, 1966), p. 192.

²¹⁰ Ramiro de Maeztú, *Defensa de la Hispanidad*, 4th edn (Madrid: Editorial Cultura Española, 1941) pp. 197–199; José Luis Villacañas Berlanga, *Ramiro de Maeztu y el ideal de la burguesía en España* (Madrid: Espasa Calpe, 2000), pp. 350–378.

²¹¹ Он утверждал, что цитирует неназванного знакомого. José Calvo Sotelo, *La voz de un perseguido*, 2 vols (Madrid: Librería de San Martín, 1933, 1934), II, p. 225.

²¹² 'España: Germanos contra bereberes', в Miguel Primo de Rivera y Urquijo, ed., *Papeles póstumos de José Antonio* (Barcelona: Plaza y Janés, 1996), pp. 160–166.

²¹³ *El Debate*, 17 октября 1933 г.

El Socialista назвала выступление Хиля Роблеса «настоящей фашистской тирадой». Левые восприняли ее как реальную политику его якобы умеренной массовой партии *CEDA* (Испанская конфедерация автономных правых). Конечно, каждое его предложение встречалось восторженными аплодисментами. Фернандо де лос Риос, министр образования и изящных искусств с октября 1931 года, умеренный социалист и выдающийся профессор права, подвергался антисемитским нападкам за свою политику терпимости к еврейским школам и выражения симпатии к сефардской²¹⁴ общине в Марокко. Он отметил, что призыв Хиля Роблеса к чистке евреев и масонов отрицал юридические и политические постулаты Республики²¹⁵. Предвыборные плакаты *CEDA* провозглашали, что Испания должна быть спасена от «марксистов, масонов, сепаратистов и евреев». Все левые силы – анархисты, социалисты, коммунисты, либеральные республиканцы, региональные националисты – осуждались как антииспанские²¹⁶. Поэтому насилие против них объявлялось законным и, более того, острой патриотической необходимостью.

Резкость Хиля Роблеса соответствовала отражавшимся на страницах *El Debate* взглядам Франсиско де Луиса, сменившего Анхеля Эрреру Орию на посту редактора. Как и Онесимо Редондо, де Луис был активным сторонником теории еврейско-масонско-большевистского заговора. Его главный труд на эту тему был опубликован в 1935 году с одобрения церкви. В нем, с энтузиазмом цитируя Тускетса, «*Протоколы*», карлистскую прессу и генерала Молю, он утверждал, что целью масонства являлось разращение христианской цивилизации восточными ценностями. По мнению де Луиса, «евреи, родоначальники масонства, не имея собственного отечества, хотят, чтобы его не было ни у кого». Освободив массы от патриотических и нравственных порывов, евреи могли бы затем вербовать их для нападения на христианские ценности. В его понимании, католикам предстояла смертельная схватка, ибо «внутри каждого еврея есть масон: коварный, лживый, скрытный, ненавидящий Христа и его цивилизацию, жаждущий истребления. Масоны и евреи – создатели и управляющие социализма и большевизма»²¹⁷.

Если не считать масштабов их влияния, то между заявлениями Франсиско де Луиса и Онесимо Редондо и высказываниями друга и бывшего подчиненного генерала Моля, полицейского Хулиана Маурисио Карлавильи дель Баррио, не было особой разницы. Карлавилья родился 13 февраля 1896 года в бедной сельской семье в Новой Кастилии, в Вальпараисо-де-Арриба в Куэнке, в молодости работал сельскохозяйственным рабочим и пастухом, а затем провел три года в качестве солдата срочной службы в Марокко только потому, что не смог откупиться. По возвращении в Испанию он сдал вступительные экзамены в полицию и 9 июля 1921 года был направлен в Валенсию. Спустя всего одиннадцать месяцев его перевели в Сарагосу после того, как гражданский губернатор Валенсии пожаловался генеральному директору службы безопасности, что поведение Карлавильи наносит ущерб репутации полиции. Затем произошли быстрые переводы в Сеговию и Бильбао, а в октябре 1923 года он оказался в Мадриде. В ноябре 1925-го Карлавилью отправили в Марокко, где он установил контакты с военными деятелями, которыегодились ему в его дальнейшей карьере. Тем не менее чуть больше года спустя его перевели обратно на полуостров после обвинений в нарушениях, в том

²¹⁴ Сефарды – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове из потоков миграции иудеев внутри Римской империи, а затем внутри Халифата. Сефардами (на современном иврите – «испанцы») стали называть потомков евреев, которые были изгнаны из Испании в конце 1492 г., а затем и из Португалии. – *Примеч. ред.*

²¹⁵ *El Socialista*, 17, 21 октября 1933 г.

²¹⁶ *CEDA*, 31 октября 1933 г.

²¹⁷ Tusquets, *Orígenes*, pp. 30–44, 137–42; Francisco de Luis, *La masonería contra España* (Burgos: Imprenta Aldecoa, 1935), pp. 6, 99–102, 158–160, 191; Blinkhorn, *Carlism*, pp. 46, 179; Álvarez Chillida, *El antisemitismo*, pp. 181, 334–338.

числе в присваивании штрафов и продаже охраны для проституток. Все же в 1935 году Карлавилья получил звание *comisario* (инспектора)²¹⁸.

Первоначально он специализировался на работе под прикрытием, внедряясь в левые группы, где затем действовал в качестве агента-provokatora. Карлавилья делал это по собственной инициативе, не ставя в известность своих начальников. К примеру, он подстрекал к покушениям на Альфонсо XIII и генерала Примо де Риверу во время открытия большой выставки в Севилье в мае 1929 года, а позже приписывал себе заслугу в их предотвращении²¹⁹. Когда в начале 1930 года генерал Мола стал генеральным директором службы безопасности, Карлавилья сообщил ему о своей тайной деятельности, которую он описал как свою «роль катализатора в высшем кругу революционеров»²²⁰. По приказу Молы Карлавилья написал подробный отчет о предполагаемой деятельности коммунистической партии в Испании. В конце 1930 года этот отчет, дикую смесь фантазии и паранойи, Мола отправил во влиятельную антикоммунистическую организацию в Женеве, *Entente Internationale contre la Troisième Internationale* («Международный союз против Третьего Интернационала»). Его содержание было включено в журнал, который *Entente Internationale* рассылал подписчикам, в том числе генералу Франко. Также этот отчет лег в основу первой книги Карлавилья, *El comunismo en España*²²¹.

Карлавилья участвовал в перевороте Санхурхо: его роль заключалась в том, чтобы не дать полиции раскрыть готовившийся заговор²²². В 1932–1936 годах он написал серию бестселлеров под псевдонимом «Маурисио Карл»²²³. В первой книге, *El comunismo en España*, Карлавилья назвал различные социалистические, анархистские и коммунистические элементы рабочего движения врагом Испании, которого необходимо разгромить. Во второй и третьей книгах, *El enemigo* и *Asesinos de España*, утверждалось, что врагами, руководившими левыми убийцами Испании, были евреи, контролировавшие масонство, «их первую армию», социалистический и коммунистический Интернационалы и мировой капитализм. Величие Испании в XVI и XVII веках являлось результатом изгнания евреев, и дальнейшее сохранение величия требует повторения того же. Поскольку евреев, подлежавших выдворению из Испании, почти не было, требовалось уничтожить их лакеев – масонов и левых. Единственная надежда остановить разрушение христианской цивилизации и создание империи Израиля заключалась в том, чтобы вместе с немецкими нацистами и итальянскими фашистами победить «сектантов масонского еврейства». Карлавилья утверждал, что генерала Примо де Риверу, умершего от естественных причин, отравил еврей-масон, а каталонский финансист Франсеск Камбо был одновременно евреем и масоном.

Сто тысяч экземпляров третьей его книги, *Asesinos de España*, были бесплатно розданы военнослужащим. Она заканчивалась провокационным вызовом в их адрес. Описывая евреев,

²¹⁸ Expediente 1736, Expediente personal de Julián Mauricio Carlavilla del Barrio, Archivo General del Ministerio de Interior; Eduardo Conolly, 'Mauricio Carlavilla: el encanto de la conspiración', *HIBRIS. Revista de Bibliofilia* (Alcoy), No. 23, 2004, pp. 4 и далее.

²¹⁹ Он сам рассказал об этом под псевдонимом Маурисио Карл в *Asesinos de España: marxismo, anarquismo, masonería* (Madrid: Ediciones Bergua, 1935), pp. 60–68, 76–81.

²²⁰ Documento 272, expediente de depuración, 1 февраля 1940 г., Expediente 1736, Archivo General del Ministerio de Interior. См. также Mauricio Carlavilla, *Anti-España 1959: autores, cómplices y encubridores del comunismo* (Madrid: Editorial NOS, 1959), pp. 18, 434–438. В своих мемуарах, *Obras*, p. 758, генерал Мола описывает работу неназванного полицейского под прикрытием. Карлавилья в *Anti-España*, p. 436, утверждает, что это была отсылка к его деятельности.

²²¹ Carlavilla, *Anti-España*, p. 439.

²²² Documento 272, expediente de depuración, 1 февраля 1940 г., Expediente 1736, Archivo General del Ministerio de Interior.

²²³ Karl, *Asesinos de España*. О Карлавилье см. Southworth, *Conspiracy*, pp. 207, 212–213; Álvarez Chillida, *Antisemitismo*, pp. 320–321. Согласно Ricardo de la Cierva, *Bibliografía sobre la guerra de España (1936–1939) y sus antecedentes* (Barcelona: Ariel, 1968), pp. 115, 140, 365, его звали Маурисио Карлавилья де ла Вега. Однако в свидетельстве о рождении он зарегистрирован как Хулиан Маурисио Карлавилья дель Баррио. Более того, одна из его поздних книг, опубликованных, когда он уже не испытывал потребности в псевдониме, подписана «Маурисио Карлавилья дель Баррио “Маурисио Карл”», *Sodomitas* (Madrid: Editorial NOS, 1956). Мола признавал, что хорошо знал Карлавилью – Mola, *Obras*, p. 624.

левых и масонов как стервятников, круживших над трупом Испании, Карлавилья заявлял: «Враг заливается смехом, пока нации, служащие Сиону, бросают дипломатические кости, решая судьбу земли ее трупа. И вот Испанию, которую когда-то боялись сотни народов, ожидает такая участь, потому что ее сыновья забыли, как умирать и как убивать»²²⁴. Карлавилью выгнали из полиции в сентябре 1935 года по причине, согласно официальным документам, «серьезных проступков». Позже он заявит, что его увольнение было преследованием за анти-масонские разоблачения²²⁵.

Помимо преступной деятельности, Карлавилья был активным членом заговорщической группы *Unión Militar Española*. Первоначально его роль сводилась к написанию и распространению пропагандистских материалов в поддержку военного переворота. Однако его также считали причастным к заговорам с целью убийства Луиса Хименеса Асуа, выдающегося профессора права и депутата парламента от *PSOE*, и Франсиско Ларго Кабальеро. В мае 1936 года по приказу *UME* Карлавилья участвовал в покушении на Мануэля Асанью. В результате ему пришлось сбежать в Португалию. Все эти планы, по-видимому, были разработаны приближенным Мола, инспектором Сантьяго Мартином Багенасом, который с сентября 1932 года работал на военных заговорщиков из числа монархистов. В сорванных покушениях участвовал тот же офицер Африканской армии, капитан Мануэль Диас Криадо, спровоцировавший расстрелы в парке Марии Луизы в Севилье в июле 1931 года. В Лиссабоне Карлавилья связался с изгнанным генералом Санхурхо и остался на обочине военного заговора. Вскоре после начала войны он отправился в Бургос, где был принят в штат генерала Мола. Некоторое время Карлавилья работал там вместе с отцом Хуаном Тускетсом²²⁶.

В совокупности идеи Тускетса, Франсиско де Луиса, Энрике Эррера Ории, Онесимо Редондо, Мола, Карлавильи, карлистской прессы и всех тех, кто утверждал о существовании еврейско-масонско-большевистского заговора, оправдывали уничтожение левых. Реформы Республики и яростные нападки анархистов на нее воспринимались в равной степени как доказательство того, что левые – это безбожные неиспанцы. Поэтому жестокость Гражданской гвардии при подавлении забастовок и демонстраций, военные заговоры и террористическая деятельность фашистских группировок считались законными способами защиты настоящей Испании.

²²⁴ Karl, *Asesinos de España*, pp. 21–24, 85–89, 196–207 (о Гитлере и Муссолини), pp. 320–321 (об армии). О Камбо – pp. 74–75; Julio Rodríguez Puértolas, *Literatura fascista española*, 2 vols (Madrid: Ediciones Akal, 1986, 1987), I, p. 309; Maximiano García Venero, *Falange en la guerra civil de España: la unificación y Hedilla* (Paris, Ruedo Ibérico, 1967), p. 309.

²²⁵ Carlavilla del Barrio, Expediente 1736, Documento 129, 27 сентября 1935 г.

²²⁶ Carlavilla del Barrio, Expediente 1736, Documento 272, expediente de depuración, 1 февраля 1940 г.; *Claridad*, 4 мая 1936 г.; Joaquín Arrarás, *Historia de la cruzada española*, 8 vols, 36 томос (Madrid: Ediciones Españolas, 1939–1943), II, 9, p. 503; Guillermo Cabanellas, *Los cuatro generales*, 2 vols (Barcelona: Planeta, 1977), I, p. 274; Juan Ortiz Villalba, *Sevilla 1936: del golpe militar a la guerra civil* (Seville: Diputación Provincial, 1997), pp. 158–159; Edmundo Barbero, *El infierno azul (seis meses en el feudo de Queipo)* (Madrid: Talleres del SUIG (CNT), 1937), p. 39.

3

Правые переходят в наступление (1933–1934 годы)

После победы на выборах в ноябре 1933 года правые перешли в наступление как раз в тот момент, когда кризис безработицы достиг своего пика. В декабре того же года по всей Испании без работы оставались 619 000 человек, что составляло 12 % от общей численности рабочей силы. В отсутствие в Испании систем социального обеспечения эти показатели, хотя и были гораздо ниже, чем в Германии и Италии, означали повсеместные и огромные физические лишения. Поскольку лидер социалистов Франсиско Ларго Кабальеро больше не возглавлял Министерство труда, никакой защиты не было даже для тех, кто работал. В Хаэне, например, новый гражданский губернатор-радикал отменил существовавшие соглашения об условиях труда. В случае с *turno riguroso* (строгой ротацией рабочих мест среди безработных) во время сбора урожая оливок хозяева получили возможность предоставлять работу только самой дешевой рабочей силе, не состоявшей в профсоюзе. В результате многие семьи оказались на грани голодной смерти²²⁷. Ухудшение условий привело к увеличению давления со стороны рядовых членов профсоюзов на профсоюзных лидеров: они требовали от них активных действий, особенно в сельском хозяйстве, металлургии и строительстве – отраслях, работники которых были представлены значительными группами в *UGT*. На аграрном юге количество безработных было значительно больше, чем в промышленных районах. Серьезнее остальных пострадали провинции Хаэн, Бадахос и Кордова, где число безработных превышало средний показатель по стране на 50 %. Как только землевладельцы начали полностью игнорировать социальное законодательство и мстить за неудобства предыдущих двух лет, безработица стала еще выше. К апрелю 1934 года она достигла показателя в 703 000 человек²²⁸.

В противовес всему этому Ларго Кабальеро отвечал на беды простых рабочих лишь пустыми революционными лозунгами. Однако тот факт, что у него не было конкретных планов восстания, не уменьшил опасений среднего класса, вызванных как его заявлениями, так и стремлением анархистов к революционному насилию. По сути, когда 8 декабря 1933 года *CNT* наивно призвала к новому общенациональному восстанию, социалисты демонстративно остались в стороне. В итоге на призыв откликнулось лишь несколько традиционно анархистских районов. Несмотря на то что сторонники *CNT* в Астурии и большей части Андалусии отказались действовать, по стране прокатилась волна эпизодических забастовок с применением насилия, несколько поездов сошли с рельсов, а посты Гражданской гвардии подверглись нападениям. В Галисии, Риохе, Каталонии и Аликанте восстание быстро подавили и арестовали несколько сотен человек. По всей Испании были убиты 125 человек: 16 – из сил правопорядка, 65 анархистов и 44 – из числа невинных прохожих²²⁹.

²²⁷ Francisco Cobo Romero, *Labradores, campesinos y jornaleros: protesta social y diferenciación interna del campesinado jiennense en los orígenes de la Guerra Civil (1931–1936)* (Cordoba: Publicaciones del Ayuntamiento de Córdoba, 1992), pp. 400–405.

²²⁸ *Boletín del Ministerio de Trabajo*, январь 1935 г.

²²⁹ Enrique Montañés, *Anarcosindicalismo y cambio político: Zaragoza, 1930–1936* (Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 1989), pp. 98–100; José María Azpiroz Pascual, *Poder político y conflictividad social en Huesca durante la II República* (Huesca: Ayuntamiento de Huesca, 1993), pp. 161–169; Enrique Pradas Martínez, *La segunda República y La Rioja (1931–1936)* (Logroño: Cuadernos Riojanos, 1982), pp. 139–154; Enrique Pradas Martínez, ed., *8 de diciembre de 1933: insurrección anarquista en La Rioja* (Logroño: Cuadernos Riojanos, 1983), *novsiudy*; Salvador Forner Muñoz, *Industrialización y movimiento obrero: Alicante 1923–1936* (Valencia: Edicions Alfons el Magnànim, 1982), pp. 354–357; José Manuel Macarro Vera, *La utopía revolucionaria: Sevilla en la segunda República* (Seville: Monte de Piedad y Caja de Ahorros de Seville, 1985), p. 368; Joaquín Arrarás, *Historia de la segunda República española*, 4 vols (Madrid: Editora Nacional, 1956–1968), II, pp. 251–257; José Peirats, *La CNT en la revolución española*, 2nd edn, 3 vols (Paris: Ediciones Ruedo Ibérico, 1971), I, pp. 77–80; César M. Lorenzo, *Les Anarchistes espagnols et le pouvoir* (Paris: Éditions du Seuil, 1969), pp. 79–80; Roberto Villa, 'La CNT frente a la República: la insurrección revolucionaria de diciembre de 1933', *Historia y Política*, No. 24, 2010.

9 декабря в Бухалансе, в высококонфликтной Кордове, раздались отголоски Касас-Вьехас. Ситуация там все время накалялась из-за пренебрежения землевладельцами соглашениями об оплате и условиях труда. Крестьяне-анархисты захватили часть города и попытались взять ратушу. В ответ Гражданская гвардия атаковала все дома, двери которых не были открыты. В результате тридцатичасовой борьбы погибли 1 гвардеец, 2 анархиста и 4 невинных мирных жителя, в том числе 1 женщина, 1 восьмилетний ребенок и 1 пожилой землевладелец. Двух предполагаемых зачинщиков гвардейцы схватили в соседней Поркуне и застрелили «при попытке к бегству». Было задержано 200 человек, многие из них подверглись жестоким избиениям со стороны Гражданской гвардии. Гражданский губернатор Мариано Хименес Диас возложил вину за события в Бухалансе на землевладельцев, которые игнорировали трудовые соглашения и накапливали огнестрельное оружие²³⁰.

О масштабах социальной ненависти в Кордове можно судить по свидетельству профсоюзного лидера из Баэны:

Те же хозяева, которые тратят 400 000 песет на шаль для статуи Девы Марии или на распятие для церкви, жалеют оливкового масла на еду для рабочих и предпочитают заплатить адвокату 25 000 песет, чем лишние 25 центов поденщикам, чтобы не создать прецедента и не позволить рабочим добиваться своего. В Баэне был сеньорито²³¹, который загонял скот на засеянные поля, вместо того чтобы платить жнецам оговоренную зарплату. Один священник, у которого была ферма, когда парень спускался за оливковым маслом, делал вмятины в оловянной кувшине, чтобы в него помещалось меньше масла.

Далее этот профсоюзный лидер прокомментировал неуступчивость работодателей в вопросах какого-либо улучшения ужасного положения сельскохозяйственных рабочих:

У них были власть, влияние и деньги; у нас же за спиной было всего две-три тысячи поденщиков, и нам постоянно приходилось сдерживать их, поскольку отчаяние из-за невозможности прокормить своих детей превращало мужчин в диких зверей. Мы знали, что работодатели, хорошо защищенные силами правопорядка, не беспокоились о жертвах, потому что они просто подкупали чиновников, чтобы те меняли документы и делали черное белым. На самом деле, они были рады насилью, потому что оно служило удобным предупреждением для каждого мятежника о том, как опасно плыть против течения.

Его собственный опыт молодости был показателен:

В те несколько раз (два или три), когда я ходил с комитетом обсуждать условия с работодателями, единственным вопросом, который поднимался, была зарплата; о еде или количестве часов работы не могло быть и речи, поскольку все это считалось включенным в статью «Местные обычаи и нравы», что означало просто работу до ломоты в спине, от рассвета до заката, или в течение стольких часов, сколько добавляли бригадиры, лизавшие задницы своим хозяевам, — то есть с момента, когда едва светало, до наступления времени, когда становилось слишком темно, чтобы хоть что-нибудь разглядеть. Помню, во время одной жаркой дискуссии один из касиков

²³⁰ Francisco Moreno Gómez, *La República y la guerra civil en Córdoba* (Córdoba: Ayuntamiento de Córdoba, 1982), pp. 244–248; Manuel Pérez Yruela, *La conflictividad campesina en la provincia de Córdoba 1931–1936* (Madrid: Servicio de Publicaciones Agrarias, 1979), pp. 169–172.

²³¹ Сеньорито (исп. *señorito*) – молодой хозяин, барчук. – *Примеч. ред.*

назвал меня «сопливым пацаном, недавно вылезшим из скорлупы», и сказал, что, если бы мой отец знал, насколько я глуп, он бы не стал подбрасывать мне корм. Это истощило мое терпение, я встал и как можно серьезнее сказал ему: «Это правда, сеньор, что мне не раз приходилось есть не корм для скота, нет, но остатки жареного хлеба, которые вы выбрасываете на корм своим собакам, – очень христианский поступок в городе, где дети рабочих умирают от голода»²³².

В западном регионе Эстремадура, где преобладали крупные поместья, или *латифундии*, произошел ряд кровавых инцидентов с участием *CNT*. В провинции Касерес, в Навальмораль-де-ла-Мата, были подожжены две церкви²³³. Однако, поскольку социалистическая Национальная федерация землевладельцев (*FNTT*) не участвовала в этом, более южная провинция Бадахос осталась практически незатронутой, за исключением Вильянуэва-де-ла-Серена. Там сержант пехоты Пио Сопена Бланко вместе с 8 такими же анархистами захватил призывной пункт, убив 2 гвардейцев и ранив еще 1. Их окружили, но вместо того, чтобы подождать, пока они сдадутся, объединенные подразделения Гражданской гвардии, Штурмовой гвардии и армии обстреляли здание из крупнокалиберных пулеметов и артиллерии. Пио Сопена и 2 других анархистов погибли во время атаки, а еще 6 хладнокровно расстреляли. Хотя местные социалисты не были замешаны в этом, мэра и служащих *Casa del Pueblo* (клуба рабочих) арестовали. *Casa del Pueblo* в Вильянуэве и еще пять других таких клубов были закрыты²³⁴.

Эти инциденты с участием *CNT* отвлекали внимание от усугублявшейся проблемы недоедания. Ее причина заключалась не только в том, что землевладельцы урезали зарплаты и отказывали в работе членам профсоюзов, но и в росте цен на товары первой необходимости. После того как новое радикальное правительство отменило контроль над ценами на хлеб, его стоимость выросла на 25–70 %. Демонстрации голодных женщин, детей и стариков, требовавших хлеба, стали частым явлением²³⁵. Таким образом, в конце 1933 года лидеры социалистов столкнулись с усилением агрессивных настроений среди масс, которые подпитывались поведением работодателей и горечью от мнимой несправедливости поражения на выборах. Удрученные решимостью правых уничтожить то, что они считали базовым гуманитарным законодательством, еще больше членов профсоюзного движения и молодежного крыла *PSOE* (*Federación de Juventudes Socialistas, FJS*, Федерации социалистической молодежи Испании) пришли к убеждению, что буржуазная демократия никогда не позволит установить даже минимальную социальную справедливость, не говоря уже о полноценном социализме. Боясь потерять поддержку, Ларго Кабальеро отреагировал еще большим повышением своего революционного тона. В середине января 1934 года он заявил, что для преобразования общества необходимо вооружить народ и разоружить силы капитализма – армию, Гражданскую гвардию, Штурмовую гвардию, полицию и суды: «Нельзя вырвать власть из рук буржуазии, просто болея за социализм»²³⁶.

Эта резкая риторика не подкреплялась какими-либо серьезными революционными намерениями, но, транслируемая правой прессой, она лишь усиливала страхи среднего класса. Словесный экстремизм Ларго Кабальеро был рассчитан на рядовых недовольных, но также имел целью оказать давление на президента Алькалу Самору, чтобы тот назначил новые выборы. Это было опасно безответственно. Если бы президент не отреагировал на давление, социалистам пришлось бы либо выполнить угрозы Ларго Кабальеро, либо отступить и потерять лицо

²³² Francisco Moreno Gómez, *La guerra civil en Córdoba (1936–1939)* (Madrid: Editorial Alpuerto, 1985), p. 238.

²³³ Fernando Ayala Vicente, *La violencia política en la provincia de Cáceres durante la Segunda República (1931–1936)* (Brenes: Muñoz Moya Editores Extremeños, 2003), pp. 67–68.

²³⁴ Juan-Simeón Vidarte, *El bienio negro y la insurrección de Asturias* (Barcelona: Grijalbo, 1978), pp. 58–59, 70–81.

²³⁵ Mario López Martínez, *Orden público y luchas agrarias en Andalucía* (Madrid: Ediciones Libertarias/Ayuntamiento de Córdoba, 1995), pp. 351–354.

²³⁶ Francisco Largo Caballero, *Discursos a los trabajadores* (Madrid: Gráfica Socialista, 1934), pp. 140–142.

перед своими активистами. Поскольку вероятность осуществления его угроз была невелика, из последствий могли извлечь выгоду только правые.

Непродуманная риторика Ларго Кабальеро являлась отражением как агрессивных нападок на социальное законодательство, последовавших за победой правых на выборах, так и страха перед фашизмом. Он чувствовал, что должен был ответить делегациям рабочих из провинций, которые приехали в Мадрид, чтобы умолять руководство социалистической партии (PSOE) организовать контрнаступление²³⁷. В то же время он и другие подозревали, что возможный фашистский переворот угрожал не только законодательству Республики, но и им самим. Уходивший в отставку министр юстиции Фернандо де лос Риос 22 ноября сообщил исполкому PSOE о планах подготовки правыми переворота, который предусматривал арест руководства социалистов²³⁸. В течение ноября и декабря в социалистической прессе часто появлялись материалы, указывавшие на фашистские амбиции Хилья Роблеса и CEDA. Среди перепечатанных документов были планы CEDA по созданию гражданского ополчения для борьбы с революционной активностью со стороны рабочего класса. Из других документов следовало, что при молчаливом одобрении полиции CEDA собирала досье на рабочих в каждой деревне с полной информацией о ведении ими «подрывной деятельности», что означало членство в профсоюзе. Появление ополченцев в форме молодежного движения CEDA (*Juventud de Acción Popular*) было воспринято как доказательство подготовки к установлению фашизма в Испании²³⁹.

В рядах социалистической молодежи и среди младших, неопытных членов профсоюза неизбежно начался значительный подъем революционных настроений. Ларго Кабальеро был рад пойти навстречу их требованиям, чтобы они не переметнулись к более воинственной CNT. Хотя на совместном заседании руководства профсоюза (UGT) и партии (PSOE) 25 ноября предложения революции были отклонены, умеренный Индалесио Прието неохотно согласился с необходимостью «оборонительных действий». Оба руководителя пошли на компромисс, приняв декларацию, призывавшую рабочих быть готовыми начать мятеж и противостоять «реакционерам в случае, если они выйдут за рамки Конституции в своем публичном стремлении свести на нет работу Республики». Для подготовки этих «оборонительных действий» был создан совместный комитет PSOE-UGT²⁴⁰. Неучастие социалистов в восстании CNT двумя неделями позже показало, что их стремление к проведению реформ возобладало над новой революционной риторикой. Поддержка CEDA нападения на профсоюзы, а также заявленная ею решимость разгромить социализм и построить корпоративистское государство делали ее для большинства испанских левых неотличимой от итальянской фашистской партии или ранней нацистской партии. Лидеры социалистов хотели избежать ошибок, допущенных их немецкими и итальянскими товарищами, но у них не было реальных намерений организовать революцию. Вместо этого они надеялись, что угрозы революцией успокоят недовольство рядовых членов партии и сдержат агрессию правых.

Ни одна социалистическая организация не приняла участия в акции CNT, хотя несколько отдельных активистов сделали это, полагая, что это и были «оборонительные действия», о которых договорились 26 ноября²⁴¹. В кортесах Прието осудил «это пагубное движение». Однако, когда и Хиль Роблес, и лидер монархистов Антонио Гойкоэчеа с энтузиазмом предложили правительству помощь в подавлении подрывной деятельности, Прието отреагировал гневно.

²³⁷ Francisco Largo Caballero, *Mis recuerdos: cartas a un amigo* (Mexico City: Editores Unidos, 1953), pp. 132–133.

²³⁸ Actas de la Comisión Ejecutiva del PSOE, 22 ноября 1933 г., Fundación Pablo Iglesias [далее FPI], AH 20–2; Francisco Largo Caballero, *Escritos de la República*, ed. Santos Juliá (Madrid: Fundación Pablo Iglesias, 1985), pp. 40–43.

²³⁹ *El Socialista*, 26, 28, 30 ноября, 1, 2, 8, 19, 21 декабря 1933 г., 13, 14 января 1934 г.

²⁴⁰ *Boletín de la UGT*, январь 1934 г.; Amaro del Rosal, 1934: *el movimiento revolucionario de octubre* (Madrid: Akal, 1983), pp. 93–150.

²⁴¹ *El Socialista*, 12 декабря 1933 г.; Largo Caballero, *Escritos*, pp. 48–50; Amaro del Rosal, 1934: *el movimiento revolucionario de octubre* (Madrid: Akal, 1983), pp. 35–93.

Его возмущало, что «враги Республики» поддерживали режим только тогда, когда речь шла о репрессиях против рабочего класса. Из-за их решимости заставить замолчать рабочие организации Прието пронизательно сказал правым депутатам: «Вы закрываете нам все выходы и провоцируете нас на кровавый конфликт»²⁴².

16 декабря Леррус сформировал правительство при парламентской поддержке *CEDA*. Три дня спустя Хиль Роблес выступил в кортесах с программным заявлением, в котором объяснил, что в обмен на голоса *CEDA* он ожидает амнистии для тех, кого посадили за переворот Санхурхо в августе 1932 года, и тщательного пересмотра религиозного законодательства Учредительных кортесов (названных так потому, что именно этот парламент разработал и утвердил республиканскую конституцию). Наибольшую тревогу у левых вызывали его требования отменить реформы, улучшавшие положение безземельного крестьянства, – законы о муниципальных границах и об обязательной обработке земли, а также введение восьмичасового рабочего дня и смешанных судов присяжных (арбитражных комитетов). Также Хиль Роблес требовал сокращения площади земель, подлежащих экспроприации в соответствии с законопроектом об аграрной реформе, и осуждал социалистическую концепцию оседания крестьян на земле. Левых беспокоило его заявление о том, что его цель – возглавить правительство и изменить Конституцию: «Мы не торопимся, мы хотим, чтобы другие предложения провалились и непосредственный опыт показал испанскому народу, что может быть только одно решение, однозначно правое решение». За спокойным тоном скрывалась серьезная угроза: если события покажут невозможность развития инициатив правого крыла, Республика поплатится за последствия. Неудивительно, что социалисты расценили это выступление как фашистское²⁴³. В ответ Индалесио Прието ясно дал понять, что для социалистов законодательство, которое Хиль Роблес намеревался отменить, делало Республику стоящей того, чтобы ее защищать. Он пригрозил, что социалисты защитят Республику от диктаторских амбиций Хиля Роблеса, устроив революцию²⁴⁴. В этом обмене мнениями просматривалось закладывание основ для кровавых событий октября 1934 года.

О сложнейшей дилемме, с которой столкнулось руководство *PSOE*, Фернандо де лос Риос рассказал 2 января 1934 года, когда посетил бывшего премьер-министра Мануэля Асанью. Асанья записал в своем дневнике:

Он рассказал мне о невероятных и жестоких преследованиях, которым подвергались политические и профсоюзные организации рабочих со стороны властей и работодателей. Гражданская гвардия осмеливалась делать то, чего никогда не осмеливалась делать раньше. Сдержат возмущение масс было невозможно. Лидеры социалистов испытывали подавленность. Чем все это закончится? Вероятно, большим несчастьем. Я знал о варварской политике, проводимой правительством, о том, как землевладельцы обрекают сельских рабочих на голод, о мести и репрессиях в отношении других рабочих.

Я знаю лозунг «Пусть Республика кормит вас» [*Comed República*]. Но все это и многое другое, о чем рассказал мне де лос Риос, и меры правительства, и политика радикального большинства *CEDA* в кортесах, направленная только на то, чтобы свести на нет работу Учредительных кортесов, не делали ни целесообразным, ни оправданным начало социалистической партии и *UGT* силового движения.

Асанья категорически заявил де лос Риосу, что долг социалистического руководства – заставить своих сторонников понять, что восстание было бы безумием, – даже ценой собствен-

²⁴² *DSC*, 12 декабря 1933 г.

²⁴³ *DSC*, 19 декабря 1933 г.; *El Debate*, 22 декабря 1933 г.; *Renovación*, 23 декабря 1933 г.

²⁴⁴ *DSC*, 20 декабря 1933 г.

ной популярности. Он объяснил это тем, что «нет никаких оснований ожидать от правых спокойной реакции или даже ограничения их реакции лишь восстановлением закона и порядка. На самом деле они злоупотребят своей победой и выйдут далеко за рамки того, что уже происходит и о чем они заявляют». Вскоре после этого де лос Риос передал пророческие слова Асаны исполнительному комитету *PSOE*. Однако, в силу неуступчивости работодателей, лидеры партии не могли сказать своим рядовым членам, чтобы те набрались терпения²⁴⁵.

В отделения *PSOE* со всей Андалусии и Эстремадуры поступали сообщения о провокациях со стороны землевладельцев и гвардейцев. Новое правительство назначило несколько консервативных губернаторов провинций на юге, что вскоре привело к безнаказанному нарушению закона и росту «превентивной жестокости» Гражданской гвардии. В деревне Эль-Реаль-де-ла-Хара, расположенной в сьерре в северной части провинции Севилья, местные землевладельцы отказались нанимать рабочих, состоявших в профсоюзе. Последовавшая за этим забастовка продолжалась несколько месяцев, а в декабре 1933 года гвардейцы жестоко избили нескольких голодавших рабочих, которых поймали с желудями, украденными из свиных корыт. Когда мэр деревни выразил протест командиру местной Гражданской гвардии по поводу этих злоупотреблений, гражданский губернатор отстранил первого от должности. В Вента-де-Бауль (Гранада) вооруженные охранники одного из касиков, члена *CEDA*, избили местных профсоюзных лидеров²⁴⁶.

В Фуэнте-дель-Маэстре, Фуэнте-де-Кантос, Кармоните и Алькончеле (Бадахос) именно Гражданская гвардия устраивала побоища, когда голодных рабочих ловили за сбором опавших оливок и желудей. В других районах Бадахоса, чтобы рабочие не могли таким образом утолить голод, хозяева выводили в поля свиней, которые поедали опавший урожай. Несколько *yunteros* (пахарей), начавших распахивать заброшенное поместье, посадили в тюрьму, а в соседнем Орначосе Гражданская гвардия заняла *Casa del Pueblo*. А в связи с гибелью людей девятью месяцами ранее в том же городе ничего не было предпринято. Во многих населенных пунктах, особенно в Бадахосе, Хаэне и Кордове, землевладельцы игнорировали постановление о ротации рабочих мест среди тех, кто был зарегистрирован на местной бирже труда. Они давали работу только тем, кто проголосовал за правых, и систематически отказывали в найме членам *FNTT*. В Альмендралехо во время сбора винограда и оливок, несмотря на массовую безработицу среди местного населения, привлекли две тысячи сторонних рабочих. В Орельяна-ла-Вьеха и Оливенсе хозяева нанимали только женщин и детей, которым платили лишь часть зарплаты, обычно выплачивавшейся мужчинам²⁴⁷.

Заработная плата снизилась на 60 %. Голод порождал отчаяние, и по обе стороны социальной пропасти нарастала ненависть. В Приего-де-Кордова делегация членов профсоюза, которые не работали в течение четырех месяцев, обратилась к мэру с просьбой вмешаться. Тот ответил, что не может никого обязать дать им работу, и посоветовал на коленях умолять землевладельцев нанять их. И эта проблема распространялась не только на юг. Один профсоюзный деятель из Вильянуэва-дель-Ребольяр в кастильской провинции Паленсия писал: «*Caciques* следует быть осторожнее в своем безрассудстве. Наше терпение истощается». Руководство *FNTT* неоднократно обращалось к новому министру труда Рикардо Самперу с просьбой обеспечить выполнение существовавшего социального законодательства, но все было безрезультатно²⁴⁸.

²⁴⁵ Дневниковая запись за 1 июля 1937 г., в Manuel Azaña, *Obras completas*, 4 vols (Mexico City: Ediciones Oasis, 1966–1968), IV, p. 650; Vidarte, *El bienio negro*, p. 97.

²⁴⁶ *El Obrero de la Tierra*, 6 января 1934 г.

²⁴⁷ *DSC*, 25 января 1934 г.; Margarita Nelken, *Por qué hicimos la revolución* (Barcelona: Ediciones Sociales Internacionales, 1936), pp. 87–96.

²⁴⁸ *Renovación*, 20 января 1934 г.; *El Obrero de la Tierra*, 23 декабря 1933 г., 6, 13, 20 января 1934 г.

В конце декабря 1933 года на рассмотрение кортесов уже был представлен законопроект о выселении крестьян, занявших земли в Эстремадуре годом ранее. В январе 1934 года был временно отменен закон о муниципальных границах. *CEDA* также представила проекты по свертыванию аграрной реформы 1932 года за счет уменьшения площади земель, подлежащих экспроприации, и по возвращению земель, конфискованных у участников военного восстания в августе 1932 года. Столкновения между Гражданской гвардией и *braceros* учащались ежедневно²⁴⁹.

Длившиеся в течение января долгие и зачастую ожесточенные дискуссии между руководством *PSOE* и *UGT* о возможных революционных действиях в защиту Республики завершились поражением «осторожной линии». Лидерство в *UGT* перешло к Ларго Кабальеро и более молодым членам, которые поддерживали его «революционную» риторику. Поскольку *PSOE*, ее молодежное крыло – *FJS*, и теперь *UGT* находились в руках сторонников «радикальной линии», для подготовки революции был немедленно создан объединенный комитет. В организации *PSOE*, *UGT* и *FJS* в каждой провинции разослали семьдесят три наивных инструкции по созданию отрядов ополчения, приобретению оружия, установлению связей с сочувствующими в армии и Гражданской гвардии и организации технического персонала для управления основными службами. Полученные ответы показали абсурдно оптимистичный характер этих целей, и, если не считать потока сообщений, поступивших от комитета, почти никаких практических действий предпринято не было²⁵⁰.

Однако эти многочисленные сообщения не были тайными. Действительно, революционная риторика самопровозглашенных «большевиков» была крайне неосмотрительной и давала правым достаточно оснований для преувеличения опасности революционного социализма. Буйный радикализм молодых социалистов использовался на протяжении весны и лета 1934 года для оправдания жестких репрессий против забастовок, далеких по своим намерениям от революционных. Согласно совершенно несекретному плану, революционеры собирались начать действовать в том случае, если *CEDA* позволят принять участие в работе правительства. Между невнятно обсуждавшимся «революционным моментом» и потребностями и деятельностью рабочего движения не было никакой связи. Не продумывалось даже то, как применить потенциал организованной рабочей силы для планировавшейся революции. Напротив, по своей привычке профсоюзного деятеля Ларго Кабальеро 3 февраля убедил новое руководство *UGT* ничего не предпринимать для прекращения обычных забастовок, которые власти в то время рассматривали как подрывные²⁵¹.

Одно из самых далекоидущих последствий неловкого поворота Ларго Кабальеро влево коснулось сельского пролетариата. На заседании национального комитета профсоюза земледельцев, *Federación Nacional de Trabajadores de la Tierra (FNTT)*, 30 января 1934 года умеренный исполком подал в отставку и был полностью заменен молодыми радикалами во главе с представителем Наварры Рикардо Сабальсой Элоргой²⁵². Новый генеральный секретарь Сабальса носил очки и был высоким, красивым и довольно застенчивым тридцатилетним профсоюзным деятелем. Он родился в Эрратсу на севере Наварры. Бедность его семьи вынудила его в возрасте пятнадцати лет эмигрировать в Аргентину. Там Сабальса работал в ужасающих условиях, что побудило его вступить в профсоюз. Всегда стремившийся к само-

²⁴⁹ *El Debate*, 27 декабря 1933 г., 26, 27 января, 8, 25 февраля 1934 г.; *Renovación*, 6 января 1934 г.; *El Socialista*, 23, 25, 26 января, 2 февраля 1934 г.; *La Mañana*, 17, 19, 20 января 1934 г.

²⁵⁰ *BUGT*, январь 1934 г.; *El Socialista*, 25, 26, 28, 30 января 1934 г.; *BUGT*, февраль 1934 г.; Rosal, 1934, pp. 94–200; Largo Caballero, *Mis recuerdos*, pp. 134–135; Gabriel Mario de Coca, *Anti-Caballero: una crítica marxista de la bolchevización del Partido Socialista Obrero Español* (Madrid: Ediciones Engels, 1936), pp. 133, 137–142; Largo Caballero, *Escritos*, pp. 64–141; Dolores Ibarruri и др., *Guerra y revolución en España*, 4 vols (Moscow: Editorial Progreso, 1967–1977), I, pp. 52–57; Santos Juliá Díaz, *Historia del socialismo español (1931–1939)* (Barcelona, 1989), pp. 101–102.

²⁵¹ Rosal, 1934, pp. 200–256.

²⁵² *El Obrero de la Tierra*, 3 февраля 1934 г.

образованию, он сумел стать школьным учителем, а потом и директором школы. В Испанию вернулся в 1929 году. Живя в Хаке в Пиренеях, Сабальса стал активным членом *UGT*. В 1932 году он переехал в столицу Наварры, Памплону, где приложил немало усилий для создания местного отделения *FNTT*. Среди всех провинций Испании в Наварре правые были одними из самых влиятельных и жестоких и грубо нарушали республиканское социальное и трудовое законодательство. После победы на выборах правой коалиции в Наварре, как и на юге страны, местные землевладельцы отказывали в работе членам профсоюзов и игнорировали существовавшее социальное законодательство²⁵³.

Новое радикальное правительство было вынуждено защищать интересы землевладельцев – как в силу настроений более консервативных его членов, так и в силу зависимости от голосов *CEDA*. Его приход к власти как раз в то время, когда в Германии и Италии набирал силу фашизм, укрепил в социалистическом движении веру в то, что только революционное восстание могло предотвратить установление правой диктатуры. Внутри *FNTT* Сабальса начал выступать за всеобщую забастовку, чтобы положить конец притеснениям со стороны работодателей. Более старшие руководители *UGT* не одобрили этой опрометчивой, по их мнению, инициативы, которая, кроме того, могла ослабить будущее восстание против возможной попытки создания авторитарного государства. Подозрения в намерениях правых усилились после назначения в начале марта тридцатидевятилетнего Рафаэля Саласара Алонсо министром внутренних дел.

Саласар Алонсо поспешил созвать подчиненных, отвечавших за общественный порядок, и изложить свои «антиреволюционные» планы. Главой Гражданской гвардии являлся бригадный генерал Сесилио Бедиа де ла Кавальерия. За полицию и Штурмовую гвардию отвечал генеральный директор службы безопасности капитан Хосе Вальдивия Гарси-Боррон, друг Алехандро Лерруса и человек твердых реакционных убеждений. Вальдивия заверил Саласара Алонсо, что они могут полностью положиться на главу Штурмовой гвардии, бескомпромиссного «африканца», подполковника Агустина Муньоса Грандеса, который впоследствии стал вице-президентом в правительстве Франко. Не менее благосклонно Вальдивия отзывался и о капитане Гражданской гвардии Висенте Сантьяго Ходсоне, ярком противнике левых, руководителе разведывательной службы, созданной генералом Молой, и коллеге подлого Хулиана Маурисио Карлавили. Наличие в его подчинении таких реакционных личностей вполне отвечало репрессивным амбициям Саласара Алонсо²⁵⁴.

²⁵³ Emilio Majuelo, *Luchas de clases en Navarra (1931–1936)* (Pamplona: Gobierno de Navarra, 1989), pp. 40–61, 206–211, 221 и далее; Emilio Majuelo, *La generación del sacrificio: Ricardo Zabalza 1898–1940* (Tafalla: Editorial Txalaparta, 2008), pp. 237–238.

²⁵⁴ О Вальдивии и Сантьяго см. Azaña, *Obras completas*, IV, p. 569; Ministerio de la Guerra, Estado Mayor Central, *Anuario Militar de España 1936* (Madrid: Imprenta y Talleres del Ministerio de la Guerra, 1936), pp. 326, 380. О Муньосе Грандесе см. Fernando Vadillo, *Muñoz Grandes, el general de la División Azul* (Madrid: Fundación Don Rodrigo, 1999), pp. 71–78.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.